

Министерство культуры Свердловской области
Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е. Клера
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Уральский государственный
архитектурно-художественный университет
Уральский государственный педагогический университет
Общество уральских краеведов
Центр сохранения и популяризации наследия В.Н. Татищева

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Всероссийская научно-практическая конференция
(Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 года)*

Материалы

Часть 1

Екатеринбург • Издательство КВАДРАТ • 2024

ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Т 67

Редакционная коллегия:

И.В. Побережников, чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (ответственный редактор)
В.Г. Железкин, канд. ист. наук
Л.И. Зорина, канд. ист. наук
С.А. Корепанова, канд. ист. наук
Г.Е. Корнилов, д-р ист. наук
Г.А. Кругликова, канд. ист. наук
Е.В. Максимовских, секретарь оргкомитета чтений
С.В. Соколов, канд. ист. наук

Т 67 Четырнадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 г.): материалы: в 2 ч.: Ч.1 / отв. ред. И.В. Побережников; М-во культуры Свердловской области; СОКМ им. О.Е. Клера; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Урал. гос. архитектурно-художественный ун-т; Урал. гос. пед. ун-т.; О-во уральских краеведов; Центр сохранения и попул. наследия В.Н. Татищева. — Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2024. — 272 с.

ISBN 978-5-91357-102-1.

В материалах Чтений нашли отражение вопросы деятельности В.Н. Татищева, проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, истории уральской промышленности, общественной жизни и духовной культуры Урала в широкой исторической ретроспективе. Сборник рассчитан на историков, краеведов, всех, кто интересуется историей Урала.

*ББК 28.89(235.55)
УДК 908(470.5)(063)
Т 67*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Центра сохранения и популяризации наследия В.Н. Татищева*

© Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера, 2024
© Текст: авторы, 2024
© Оригинал-макет: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2024

ISBN 978-5-91357-102-1

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

К.Д. Бугров

«Цеха тишины»: научно-технические ландшафты
Екатеринбурга XX века
и их историко-культурная значимость 6

Т.В. Вересова

Татищевы и Псковский край
в архивных и литературных источниках 18

Т.А. Базарова

Принежье в первые годы Северной войны:
начало промышленного освоения 34

СЕКЦИЯ I. ИСТОРИЯ УРАЛА XVI – НАЧАЛА XX ВЕКА

А.С. Захаров

Особенности социально-политической борьбы на Урале
в середине XVII века на примере
Верхотурского восстания 45

Е.В. Злобарева

Женщина в системе
Уральского горнозаводского ведомства
в первой половине XVIII века 54

К.И. Зубков

Урал в антропогеографической концепции
В.П. Семенова-Тян-Шанского 59

В.Г. Карелин

Уральские горы в трудах В.Н. Татищева 68

А.Н. Карфидов

Невьянск глазами писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка 74

С.Н. Копырина

Медицинское обеспечение населения казенных заводов Урала
в первой половине XVIII века 80

Н.С. Корепанов

Война в Екатеринбургском ведомстве, 1774 год.
Особенности 89

Е.А. Курлаев

Распространение империи Демидовых
в верховьях реки Чусовой. 98

И.А. Новиков Роль В.Н. Татищева в создании Исетской провинции — первого административно-территориального образования на Южном Урале и в Зауралье.	105
В.Д. Пузанов Слободы Зауралья в XVII веке	114
А.М. Сафронова Роль В.Н. Татищева и В.И. де Геннина в формировании Екатеринбурга как нового интеллектуального центра России	122
А.Н. Торопов Архивные материалы по истории Верх-Исетского горнозаводского округа во второй половине XVIII – начале XX века	131
П.И. Торопова «Квартирный вопрос» в Екатеринбурге конца XIX века (проблемы сохранения и музеефикации)	136
К.А. Уланов Путевой журнал Ивана Бухвалова о караване с уральским железом 1732–1733 годов	144
А.А. Феденева Иностранные торговые компании на Урале в 1890-х – 1913 годах: состав и анализ деятельности	151
Ю.М. Ярков Выборы в Екатеринбургскую городскую Думу (1917 г.)	159
СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ УРАЛА XX-XXI ВЕКОВ	
М.В. Бекленищева Экспорт образования по-советски: иностранные студенты в вузах Свердловска	169
М.А. Белоусова К истории уральского отделения «Крестьянской газеты» 1923–1930 годов	178
Л.А. Долгих За чистое жилище и благоустроенную улицу	187
В.В. Запарий Центр истории науки и техники кафедры истории России УГИ УрФУ	191

Н.Н. Зипунникова Юридический вуз на Урале: к 105-летию УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева	196
Ю.С. Зорихина 248-й отдельный гвардейский минометный дивизион в истории поискового отряда «Память» города Верхней Салды Свердловской области (80-летию со дня формирования УДТК посвящается)	205
А.П. Килин «В квартале Ленина, Вайнера, Малышева, Троцкого»: свердловские ярмарки в годы нэпа	216
В.А. Курочкин Преемственность дизайн-образования на Урале. История и современные тренды проектирования транспортных средств	225
Н.В. Матвеева История Качканарского горно-обогатительного комбината через призму деятельности Н.Я. Еремина	230
А.Ю. Николаева Проблема плановозависимого развития соцгородов Урала на примере Красновишерска	239
В.В. Филатов Научные школы горных специальностей Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (1934–2023 годы)	244
М.С. Чернышева Эффективность деятельности местных органов Главлита на Урале в 20-е годы XX века	254
Я.Ю. Ярков Архивные документы ЦДООСО о жизни иностранцев на Урале в конце 1920-х – начале 1930-х годов	262
Список сокращений	271

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 94(470.5)

К.Д. БУГРОВ¹

«ЦЕХА ТИШИНЫ»: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЛАНДШАФТЫ ЕКАТЕРИНБУРГА XX ВЕКА И ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ²

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам формирования в Екатеринбурге на протяжении XX в. научно-технических городских ландшафтов — градостроительных комплексов, связанных с наукой, технологиями и высшим образованием. Прослежен и охарактеризован процесс возникновения важнейших кластеров научно-технических и научно-учебных зданий в городском пространстве. Сделан вывод об исключительном разнообразии научно-технических ландшафтов Екатеринбурга, их высокой историко-культурной значимости.

Ключевые слова: советский модернизм; научно-исследовательские институты; советский город; история науки; градостроение.

В 1965 г. свердловский поэт Б.М. Марьев писал в одном из своих «лирических репортажей» [1, с. 17]:

А есть на заводе цеха тишины,
Где только брови напряжены.
Цеха, где с мольбертов, из-под рейшин
Сходят контуры новых машин.

¹ Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), ведущий научный сотрудник; ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), профессор; e-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция» (руководитель А.С. Палкин).

«Цех тишины», о котором повествовал поэт — это научно-исследовательский институт при Уральском заводе тяжелого машиностроения (НИИтяжмаш); первая очередь его громадного здания вошла в строй за год до того, как был создан марьевский «репортаж». Здание института стало вехой в развитии городской среды — крупнейший по размеру научный институт города, воплотивший в себе новаторскую эстетическую программу середины XX в., связанную с модернизмом, рационализмом, техническим прогрессом.

К сожалению, здания, связанные с наукой — отраслевой, академической, вузовской, заводской, — редко попадали в фокус внимания, когда речь заходила о городе в целом; исключением, подтверждающим правило, нужно считать главные здания Уральского политехнического института, Уральского государственного университета, да уже упомянутый НИИтяжмаш. А между тем именно вычислительные центры, лабораторные корпуса, научно-производственные комплексы стали для Екатеринбурга XX столетия принципиально новым типом здания; именно они являлись зримым воплощением тех социальных и культурных перемен, которые развернулись в столице Урала.

Специализированные городские районы, связанные с образовательной деятельностью, складываются в Екатеринбурге с конца XIX в. Старейшим из них был образовательный кластер, возникший близ Ново-Тихвинского монастыря и Щепной площади. В его состав входили здания мужского духовного училища (1840, перестроено в 1903 г.), 2-й женской гимназии (1915), «белое» и «красное» здания женского епархиального училища. Это был крупнейший в дореволюционном Екатеринбурге кластер учебных зданий, и, хотя сам по себе он не носил научного характера, именно в этих зданиях был размещен Уральский университет, созданный в 1920 г. на базе Горного института и ставший основой для последующего развития исследовательского комплекса города. Решение считалось временным: еще в 1915 г. был подготовлен проект строительства нового здания Горного института за восточной границей Екатеринбурга [2], и к 1917 г. даже были выстроены стены этого здания. Тем не менее новый вуз, с 1925 г. носивший имя Уральского политехнического института (УПИ), достаточно быстро обжился на этих территориях: Щепная площадь получила имя Университетской, в верховьях речки Монастырки был разбит дендрологический сад. Вместе с тем эту часть города университету приходилось делить с военными (им досталась большая часть зданий мона-

стыря, в которых размещался вначале дом Красной Армии, а потом госпиталь), а потом и с медиками (в 1930-х гг. здесь развернулось строительство крупнейшей в регионе больницы с обширной инфраструктурой). Эта часть города получила прозвище «уральский Оксфорд».

В 1930-х гг. УПИ — точнее, отдельные институты, на которые он был раздроблен, — были перемещены на новую площадку в районе недостроенного здания Горного института. Однако и «уральский Оксфорд» остался тесно связан с наукой и образованием. В 1930-х гг. здесь велось строительство новых зданий, в том числе — здание старейшего научного института города «Уралмеханобр» (ул. Хохрякова, 87; 1930-е гг.) и здание строительного института (ул. 8 Марта, 66, архитектор Н.И. Жеманов, 1928); здание бывшего мужского духовного училища было надстроено для размещения воссозданного государственного университета (архитектор Л.А. Кожевников). Был здесь выстроен и комплекс зданий для Уральского геологического управления: первое из них (ул. Хохрякова, 85; архитектор А.В. Янишевский, 1930-е гг.; пристрой — архитектор Н.Г. Матафонов, 1968) было в 1936 г. передано горному институту, а управление переехало в новое здание (ул. Вайнера, 55; архитектор В.Д. Соколов, 1936) [3, с. 180; 4, с. 125–126]. В послевоенный период застройка этой части города научно-учебными зданиями продолжилась. В 1967 г. на базе УрГУ был создан Свердловский институт народного хозяйства, построивший новые учебные корпуса, соединенные со старым зданием (ул. 8 Марта, 62; архитектор В.Р. Рабинович, 1971, 1981–1984); новый корпус со столовой построил и горный институт (пер. Университетский, 7; 1980). Процесс архитектурного оформления «уральского Оксфорда» завершился после строительства нового здания института «Уралмеханобр» (ул. Хохрякова, 104; архитектор А.Б. Фишзон, 1976) и комплекса Свердловской партийной школы, включившего в себя учебное здание (ул. 8 Марта, 66б; архитектор А.Н. Силин, 1984) и гостиницу. Долгая история присутствия в районе Щепной площади высших учебных заведений наложила отпечаток и на городские кварталы, расположенные к югу и юго-востоку от «уральского Оксфорда»: здесь возникли обширные жилые городки Уральского государственного университета и Свердловского горного института.

В эпоху индустриализации формируются полноценные научные районы, разместившиеся на незастроенных площадках к западу и к востоку от старого центра Свердловска. На пустыре между городом и поселком Верх-Исетского завода в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

был выстроен Медгородок — комплекс научных медицинских учреждений, включивший научно-исследовательские институты физиотерапии, профессиональных заболеваний, здания гинекологического, терапевтического и хирургического отделений городской больницы, Свердловский медицинский институт; весь этот уникальный по размаху комплекс сооружений был спроектирован архитектором Г.А. Голубевым [5, с. 151]; пристрой к одному из зданий был выполнен в 1975 г. (архитектор В.В. Пермяков).

К востоку от старой границы Екатеринбурга развернулось строительство Втузгородка — первого в СССР научно-образовательного городка, объединившего техникумы, вузы и отраслевые научные институты. В 1930-х гг. в районе старого здания Горного института был возведен крупнейший вузовский комплекс СССР 1930-х гг. — комплекс зданий Уральского индустриального института. Его разрабатывали с 1927 г.; в процессе строительства комплекс претерпел много изменений; его конструктивистская структура оказалась «замаскирована» многочисленными неоклассическими элементами на фасадах. Базовая проектная идея предполагала создание грандиозной площади Кирова, охваченной с севера, востока и юга учебными корпусами. Первым был завершен на южной стороне площади корпус металлургического и химического факультетов (ул. Мира, 28, 1930-е); строительство главного учебного корпуса затянулось и было завершено только к 1939 г., на северной стороне площади проект был реализован частично; в корпусах разместились военные учебные заведения (ул. Первомайская, 88, архитектор П. В. Володин, 1940-е). В комплекс УИИ входили «профессорские дома» по улице Мира, группа студенческих общежитий. В строительстве комплекса УИИ принимали участие многие специалисты, в том числе А.Б. Горшков, М.В. Рейшер, В.Н. Мурычев, П.А. Парамонов, К.Т. Бабыкин и другие. Кроме того, было выстроено здание Урало-Казахстанской промышленной академии (ул. Мира, 17; архитектор А.Ю. Ехауеким, 1930), позднее служившее для размещения факультетов индустриального института [4, с. 87–88]. Также во Втузгородке были выстроены здания научно-исследовательских институтов — Института черных металлов (архитектор А.Б. Горшков, 1933) и Уральского физико-технического института (ул. С. Ковалевской, 22; 1935) [4, с. 73; 6, с. 44]; последнее здание из-за включения указанного института в структуру Академии наук в 1939 г. стало служить главным зданием Уральского филиала АН СССР.

В послевоенный период Втузгородок начинает расти к северу, востоку и югу от старейшего ядра района. Этот рост был связан с размещением на территории района эвакуированных предприятий наукоемкого приборостроения, в значительной мере изменивших профиль района — из чисто научного он теперь стал научно-производственным. Так, в северо-восточной части района расположились Всесоюзный научно-исследовательский институт металлургии (ВНИИМТ, ул. Студенческая, 16; архитектор К.К. Никулин, 1963) и крупный Уральский электромеханический завод, в 1970-х гг. выстроивший эффектный лабораторно-производственный корпус (ул. Студенческая, 7; архитектор А.А. Фисенко). Во Втузгородке начали появляться новые учебные заведения — пожарно-техническое училище (ул. Мира, 22; архитектор И.А. Грушенко, Я. В. Мокин, 1948), Свердловский юридический институт. Расширен был и сам комплекс УПИ: в его составе появились здания физико-технического, радиотехнического (ул. Мира, 32; архитектор Ю.Т. Малышев, 1969) факультетов, 12-этажное здание факультета цветных металлов (ул. С. Ковалевской, 5; архитекторы В.А. Зайцев, В.И. Прокопенко, П.И. Юрин, 1980-е гг.) [7, с. 149; 8, с. 86]. Существенно выросла и система социальной инфраструктуры института, включавшая новые общежития, стадион, столовую (архитектор Б.С. Слукин). Расширение пережил и городок Академии наук. Здесь были сооружены новое здание Института физики металлов (ул. С. Ковалевской, 18; 1960) и Свердловского отделения Математического института АН СССР (ул. С. Ковалевской, 16; 1961), новый главный корпус Уральского филиала АН СССР (ул. Первомайская, 91; архитектор Г.В. Шауфлер, конец 1950-х); позднее также еще один, модернистский корпус Института физики металлов (ул. Комсомольская, 34; архитекторы Л.И. Рожнов, А.В. Горелов, И.Н. Вострикова, 1980-е) [9, с. 40–41]. В западной же части района сформировался своего рода «проектный квартал», в котором разместились ведущие проектные институты горнопромышленного профиля — «Уралгипромез», «Уралгипрошахт», филиал Всесоюзного института маркшейдерского дела, Восточный институт огнеупоров (ВостИО) и некоторые другие. Высотной доминантой района стало поставленное на возвышенности эффектное здание Свердловского научно-исследовательского института водного хозяйства (ул. Мира, 23; архитектор И.Д. Фролова, конец 1970-х гг.) [7, с. 61].

Начало научно-образовательному кластеру в районе пересечения улиц Белинского и Куйбышева положила передача здания школы

Уральскому государственному университету в 1945 г. В конце 1940-х – 1950-х гг. здесь располагалось основное здание университета (в 1966 г., когда УрГУ передали бывшее здание Свердловского областного совета народного хозяйства, руководство вуза переехало в него); в 1969 г. было возведено 8-этажное здание, которое заняли физический и химический факультеты. Поблизости были выстроены здания институтов «Унипромедь» (ул. Белинского, 56; архитекторы В.Ю. Шапошник, Т.В. Янченко, 1971) и «Уралсельэнергопроект» (ул. Куйбышева, 95; архитектор В.В. Пермяков, 1975) [7, с. 132].

Крупнейший научно-технический кластер сложился в районе Вознесенской горки и бывшей Дровяной площади — здесь с XIX в. располагалось культурное «сердце» города, строились клубные и театральные здания, а в 1902 г. была открыта торгово-промышленная школа (1880-е гг. — ул. К. Либкнехта, 42). Поворотным моментом в развитии района стал переезд сюда вузов: в 1930-х гг. здание торгово-промышленной школы занял вначале Урало-Сибирский коммунистический университет, (с 1940 г. — Свердловский институт сельского хозяйства), в 1966 г. здание бывшего совнархоза (пр. Ленина, 51; архитектор А.П. Тафф, 1954) занял Уральский государственный университет, а в 1968 г. в конструктивистское здание бывшего «Уралснабсбыта» (ул. К. Либкнехта, 23, архитектор Н.И. Жеманов; 1934) переехал Свердловский архитектурный институт. Вузы развернули строительство новых зданий — надо назвать здание гуманитарных факультетов, Институт повышения квалификации преподавателей общественных дисциплин Уральского госуниверситета (ул. Тургенева, 4; 1976) и учебно-лабораторный корпус Свердловского института сельского хозяйства (ул. Тургенева, 23; архитектор А.Н. Хрущев, Ю.М. Шиповаленко, 1977) [10; 11, с. 137; 12]. Рядом, по улице Тургенева, был сформирован мощный издательско-редакционный комплекс, включивший старое (пр. Ленина, 49; архитекторы В.А. Сигов, Г.А. Голубев, 1930) и новое (архитектор Л.Б. Масленников, 1983) здания Дома печати [13].

Строительство научных зданий развернулось к северу от этого культурного ядра, сформировав застройку площади Советской армии и улицы Луначарского: здания Института горного дела (ул. Мамина-Сибиряка, 58, архитектор М.А. Гольцева), институтов «Уралгипроруда» (ул. Мамина-Сибиряка, 85; начало 1980-х гг.) и «Уралсистем» (ул. Луначарского, 81) [14, с. 14], Свердловского научно-исследовательского технологического института (ул. Луначарского, 31;

1979)¹. Таким образом, география северо-восточной части старого центра Свердловска в значительной мере определялась строительной активностью проектных и научных организаций; размещение этих организаций, в свою очередь, было связано с развитием дореволюционного культурного ядра улицы Клубной (Первомайской) и сменой производственного профиля завода транспортного машиностроения. Кроме того, эта часть города, являвшаяся до революции бедной и застроенной в основном деревянными домами, легко поддавалась сносу. Научно-техническое строительство велось и к югу от площади Парижской Коммуны. Здесь в 1930-х гг. был выстроен крупнейший Дом промышленности и торговли, который в послевоенный период был занят Свердловским радиозаводом. К 1970-м гг. сложился проект кардинальной реконструкции пересечения улиц Малышева и К. Либкнехта, которая привела бы к возникновению здесь огромной площади Свердлова. На ней разместились бы здания Объединенного диспетчерского управления Урала (ул. Толмачева, 6; архитектор А.А. Копылов и др., 1975), Свердловского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии (ул. Красноармейская, 4; архитекторы О.Н. Гаврилин, А.Е. Заславский, начало 1980-х), а также новое здание гостиницы «Большой Урал» и здание Научно-исследовательского института автоматики [7, с. 173–174, 195–196]. Ни гостиничный корпус, ни конструкторское бюро так и не были построены. Не был реализован и многоэтажный производственно-лабораторный корпус производственного объединения «Уралэнергоцветмет» на переулке Почтовом.

Весьма своеобразный научный район сложился в восточной части города по Сибирскому тракту. Исторически именно эта часть города была «научной», поскольку здесь на Плешивой горке начало в XIX в. работать первое в истории Екатеринбурга исследовательское учреждение — магнитно-метеорологическая обсерватория. В этом районе также размещались казармы, а к югу от них — рабочая окраина, поселок крупнейшего дореволюционного предприятия Екатеринбурга — льнопрядильно-ткацкой фабрики товарищества «Братья Макаровы». В 1937 г. именно сюда, на Сибирский тракт, в недостроенную «коробку» школы ФЗУ Народного комиссариата внутренних дел, был

¹ Его размещение определялось тем фактом, что завод этот был сформирован на базе завода «Металлист» — национализированного завода Ятеса, располагавшегося в этой части города

перемещен один из институтов, возникших после разделения на части УПИ – Уральский лесотехнический институт¹ (Сибирский тракт, 37; 1936) [15, с. 33]. Переломным моментом в развитии района стала эвакуация в Свердловск заводов оборонного профиля, занявших площадки льнопрядильно-ткацкой фабрики (Уральский оптико-механический завод) и деревообрабатывающего комбината («Пневмостроймашина»). В 1937 г. был создан институт «Военпроект», обслуживавший строительные заказы Уральского военного округа; в 1970-х гг. было возведено его здание (Сибирский тракт, 3). В 1970-х – 1980-х гг. крупными лабораторно-производственными корпусами обзавелись Уральский оптико-механический завод (ул. Восточная, 336) и «Пневмостроймашина» (Сибирский тракт, 8в), а на Обсерваторской горке возвели гидрометцентр (архитекторы П.Д. Деминцев, Ф.С. Таксис, 1990). Существенно расширился городок лесотехнического института, где были сооружены несколько общежитий и новый учебный корпус с домом культуры (Сибирский тракт, 36; архитектор С.Н. Григоров, 1980–1990) [7, с. 25].

Научный район сформировался и в районе управления Свердловской железной дороги, вдоль улицы Челюскинцев. Здесь расположились здания Уральского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта, вычислительного центра железной дороги (1983, архитекторы В.Р. Рабинович, В.Н. Губанков), института «Уралжелдорпроект» (ул. Челюскинцев, 86; архитекторы Э.П. Коробкина, Ю.Т. Малышев, 1989) [16, с. 225; 7, с. 149]. К западу, на территории бывших «генеральских дач» на речке Ольховке, сложился вузовский кластер, включивший здания Уральского электромеханического института инженеров транспорта (архитекторы В.В. Безруков, В.Р. Рабинович, 1964) и Свердловского юридического института (ул. Колмогорова, 54; архитекторы А. Лисица, М. Ильевский, Б. Дьяченко, 1989); этот последний проект был воплощен лишь частично [17, с. 109].

Чрезвычайно амбициозным проектом стал Уральский научный центр АН СССР, возведение которого началось в 1970-х гг. по проекту, подготовленному коллективом Новосибирского филиала ГипроНИИ под руководством В.И. Кривогорницына [18, с. 99]. Этот проект

¹ Этому институту в 1934–1938 гг. также было передано конструктивистское здание Уральского научно-исследовательского лесохимического института (пр. Ленина, 79). К сожалению, в настоящее время это здание, признанное памятником истории, заброшено.

стал большим достижением советской архитектурной мысли, однако по большей части так и остался проектом: выстроены были лишь два института — Институт металлургии (ул. Амундсена, 101; архитекторы Б. Аксенов, В. Веснин, Е. Краснова, А. Букреева, 1985) и Институт геофизики [19, с. 70]. В начале 1990-х гг. по повторно примененному проекту возведен корпус Института электрофизики (ул. Амундсена, 106); также в районе был возведен ряд типовых жилых домов и зданий социальной инфраструктуры [20].

Часть научных и научно-учебных институтов размещалась вокруг площади 1905 года. Это Уральский научно-исследовательский химический институт (ул. 8 Марта, 7; конец 1920-х гг.)¹, Восточный углехимический институт (ул. 8 Марта, 14; 1930-е гг.), позднее также институты «Гипробытпром» (ул. Малышева, 28; архитекторы В.В. Емельянов, В.В. Ваулина, 1972), «Гипроторг» (ул. Вайнера, 40; архитектор Р.М. Аронов, конец 1980-х), «Уралгипротяжмаш» (ул. Малышева, 36; архитекторы Г.И. Дубровин, А.В. Овечкин, 1986), а также вычислительные центры Свердловского областного исполкома (Октябрьская площадь, 3; архитекторы В.И. Лоскутов, Б.А. Медведев и др., 1980-е гг.) и Свердловского областного управления Министерства внутренних дел СССР (пр. Ленина, 15; 1993) [21, с. 21]. В старинном здании горного управления с 1934 г. работала Уральская государственная консерватория (пр. Ленина, 26); в 1960-х гг. здание было расширено (архитекторы М.В. Рейшер, В.В. Ваулина).

Возникали и новые научные и научно-учебные центры, подчас на значительном удалении от исторически сложившихся кластеров. Это прежде всего предзаводские зоны крупнейших предприятий, располагавших собственными НИИ — например, научно-исследовательский институт тяжелого машиностроения Уральского завода тяжелого машиностроения (ул. Машиностроителей, 19; архитекторы С.А. Васильев, Ю.А. Владимирский, 1964), Свердловский научно-исследовательский электротехнический институт при заводе «Уралэлектротяжмаш» (ул. Шефская, 3г; архитекторы Т.В. Янченко и др., 1964), комплекс Свердловского научно-исследовательского института химического машиностроения (1960-е – 1990) [22, с. 133–139], лабораторно-производственные корпуса Свердловского завода автоматики по улице С. Дерябиной (1970-е – 1980-е гг.); вычислитель-

¹ Возможно, именно здание УНИХИМ следует считать старейшим специализированным научно-исследовательским сооружением города.

ный центр Госбанка СССР (ул. Щорса, 86; архитектор А.В. Асташкин, 1981) и ряд других. Особую роль играет комплекс зданий Свердловского педагогического института (архитекторы Б.А. Демидов, В.Б. Золотарев, В.А. Тихонова, 1975–1986), выделяющийся не только своей необычной планировкой, но и эстетическими решениями отделки фасадов. Наконец, следует упомянуть и уникальный научный ландшафт Ботанического сада и Института экологии растений и животных УрО РАН, сложившийся в южной части города. В XXI в. процесс формирования новых кластеров несколько замедлился; однако к концу 2010-х гг. началось строительство нового кампуса Уральского федерального университета в районе Новоколыцковский.

Многочисленность исторически сложившихся научных и научно-учебных городских кластеров может — и должна! — считаться характерной чертой городского пространства Екатеринбурга, росшего в XX столетии в громадной мере именно как город высокой науки и техники. Это — единственный город страны, за вычетом Москвы и Санкт-Петербурга, в котором научно-техническое строительство оставалось одинаково интенсивным с 1920-х гг. вплоть до начала XXI в., обеспечив исключительное эстетико-стилистическое разнообразие. Этим фактом и определяется исключительная историко-культурная ценность «цехов тишины», научных зданий. Ключевыми элементами трансформации города в один из ведущих научных центров страны можно считать развертывание учреждений высшей школы в районе Щепной площади (с 1920-х гг.), строительство Втузгородка (1930-е – 1950-е гг.), формирование научного кластера в районе Вознесенской горки и площади Парижской Коммуны (1960–1980-е гг.), проект строительства научного района УНЦ (1970–1990-е гг.)

Библиографический список

1. **Марьев Б.** *Мой Урал / Лирич. репортажи Б. Марьева.* — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972.

2. **Дашкевич Л.А., Киселев Е.А.** *Строители Уральского горного института брата Бернардацци / Л.А. Дашкевич, Е.В. Киселев // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв. : мат-лы XIII Всероссийской научной конференции [18–19 октября 2018 г. : в 2 т.]. Т.2.* — Екатеринбург : УрО РАН, 2018. — С. 265–270.

3. **Смирнов, Л.Н.** Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих : [монография] / Л.Н. Смирнов. — Екатеринбург: Архитектон, 2018.
4. **Смирнов Л.Н.** Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбурга / Л.Н. Смирнов. — Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ; СПб.: ПервоГрад, 2021.
5. **Токменинова Л.А.** Институты физиотерапии и профзаболеваний. Медгородок. Георгий Голубев / Л.А. Токменинова. — Екатеринбург: Tatlin, 2012.
6. **Гусев А.И.** Начало академической науки на Урале (1932–1939 гг.) / А.И. Гусев // Вопросы истории естествознания и техники. — 2014. — № 2. — С. 25–53.
7. **Постоногов Ю.И.** 50 лет архитектурному образованию на Урале. 1953–2003 гг. / Ю.И. Постоногов. — [Изд. 2-е, испр. и доп.]. — Екатеринбург : [б. и.], 2004 (обл. 2003). — (Тип. изд-ва Вектор Бук).
8. 75 лет. История и современность. Институт УралНИИпроект РААСН. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
9. **Рожнов Л.И., Вебер Д.М.** Новый лабораторный корпус Института физики металлов в Свердловске / Л.И. Рожнов, Д.М. Вебер // Проектирование научно-исследовательских институтов и специальных лабораторий крупных научных комплексов : Работы Ленингр. отд-ния ГипроНИИ АН СССР, 1946–1977 гг. / [Всесоюз. гос. проект. и НИИ по проектированию НИИ, лаб. и науч. центров АН СССР и акад. союз. республик ; науч. ред. Б.А. Савельев и др.]. — М.: Наука, 1978. — С. 40–42.
10. **Черкасова Ю.В.** К истории здания Уральского университета / Ю.В. Черкасова // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2005. — № 37 (Вып. 18). — С. 28–39.
11. **Бугров К.Д., Сафронов А.А.** Уральский федеральный университет: 100 лет истории / К.Д. Бугров, А.А. Сафронов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.
12. **Шафран С.** Комплекс вступил в строй / С. Шафран // на смену!. — 1977. — 18 октября.
13. **Михайлова Л.Г.** К вопросу атрибуции Дома печати в Свердловске / Л.Г. Михайлова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2014. — № 4. — С. 57–60.
14. **Соловьева Н.** Институт горного дела в Свердловске / Н. Соловьева // на стройках России. — 1970. — № 3. — С. 14.

15. Уральская государственная лесотехническая академия / [Э.Э. Блюм, Л.К. Букварева, Л.В. Василенко и др. ; рук. авт. коллектива: С.А. Грановский]. — Екатеринбург: б/и, 2000.
16. **Букин В.П., Пискунов В.А.** Свердловск: Перспективы развития до 2000 года / В.П. Букин, В.А. Пискунов. — Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.
17. **Лисица А.** Свердловский юридический институт / А. Лисица // Проектирование и строительство высших учебных заведений : [сборник трудов]. Вып. 9. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 108–110.
18. Пространственная организация научных комплексов : Работы ГипроНИИ АН СССР. — М. : Наука, 1976.
19. Архитектурные решения объектов науки : История, проблемы, перспективы : [сб.]. — М.: Наука, 1989.
20. Электрофизика на Урале : четверть века исследований : [коллективная моногр.] / [Шпак В.Г. и др.]. — Екатеринбург, 2011.
21. Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области / Свердл. орг. Союза архитекторов России; под ред. А.П. Бандровской, Н.А. Вилесовой. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2003.
22. **Думчиков А., Корепанов Н., Пименова К.** Химмаш вдоль и поперек / А. Думчиков, Н. Корепанов, К. Пименова К. — Екатеринбург: [б/и], 2022.

K.D. Bugrov

«Workshops of Silence»: Ekaterinburg the XX century scientific and technical landscapes and their historical and cultural significance

Abstract. This article is devoted to the problems of the formation of scientific and technical urban landscapes in Ekaterinburg during the XX century — urban planning complexes related to science, technology and higher education. The process of folding the most important clusters of scientific, technical and scientific educational buildings in urban space is traced and characterized. The conclusion about the exceptional diversity of scientific and technical landscapes of Ekaterinburg, their high historical and cultural significance is made.

Keywords: soviet modernism; research institutes; Soviet city; history of science; urban planning.

Bugrov Konstantin Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

(Ekaterinburg, Russia), leading researcher; Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), professor;
e-mail: k.d.bugrov@gmail.com.

УДК 929.52+930.253+908

Т.В. ВЕРЕСОВА¹

ТАТИЩЕВЫ И ПСКОВСКИЙ КРАЙ В АРХИВНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация. В статье рассказывается о многолетнем поиске в архивах и научных библиотеках страны утраченного столетия назад названия места рождения Василия Никитича Татищева.

Ключевые слова: Татищевы, Жалованная грамота, Выборский уезд, Псковская губерния, Василий Татищев, Островский уезд, малая родина.

На Псковской земле Татищевы известны с XVI века. Это два воеводы: Матвей Васильевич (сын Василия Юрьевича, наместника великого князя Московского Василия Дмитриевича в Новгороде) был воеводою в Гдове в 1582–1584 гг., Иван Иванович — в Изборске в 1582 году. Псковская ветвь рода восходит к началу XVII века: в архивных документах 1631 года значатся братья Яков, **Петр** и Иван Татищевы — трех, семи и десяти лет. Из них нас интересует **семилетний Петр**: именно на долю владений его сына Василия, умершего в 1680 году, будут претендовать братья Федор и **Никита** Татищевы. Однако Соборное уложение 1649 года запрещало дворянам, получившим пожалование в Московском уезде, наследовать поместья «во Пскове и в Великом Новгороде», и братьям в просьбе было отказано. Никита не смирился и в новой челобитной доказал, что поместий и вотчин не имел, — так он получил 300 четей (четь — половина десятины) земли и стал псковским дворянином, хотя оставался стольником при царском дворе. Понятно, что речь идет о Никите Алексеевиче Татищеве, отце основоположника русской исторической науки.

¹ Вересова Тамара Васильевна, член Союза писателей и Союза журналистов России, председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России (ПРО СКР), член Совета СКР, главный редактор альманаха «Псковский летописец»; e-mail: veresovatv@mail.ru.

Теперь должна объяснить, почему поиски малой родины Василия Никитича Татищева растянулись на долгие годы. О том, что деревня Татищево, стоящая на трассе Ленинград – Киев в 12 километрах от Острова и 64-х от Пскова, никакого отношения к нашему Татищеву не имеет, нам, экскурсоводам-пушкинистам первой волны (конца 1960-х), рассказывал Михаил Ефимович Васильев, хранитель Свято-горского монастыря-музея. По пути из Пскова в Михайловское мы давали туристам дорожную информацию, а шоссе частично дублировало старый Белорусский тракт — дорогу А.С. Пушкина из Петербурга в Михайловское. Родина Татищева, — говорил нам М.Е. Васильев, — «далеко впереди» этой деревни, но конкретного места не называл.

В начале 2000-х в альманахе «Памятники Отечества» я готовила к печати трехтомник серии «Псковская земля. История в лицах». Очень быстро был собран сборник историко-биографических очерков «Дворяне все родня друг другу». Тогда я впервые, после 1969 года, посетила бóльшую часть погибающих «дворянских гнезд» Пушкиногорского и Новоржевского районов — сопровождали меня мои друзья-коллеги по Пушкинскому заповеднику, прекрасно знавшие все окрестные «неведомые дорожки». К 2002 году все 3 тома были закончены, но средств на их издание не нашлось. В 2005 году моя близкая знакомая (мой «цензор»), аспирантка академика Бориса Александровича Рыбакова, посоветовала в «Дворян» включить очерк о Татищеве, без которого этот сборник, по ее мнению, «просто невозможен». Я и стала искать родину Татищева, о которой в биографических источниках — предшествующих столетий и современных — говорилось довольно неопределенно: в Пскове, под Псковом, «в Псковском уезде, в имении отца», в Островском уезде. По-разному писали о семье, в которой родился В.Н. Татищев: в знатной дворянской семье; в обедневшей; в небогатой семье потомственных дворян. Единогласны «источники» в одном: родина Василия Татищева — Псковская губерния. В 2010-х в Сети нашла даже указание на Москву как родину Татищева, а в 2018-м на сайте «Российская империя» — «...в селе Болдино Дмитровского уезда Московской губернии, в семье обедневшего и незнатного дворянина»¹.

Однако пора обратиться к ранним биографам нашего героя. Н.А. Попов в своей книге «Татищев и его время» пишет: «В XVII столетии род Татищевых, происходивший от смоленских князей Рюрико-

¹ В настоящее время эта информация с сайта удалена.

вичей, принадлежал к числу захудалых... <...> ...ни в одном из своих сочинений он (В.Н. Татищев. — Т.В.) не вспомнил о том, чему и как учился в юности; о средствах к образованию, которых он мог встретить среди семьи своей, нет никаких известий» [1, с. 11, 12]. К.Н. Бестужев-Рюмин в сборнике «Биографии и характеристики: Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьёв, Ешевский, Гильфердинг» [2], в статье «Василий Никитич Татищев. Администратор и историк начала XVIII века», оказывается чуть ближе к искомой мною проблеме: «Татищев принадлежал к старой аристократической фамилии: род его происходит от князей Смоленских... <...> Отец Татищева, Никита Алексеевич, тоже стольник, имел поместье в Псковском уезде; здесь, вероятно, родился наш историк (1686 г.), который сам говорит, что в 1699 году он был во Пскове» [2, с. 5, 6].

Дальнейшие поиски заставляют меня вернуться в начало 2000-х: своеобразной «канвой» для моей статьи служила книга Аполлона Кузьмина «Татищев» [3]. Но я проштудировала ряд более «древних» источников, имеющих в моей библиотеке, — Большую Энциклопедию [31]; 18-й том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьёва [21]; работы В.О. Ключевского [22; 32]; Энциклопедию дворянских родов В.И. Федорченко [23]; познакомилась с трудами современных ученых, в первую очередь М.Н. Тихомирова и Б.А. Рыбакова. Но ни в одном из этих трудов не удалось найти упоминания малой родины Татищева. А.Г. Кузьмин отмечает, что детство Татищева прошло в Пскове, «близ которого находились основные владения Никиты Алексеевича. <...> Тринадцатилетним мальчиком он наблюдал судебные процессы, проводившиеся городским управлением. <...> Цепкая память мальчика доставляла уже зрелому мужу материал для анализа и далеко идущих выводов. Псковские наблюдения использовались им позднее для сопоставления практиковавшегося в Пскове самоуправления и новгородской анархии. Комментируя разногласия Пскова и Новгорода в 1228 году, Татищев находил, что “во псковичех более умных и правдивых людей было, и лучший порядок содержан, нежели в Новгороде...”. Псковское судопроизводство ему представлялось образцом справедливости, и, как он полагал, “за сие псковичи вольности их до времен наших сохранили”. <...> Отмеченные Василием Никитичем следы псковского самоуправления непосредственно восходили не к древним псковским вольностям, а к остаткам реформы Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, проведенной им в 1665 году за восемь лет пребы-

вания в качестве псковского воеводы. <...> Псков отличался не только “порядочными” республиканскими обычаями, но (опять-таки в отличие от Новгорода) и особой приверженностью идее единой русской государственности, Москве. Татищевы здесь к тому же представляли не столько местное, сколько именно московское дворянство. <...> Весьма вероятно, что в памятный для России год тяжелого поражения под Нарвой семья Татищевых находилась под Псковом» [3, с. 20, 21]. Общеизвестен и факт, что братья Иван и Василий залечивали в Пскове раны, полученные 15 июля 1705 г. в бою при Мурмызе¹.

В Исторической библиотеке почти весь 2004 год скрупулезно изучала «Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» [24]. Не найдя ничего, обратилась в ГАПО², в архиве оказался фонд Татищевых, но других — к Василию Никитичу отношения не имеющих. Пришлось воспользоваться «Михайловской Пушкинианой», изданной Пушкинским заповедником [25], но не профессионально: без ссылок на источники или использованную литературу (автор-составитель не был мне знаком). Однако копирайт Пушкинского заповедника заставил поверить — так в моем очерке «Первоначальник русской исторической науки» [4, с. 28] появилось «сельцо Боредки». С этого времени я и стала искать **Боредки Островского уезда** в столичных архивах и библиотеках: в Российском архиве древних актов (РГАДА), в двух фондах, в которых хранятся акты Генерального межевания (1766–1796 гг.) с экономическими примечаниями на «дачи и владельцев» Островского уезда несколько раз встретила Татищевых — Аграфену Федотовну и Александру Афанасьевну дочь «жены татищевой» [5; 30], но в «алфавите дач» даже подобия слова «Боредки» не встретилось. Кроме того, в РГАДА из справочника выписала несколько книг, где могла содержаться искомая информация. В РГБ (Ленинке) среди множества просмотренной литературы выделила книгу В.С. Кусова «Московское государство XVI – начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей» [6, с. 532–686]. В «Указателе топонимов» **сельца Боредки не удалось обнаружить**.

В ноябре 2016 года договорилась с руководством естественно-географического факультета ПсковГУ о проведении на базе факультета в октябре 2017-го VII Псковских региональных краеведческих чтений. Я решила подготовить доклад о трудах В.Н. Татищева по гео-

¹ Сейчас это Мурмуйжа в 80 километрах от Риги (северная Латвия).

² Государственный архив Псковской области.

графии России [26], при этом надеялась все же найти в тематических работах ученого-энциклопедиста название его родины, так как и в «Истории Российской» он постоянно ссылается на Псковскую губернию. И в архивах я «пошла по второму кругу». В РГАДА вновь работала с фондами Межевого архива, а в начале сентября 2017 г., за месяц до начала конференции, в ГАПО вновь просмотрела описи фонда №14 — межевые книги и планы по уездам, 1796–1828 гг. В д. № 275 встретила Александру Васильевну Татищеву, владелицу дер. Петрово (Островский уезд) с пустошами (1812 г.). В фонде 196 (1783–1917 гг.), оп. 2, в межевых книгах встречаются порховские Василий и Дмитрий Николаевичи Татищевы и уже знакомая мне по РГАДА островская Александра Афанасьевна Татищева — хронологически более ранних данных не попадается [7; 29].

В столичных архивах и библиотеках возобновила работу уже по окончании конференции. В Библиотеке Академии наук (БАН, СПб) в каталоге не нахожу выписанных в РГАДА книг — они сгорели при пожаре БАН в феврале 1988 года. Делюсь своей проблемой с сотрудницей читального зала — советует обратиться в отдел картографии. Мне приносят Атлас Российской империи, содержащий в себе 51 губернию, 4 области, Царство Польское и Княжество Финляндское. СПб., 1835 г. — 68 с., затем из Музея — карту Псковского наместничества 1745 года. Ищу Боредки и в Списках населенных мест Российской империи..., 34 т. Псковская губерния. СПб., 1885. Все тщетно. Мне помогает сотрудница — находит сельцо с первыми созвучными буквами (то ли Бар, то ли Бер, то ли Бир) и тем же числом слогов: говорит, случаются ошибки, и советует «присмотреться» к этим словам, однако моя голова настроена лишь на одно название.

В это же время собираю материал в очередной номер «Псковского летописца». М.М. Пахоменкова, заведующая Новоржевским краеведческим музеем, присылает «Новые дворянские фамилии на карте Новоржевского уезда». И в самом начале ее статьи «спотыкаюсь» о новую для меня информацию: **«Ярким представителем плеяды петровских государственных деятелей станет сын владельца сельца Барсуки Островского уезда (ныне Новоржевский р-н) Василий Никитич Татищев»** [8, с. 58–70]. Уточняю у Марины Михайловны, члена нашего краеведческого сообщества с 2010 г., источники. И хотя ни в этой ее короткой информации, ни в книге В.А. Аракчеева «Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь

в XV—XVII веках» места рождения историка не указывается (назван лишь его отец), в Жалованной грамоте Никите Алексеичу Татищеву, частично опубликованной в издании Владимира Анатольевича Аракчеева, нахожу ценнейшие сведения: «В конце XVII века в уездах Псковского края появились представители столичной знати, получившие поместья и вотчины своих дальних родственников¹. Так, в 1684 г. «за Чигиринские службы», т.е. за участие в войне с Турцией 1678–1679 гг., получил вотчину из части своих поместных земель отец первого русского историка Никита Татищев. В Жалованной грамоте, выданной от имени царей Ивана и Петра, перечислены села и деревни, составившие вотчину Татищева: **«Во Пскове в Выборском уезде в Крекшинской губе сельцо, что была пустошь Копытово, а ныне зовут Барсуково... <...> А на ту вотчину ему Миките Татищеву жалованная вотчинная грамота дана...»**. Вотчину Татищева составили сельцо с помещичьим двором и 7 деревень — всего 140 четвертей земли» [9, с. 360]. Ни сельца Боредки, ни Островского уезда в Жалованной грамоте нет. В.А. Аракчеев, как и положено, дает ссылку на фонд № 878 Российского государственного исторического архива (РГИА). Моя заявка в этот архив принята лишь на 12 июля 2018 г., потому я вновь еду на Васильевский остров. В отделе картографии БАН еще раз, уже с новой информацией, просматриваю и «Атлас Российской империи», и «Списки населенных мест Псковской губернии». Мне вновь помогает Анна Бернардовна Мелех: приносит из музея карту 1745 года, но сельца Барсуки / Барсуково я на ней не нахожу.

А вот «Списки населенных мест Псковской губернии» преподносят подарок, и не один. Итак, «Островский уезд, 1-й стан — по проселочной дороге из г. Острова в г. Новоржев... по правую сторону этой дороги...» под №8082: **«Барсуки, сельцо, при колодце, в 48 верстах от уездного города. 1 двор, 19 — муж. п, 9 — жен. п.»** [10, с. 260]. 48 верст от уездного Острова² — далековато: никак не «подо Псковом» или «под Островом». Не воспринимаю. На следующий день штудирования Списков встречается и современное Татищеву: «Стан — 3,

¹ В 1681 г. Никита Алексеевич Татищев унаследовал 300 четей (150 десятин) земли и стал псковским дворянином после смерти в 1680 г. своего родственника Василия Петровича Татищева.

² В книге, изданной Пушкинским Заповедником, написано: «сельцо Боредки расположено недалеко от деревни Татищево» — на самом же деле от Татищева получается 36 км. (+12 от уездного = 48), а это совсем не «недалеко».

Лисинской волости, ближе к Белорусскому шоссе п/№ 10217 **Покровское (Татищево)**, село, при колодце, **12 верст от уездного города**, число дворов — 1, м.п. — 4, ж. п. — 4. Волостное правление» [10, с. 325].

В читальном зале РНБ (Российской национальной библиотеки) беру «Горный журнал» за 1828 год [27], где опубликовано «Жизнеописание Тайного Советника Василия Никитича Татищева, бывшего Советника Берг-Коллегии и Начальника всех Сибирских Горных Заводов» (Соч. В.Н. Берха) — опять же в надежде найти родину историка. Здесь словами самого Татищева подтверждается лишь год — 1704-й — ухода его (и старшего брата Ивана) на службу. Ценно в сочинении Берха и то, что он называет пропавшие труды Татищева (в РГАДА я выписала неисследованные его труды).

Не буду перечислять работы, которые довелось проштудировать в РГБ и РНБ за год. Скажу о главном: в июне 2018-го поделилась своей проблемой с сотрудниками Историко-краеведческой библиотеки им. И.И. Василёва — мне неожиданно предлагают повесть Георгия Блюмина «Юность Татищева», с которой, как оказалось, все и началось. Поначалу материал воспринимается достоверно, лишь иногда чувствуется какая-то небрежная легкость в описании известных исторических мест и повествовании от первого лица. Однако я была очень довольна, что нашла наконец автора «сельца Боредки»¹, притом со ссылкой на архивный источник!

Итак, «Небогат Татищев: в **Выборе именье малое**, всего 20 душ крепостных, и еще в **Островском уезде, в сельце Боредках**, 8 душ да три ветхих деревянных строения». Никита Алексеевич Татищев рассказывает Иоганну Орндорфу, приглашенному из Нарвы обучать своих сыновей: «19 апреля бог дал мне второго сына. **Родился недалече от Острова, в сельце наследственном Боредках**» [11, с. 13, 22]. Убеждает в истинности названия сноски: «Место рождения Василия Никитича Татищева определено автором по месту жительства крепостного Татищевых Ивана Емельянова (ЦГИАМ, ф. 1872, оп. 1., ед. хр. 3). Других владений под Псковом у Н.А. Татищева не было» [11, с. 22]. И в аннотации, расположенной на последней странице книги, читаю: «В своей новой книге — повести о Василии Никитиче Татищеве (1686–1750) — журналист Георгий Блюмин на основе най-

¹ Попадись мне эта повесть или положенная ссылка на нее в 2005 году, не было бы 15 лет мучительного поиска! Признающая точность, я обязательно отметила бы отсутствие ее в описании и стала бы искать документального подтверждения.

денных им документов дает художественную реконструкцию ранее не исследованного периода юности великого русского ученого-энциклопедиста и литератора. Автор впервые указывает место рождения В.Н. Татищева и приводит его родословную на широком историческом фоне эпохи. Большое внимание уделено псковским страницам жизни и деятельности Татищева и его окружения» [11, с. 240]. И вновь надежда — теперь уже на Центральный исторический архив Москвы. Пишу своим знакомым, близким к этому архиву, — мне отвечают, что таковой фонд существует, а дело (на 32 листах) «содержит описание имения Татищева и ревизскую сказку по этому имению». Пишу заявку в ЦГИАМ — дело мне выдадут лишь 30 августа, в 1-й день работы архива после летнего перерыва.

А 12 июля (2018) в РГИА мне приготовлено дело №16 (фонд 878) — «Документы из вотчинных дел и записных книг царских жалованных грамот, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции за 1599–1735 г. к истории разных земельных владений Татищевых» (копии МАМЮ, XIX в.).

Перед жалованными грамотами перечислены Татищевы (данные с 1668 по 1715 г.), «наши» в этом списке — Алексей Степанович и его сыновья Никита и Федор [12]:

Алексѣй Михайловичъ Татищевъ
Алексѣй Степановичъ Татищевъ
 Иванъ больш. Михайловичъ Татищевъ
 Иванъ меньш. Михайловичъ Татищевъ
 Иванъ Юрьевичъ Татищевъ
 Михаилъ Юрьевичъ Татищевъ
Никита Алексѣвичъ Татищевъ
 Петръ Алексѣвичъ Татищевъ
 Степанъ Васильевичъ Татищевъ
 Яковъ Алексѣвичъ Татищевъ
Федоръ Алексѣвичъ Татищевъ
 Юрій Агафонниковичъ Татищевъ

Кн. №12.

За Чигиринскія службы со 191 г. по 192-ой.

1921 году Апрѣля въ 14 день. По указу в. г-рей и по помѣть на выписку дьяка Автамона Иванова дано стольнику Микитѣ

¹ 1684 год.

Алексьеву сыну Татищеву за Чигиринскія службы изъ помѣстья его въ вотчину съ помѣстнаго его окладу съ 700 чет., со 100 по 20 чет. **итого 140 четей во Псковъ въ Выборскомъ уѣздѣ въ Крекшинскокой Губѣ сельцо, что была п-шь Жирово, Копытово, а нынѣ зовутъ Барсуково**¹ да къ тому сельцу припущено въ пашиню дер. Гридино, п. Голатино, Пестрово тожъ, п. ч. б. д.2 Мосъева Спицыно тожъ, дер. Михѣево, дер. ч. б. п. Кошкино, а нынѣ зовутъ Каменка, дер. ч. б. п-шь Строгино, а нынѣ зовутъ Кобылово, дер. ч. б. п-шь Кишкино, а нынѣ зовутъ Лобозино, дер., что была п-шь Юрино Воробьево тожъ, дер. ч. б. п-шь Дубенцово, д. ч. б. п. Жданово, а нынѣ зовутъ Марьино, п. Харитоново, а нынѣ зовутъ Кустяево, п. Попово, а нынѣ зовутъ Земцово, п. Самуйлово, а нынѣ зовутъ Конюхово Стулово, селище другое Татищево, а нынѣ зовутъ Зеленкино; да въ Кузьмодемьянской Губѣ дер. Стрѣлино да къ ней жъ припущено въ Пашиню Песте, д. Исаево, а нынѣ зовутъ Лушки, дер., ч. б. п. Андромеево да къ ней припущено въ пашиню п. Капилово, а нынѣ зовутъ Аполье, дер. Чалево, а нынѣ зовутъ Щербихино, д. ч. б. п. Юрьево, а нынѣ зовутъ Пропесово; а по отдѣльнымъ псковскимъ книгамъ 189 году въ той его вотчинѣ въ Крекшинской губѣ ...³ да въ Кузьмодемьянской губѣ... всего пашии середнія и худыя земли, доброю землею, съ наддачею 140 чет. Въ полѣ, а въ дву по тому жъ и перешло у него сверхъ вотчинной дачи въ помѣстья въ селищѣ другомъ Татищевѣ, а нынѣ зовут Зелейкино⁴ осмина и четверикъ пашии.

А на ту вотчину ему Микитѣ Татищеву, жалованная вотчинная грамота дана. Да за вотчинной дачею осталось за нимъ Микитю помѣстья и съ переходими четьми 162 чети съ ½ осм. въ полѣ, а въ дву по тому жъ.

Справилъ Дьякъ Ивановъ. [12, л. 34 об. – 35].

Сельца Боредки среди псковскихъ поместий Никиты Татищева, перешедших в вотчину за «Чигиринские службы», нет. Не упоминается и Островский уезд. Вспоминаю замечание сотрудницы Отдела картографии БАН о возможной ошибке. Накладываю (прописью) слова **Боредки** и **Барсуки** друг на друга: количество букв совпадает,

¹ Как и везде по тексту, выделено мною, — Т.В.

² пустошь, что была деревня...

³ Многоточие в рукописи.

⁴ Выше четко «ЗелеНкино», здесь так же четко — Зелейкино.

в одном и том же месте вниз уходят буквы «р», «д» и «у», потому предполагаю, что при прочтении старорусского текста произошла ошибка. Советуюсь с Л.Я. Костючук, доктором филологии, одним из главных составителей Словаря псковскихъ говоров [28]. Лариса Яковлевна поддерживает мое мнение и напоминает признаки, по каким в давние времена давали названия населенным пунктам: «Вряд ли название сельца было столь бытовым и в нем изготавливались боредки. Ваш материал вызывает доверие и по присланным файлам, и по всей Вашей системе поисков, основательности сопоставлений и выводов. Третий и четвертый четко показывают БАРСУКОВО, первые два пока не имела возможности как следует рассмотреть» (Я отправляла Ларисе Яковлевне 4 листа копии РГИА Жалованной грамоты Никите, Петру и Якову Алексеевичам Татищевым). Однако торопиться не следует: впереди — Исторический архив Москвы, на который ссылается Г. Блюмин.

А пока вспоминаю историю Выбора [13, с. 151–164], который некогда был крепостью (согласно большей части источников, основана в 1-й половине XV века, однако по документам ГАПО — новгородцами в 1322 г.) и, как и все другие, на каком бы расстоянии от Пскова ни находились, считался его пригородом, — ведь и Псков до 1348 года являлся пригородом Новгорода. Географические названия (села, деревни, реки и озера) Выборского и Островского уездов, встреченные мною в РГАДА, РГИА, БАН и ГАПО, проверяю по книге Н. Панова «Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии» [14, с. 141, 142, 152, 255] — все сходится!

В XV–XVII веках Выбор был центром значительной территории — Выборского уезда, в соответствии с административным устройством Псковской земли. **Выборский уезд** делился на 5 губ: Богородицкую с 442 деревнями, **Кузьмодемьянскую** с 483 деревнями, **Крекшинскую** с 518 деревнями, Дьяцкую с 483 деревнями и Котельницкую с 421 деревней [14, с. 151–154].

Выборский уезд на севере граничил с **Володимерским**, на западе — с Вревским, на востоке — с Дубковским уездом, а на юге — с **Пусторжевским**, принадлежащим Новгороду. В Ливонскую войну как крепость Выбор прекратил существование, хотя деревянные крепостные стены сохранялись и в XVIII столетии. Позднее административное деление губернии было изменено: Выбор отошел к Островскому уезду, но при Екатерине II, переименовавшей Пусторжевский уезд в Новоржевский, стал его частью.

Следовательно, мои поиски осложнились еще и из-за того, что трижды за два столетия менялось административное деление губернии.

30.08.2018, ЦГИАМ. Открываю папку дела №3 (ф. 1872, оп. 1) — в регистрационном листе 3 записи «просмотр» Г.З. Блюмина — 9, 13 и 28 апреля 1984 г. Это меня успокаивает, однако заголовок дела разочаровывает: «Опись Учиненная Имению Гна Военного Советника и Кавалера Татищева, состоящему при Сельце Болдине с деревнями Клинского Земского суда дворянским заседателем Алфимовым» [15, л. 1–31]. Опись учинена в октябре 1824 года по Указу уездного суда. Я просмотрела все 32 страницы подлинника, сделала выписки и снимки, но они никак не относятся к теме моего поиска. «Сельцо Болдино», где В.Н. Татищев провел последние годы жизни и ушел в мир иной, сейчас относится к Солнечногорскому району Московской области. Не встретила я в архивных источниках и имени крепостного Татищевых Ивана Емельянова, «по месту жительства» которого автором повести «Юность Татищева» была определена родина нашего знаменитого земляка (скорее, это Иван Вельяминов, упомянутый в документах РГИА/РГАДА). Замечу, что в повести Блюмина содержится не одна фактологическая ошибка: имение Татищева в XVII веке входило в состав Выборского уезда, а не Островского; в Выборе у Н.А. Татищева не было «имения малого» (там у него вообще ничего не было!); при описании поездки Татищевых из Пскова в «Боредки» автором использован хаотичный набор топонимов, далекий от реального, как и при описании места расположения дома Татищева в Пскове. Кроме того, абсолютно недопустимые ошибки здесь же допущены Блюминым в биографии Якова Брюса, но «это уже другая история».

Сообщаю М.М. Пахоменковой, что нашла Барсуки в Историческом архиве Петербурга и Библиотеке Академии наук, и прошу ее известить, существует ли сейчас деревня Барсуки (или Барсуково) в Новоржевском районе, и, если существует, описать ее координаты (и речки Мильи), чтобы легче было отправиться в историческое путешествие. М.М. Пахоменкова отвечает оперативно: «Деревня Барсуки ныне Выборской волости, речка Милья протекает по Выбору и впадает в Сороть — это один микрорайон. Прикрепила автомобильную карту — Барсуки слева внизу». На карте можно отыскать и другие знакомые по Жалованной грамоте Никите Татищеву населенные пункты, входящие ныне в Новоржевский район. Прошу М.М. Пахоменкову и С.А. Макарову (Выбор) организовать фотографию указателя и общий

вид деревни, однако моя просьба остается без ответа. Обратиться к своим друзьям в Пушкинский заповедник времени не оказалось.

В ноябре 2018 года на XIII Псковских Архивных чтениях я прочла доклад «Малая родина Василия Никитича Татищева: поиски истины в исторических архивах Москвы и Санкт-Петербурга». В сборнике по итогам Архивных чтений мною впервые опубликованы все четыре Жалованные грамоты из РГИА: кроме Никиты — Петру, Федору и Якову, — и подробная информация о степени их родства и владениях на Псковской земле [16, с. 11–17].

На открытии Международной научно-практической конференции «Северная Европа. Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем» 22 мая 2019 г. среди почетных гостей присутствовал и Владимир Анатольевич Аракчеев, незадолго до того назначенный директором РГАДА (мы не виделись почти 10 лет — он работал в ИИиА УрО РАН в Екатеринбурге). После торжественной части я подошла к нему — мы договорились о возобновлении контактов: меня интересовал все тот же вопрос — архивный документ о месте рождения Василия Татищева.

Секцию «Российско-балтийское порубежье: пересечение судеб и культур» представляли исключительно постоянные участники наших краеведческих чтений, в том числе и зарубежные (эстонские Таллин, Тарту; литовский Вильнюс, белорусский Витебск). Вела секцию я; вновь, но значительно обновленным, прочла доклад о Татищеве [17, с. 109–118]. Кроме того, в 2020–2021 гг. опубликовала статьи о восстановлении имени малой родины В.Н. Татищева в «Литературоведческом журнале» ИНИОН РАН [18, с. 134–143] и «Московском журнале» [19, с. 53–57].

А в статье «Василий Никитич Татищев: две знаковые точки на карте России» [20, с. 46–86] опубликовала Жалованные грамоты всем псковским Татищевым, имевшим отношение к нашему герою, подробно рассказала о родстве Никиты Алексеевича и Петра Алексеевича, долю сына которого получил отец историка. Теперь «сельцо Барсуки» введено в научный оборот, и, надеюсь, серьезные авторы отныне не будут писать, что название места рождения выдающегося государственного деятеля и ученого утрачено.

Итак, имя родины Татищева определено — я отложила поиски Барсуков до весны следующего года. И обратилась к своим друзьям в Пушкинские Горы: Барсуки они хорошо знают и готовы отвезти меня туда, как только наладится погода. Но 2020 и 2021 годы —

ковид... Однако 25 июля (2021) я все же договорилась с главой Новоржевского района Софьей Олеговной Пугачёвой вместе посетить Барсуки. Встретились мы в Вишлёве, за полтора километра до цели. Указателя деревни не было, но мой «путеводитель» хорошо знал все тропинки соседнего района. Мы встретились с местными жителями некогда большой и богатой деревни, осмотрели то, что напоминало усадьбу. К липовой аллее и руинам фундамента пройти мешала «травя по пояс», да и старожилы предостерегли об опасности встречи со змеями.

Я попросила Софью Олеговну восстановить дорожный указатель, посоветовала создать комиссию при администрации района по сохранению памяти о Татищеве. Мы обговорили планы дальнейшей совместной деятельности. 15 сентября вместе собирались «покорять» тропу Татищева в Солнечногорском районе Подмосковья, поговорить о сотрудничестве администраций двух районов. Однако, как сказали солнечногорские краеведы, их администрация к этому не готова — и я «отменила» поездку Софьи Олеговны («не время»). Не буду подробно рассказывать о нашем «походе» на Рождественский погост 15 сентября 2021 года (я приезжала для этого и 12 августа, когда в «походе» к Татищеву принимал участие и мэр Екатеринбурга, но накануне заболела) — о нем известно с сайта Уральского землячества. В следующем году мы ждали в гости солнечногорцев, но этого не случилось, хотя контакты наши продолжились. 8 августа 2023 года Уральское землячество пригласило меня на торжественное открытие благоустроенной тропы к последнему приюту Василия Никитича Татищева, а 6–8 октября Алексей Иванович Максимченко, член Президиума Уральского землячества, руководитель программы «Татищевская тропа», принял участие в XIII Псковских международных краеведческих чтениях, проходивших в Пскове, презентовав альбом «Василий Никитич Татищев в Москве и Подмосковье», а на одной из секций выступил с рассказом об открытии благоустроенной «Татищевской тропы» и роли в этом событии руководства Екатеринбурга. 9 октября мы отправились ближе к Барсукам — договорились о встрече с С.О. Пугачёвой. Я порадовалась восстановленному дорожному указателю. Погода нам благоприятствовала, и на сей раз мы прошли к тому месту, где когда-то стоял дом, в котором родился будущий видный государственный деятель, основоположник многих наук и основатель нескольких городов России — сподвижник Петра Великого.

Библиографический список

1. **Попов Н.А.** В.Н. Татищев и его время : Эпизод из истории гос., обществ. и част. жизни в России, первой половины прошедшего столетия / Соч. Нила Попова. — М., 1861.
2. **Бестужев-Рюмин К.Н.** Биографии и характеристики : Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг / К. Бестужев-Рюмин. — СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882.
3. **Кузьмин А.Г.** Татищев / Аполлон Кузьмин. — Москва : Молодая гвардия, 1981. — (ЖЗЛ. Жизнь замечательных людей : Серия биографий. Вып. 15 (620)).
4. **Вересова Т.В.** Первоначальник русской исторической науки / Т.В. Вересова // Псковская земля. История в лицах : [ист.-биограф. очерки] : в 3 кн. Кн. 1 : «Дворяне все родня друг другу». — М., 2006.
5. РГАДА. Ф. 1209.
6. **Кусов В.С.** Московское государство XVI – начала XVIII века : сводный каталог русских географических чертежей / В.С. Кусов. — М. : Русский мир, 2007.
7. ГАПО. Ф. 14. Д. 275.
8. **Пахоменкова М.М.** Новые дворянские фамилии на карте Новоржевского уезда / М.М. Пахоменкова // Псковский летописец : краеведческий альманах. — Псков; Москва : [б. и.], 2009-. — 2019. — № 1 (10).
9. **Аракчеев В.А.** Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках / Владимир Аракчеев. — Псков, 2004.
10. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел : [по сведениям 1859]. — 1861-. — Т. 34: Псковская губерния. — СПб.: Центр стат. ком. М-ва внутренних дел, 1885.
11. **Блюмин Г.З.** Юность Татищева : повесть / Георгий Блюмин. — Л.: Лениздат, 1986.
12. РГИА. Ф. 878. Оп. 2. Д. 16. (Копии МАМЮ).
13. **Макарова С.А.** Выбору — 850 лет / С.А. Макарова // Вторые Псковские региональные краеведческие чтения, Великие Луки, 20–22 октября 2011 года : [мат-лы]. — Псков; Москва, 2012.
14. **Панов Н.А.** Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии : (мат-лы к истории г. Острова и его уезда) / Прот. Николай А. Панов. — Остров : тип. А.И. Фуфаевой, 1913. — Репринт. изд. — Псков : Псковская областная типография, 2004
15. ЦГИАМ. Ф. 1872. Оп. 1. Д. 3.

16. **Вересова Т.В.** *Малая родина Василия Никитича Татищева: поиски истины в исторических архивах Москвы и Санкт-Петербурга* / Т.В. Вересова // I Международная научно-практическая конф. (XIII Псковские архивные чтения, 22–23 ноября 2018 г.). — Псков: Логос, 2019.

17. **Вересова Т.В.** *Документы Российского государственного исторического архива о псковских вотчинах Никиты Алексеевича Татищева* / Т.В. Вересова // Туризм и индустрия гостеприимства: современное состояние и тенденции развития : мат-лы Международной науч. конф. «Северная Европа, Псков и Ганзейский союз в прошлом и настоящем», 21–23 мая 2019 г. — Псков: Псковский государственный университет, 2019.

18. **Вересова Т.В.** *Архивные источники о псковских вотчинах Никиты Алексеевича Татищева* / Т.В. Вересова // Литературоведческий журнал / РАН ИНИОН. — Москва : ИНИОН РАН, 2020. — № 3 (49).

19. **Вересова Т.В.** *Где родился автор «Истории Российской»? / Т.В. Вересова // Московский журнал. История государства Российского. — 2021. — №9 (369). — сентябрь.*

20. **Вересова Т.В.** *Василий Никитич Татищев: две знаковые точки на карте России* / Т.В. Вересова // Одиннадцатые (XI) Псковские Международные краеведческие чтения. XVII Порховские районные краеведческие чтения: мат-лы Международной науч.-практ. конф. (Порхов, 1–3 октября 2021 года) : в 2 т. Т. 1. — Псков, 2022.

21. **Соловьёв С.М.** *История России с древнейших времен : В 15 кн. Кн. IX : т. 17–18 / С.М. Соловьёв; [Отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л. В. Черепнин]. — М., 1963.*

22. **Ключевский В.О.** *Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. Кн. 2. / В.О. Ключевский. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.*

23. **Федорченко В.И.** *Дворянские роды, прославившие Отечество : Энцикл. дворян. родов / В. Федорченко. — Красноярск : Бонус ; М. : ОЛМА-Пресс, 2003. — С. 380.*

24. *Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи, начатый в 1797 году. — [СПб. : Сенат. тип., 1799–1840].*

25. *Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы / ФГУК «Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник)»; авт.-сост. Н. Г. Розов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Псков : [б. и.], 2008.*

26. **Вересова Т.В.** *Труды В.Н. Татищева по географии России / Т.В. Вересова // Седьмые Псковские международные краеведческие чте-*

ния : Мат-лы международной науч.-практ. конф. (Псков, 13–15 октября 2017г.) : в 2-х т. Т.1. — Псков: Псковский гос. ун-т, 2017. — С. 75–81.

27. *Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. — СПб.. Печатано в Типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1828. — Книжка I.*

28. *Псковский областной словарь с историческими данными / [редкол.: Б. А. Ларин и др.]. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–29. ГАПО. Ф. 196.*

30. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1179. Л. 155 об, 178 об, 180.

31. *Большая Энциклопедия : слов. общедоступных сведений по всем отраслям знания : в 22 т. Т. 18 : Статистика – Ундозеро / под ред. С.Н. Южакова. — Санкт-Петербург : Просвещение, книгоиздательское товарищество, 1896. — С. 308–309.*

32. **Ключевский В.О.** *Исторические портреты / В.О. Ключевский. — М.: Вече, 2005. — С. 326, 380–384.*

T.V. Veresova

The Tatishchevs and the Pskov Region in Archival and Literary Sources

Abstract. *The article describes the long-lasting search in Russian archives and research libraries for Vasily Nikitich Tatishchev's birthplace, which was lost centuries ago.*

Keywords: *the Tatishchevs, Letters Patent, Vybor District, Pskov Governorate, Vasily Tatishchev, Ostrov District, home town.*

Veresova Tamara Vasilievna, Head of the Pskov Regional Branch of the Russian Union of Ethnographers, Board member of the Russian Union of Ethnographers, member of the Russian Union of Writers and the Russian Union of Journalists, Chief Editor of the Pskov Chronicler Almanac;
e-mail: veresovatv@mail.ru.

ПРИНЕВЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ

Аннотация. В начале Северной войны освоение Приневья началось с возведения судостроительных верфей. После основания Санкт-Петербурга увеличилось производство строительных материалов. Русское правительство использовало природные ресурсы Ингерманландии, а также сохранившуюся со шведских времен инфраструктуру.

Ключевые слова: Петр I, Санкт-Петербург, Приневье, Ингерманландия, природные ресурсы, транспортные пути.

В начале Северной войны (1700–1721) Петр I провозгласил, что его основной задачей является возвращение земель отцов и дедов — Ингерманландии. 22 августа 1700 г. русская армия выступила в военный поход на Нарву², которая с 1656 г. являлась административным центром шведской Ингерманландии и резиденцией ее генерал-губернатора. Находившаяся на левом берегу р. Наровы на расстоянии примерно в 14 км от ее впадения в Финский залив Нарва представляла собой хорошо укрепленную крепость. Несмотря на значительное численное превосходство русской армии над оборонявшимися Нарву шведами, царю ее взять не удалось. После поражения под Нарвой (19 ноября 1700 г.) Петр I принял решение направить войска в сторону Ладожского озера, Невы и Финского залива.

Основой шведской обороны Приневья являлись две крепости: расположенный в истоке Невы Нотебург и находившийся при впадении в Неву р. Охты Ниеншанц. Крепость Ниеншанц представляла собой правильный пятиугольник и была окружена рвом с частоколом. Под защитой ее стен находился основанный в 1632 г. город Ниен.

¹ Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, ФГБУН Санкт-Петербургский институт истории РАН (Россия), старший научный сотрудник; e-mail: tbazarova@yandex.ru.

² 19 августа 1700 г. Петр I объявил войну Швеции (Манифест опубл.: [15, № 1811, с. 74–75]. Ингерманландия (Ижорская земля) — это территория Орешковского, Копорского, Ямского и Ивангородского уездов, которые входили в состав Водской пятины Великого Новгорода. Общее наименование за ними закрепилось после передачи этих земель Швеции по Столбовскому мирному договору (1617).

К началу XVIII в. в нем было около 400 домов и 2000–2500 жителей. В 1642–1656 гг. Ниен являлся административным центром Ингерманландии. Этот город также стал значительным торговым центром, в который доставляли товары не только шведские и русские купцы, туда приходили торговые суда из стран Западной Европы — Англии, Германии, Голландии. Сетью дорог Ниен был соединен с Нотебургом, Нарвой, Выборгом и Кексгольмом. В городе и окрестностях находились производства, связанные с судостроением (смоловарня и канатный двор), а также строительных материалов. На берегу Финского залива стояли небольшие железные заводы [18, с. 81; 21, с. 139, 179].

Традиционными занятиями местных крестьян были земледелие, животноводство и ловля рыбы. На берегах Невы и в ее дельте находились небольшие поселения (часто в один-два дома). Одним из самых значительных было село Спасское, располагавшееся на левом берегу Невы напротив Ниеншанца и соединенное со шведской крепостью переправой. В селе находилась православная деревянная церковь. Православные крестьяне еще в начале XVII в. составляли основное население этих мест. Однако их число постепенно сокращалось. Главную роль сыграла ассимиляторская политика шведского правительства, направленная на поощрение перехода жителей Ингерманландии в лютеранство. Православные крестьяне уходили в Россию, отток усилился после русско-шведской войны 1656–1658 гг. на их место шведское правительство переселяло финнов-лютеран [10, с. 19–20; 3, с. 195–196; 7, с. 23]. Помимо крестьянских домов и рыбацких хижин в дельте Невы были и небольшие усадьбы шведских помещиков. Самая известная из них — поместье офицера Эриха Берндта фон Коноу, где был устроен сад в голландском стиле (на этом месте в 1704 г. появится Летний сад Петра). Еще до прихода русской армии, в конце XVII в., на долю жителей Ингерманландии выпали многочисленные бедствия — неурожаи и эпидемии. Голод и болезни унесли многие жизни, по дорогам ходили нищие и беженцы. Северная война принесла местным жителям новые невзгоды [7, с. 110].

Появление русских полков в Приневье привело к тому, что крестьяне и жители Ниена стали массово покидать свои дома. После получения известия о том, что русская армия 11 октября 1702 г. штурмом овладела Нотебургом (Петр I переименовал его в Шлиссельбург), шведский комендант Ниеншанца Юхан Аполофф для улучшения обороноспособности крепости приказал сжечь город Ниен [18, с. 82–83].

Однако по указу царя Б.П. Шереметев направил свои полки к Ниеншанцу только в апреле следующего года. 1 мая 1703 г. после непродолжительной осады шведская крепость сдалась. 16 мая ниже по течению Невы на Заячьем острове была заложена деревоземляная крепость, получившая название Санкт-Петербург. Под защитой ее стен на соседнем Березовом острове появились и первые гражданские постройки.

Еще до начала военной кампании в Приневье по указу царя начали создавать сеть судостроительных верфей. Армия остро нуждалась в транспортных судах для перевозки солдат и грузов. В 1701 г. струги сооружали в Великом Новгороде и Пскове, а также на реке Луге близ деревни Онежицы. Важную роль в развитии судостроения в регионе сыграл стольник Иван Юрьевич Татищев (1652–1730).

Государева служба московского дворянина И.Ю. Татищева началась еще в конце XVII в. Он участвовал в военных походах — Чигиринском (1678–1679) и Крымском (1687); в 1679 г. был назначен воеводой в г. Кашин. В 1698 г. новгородский воевода П.М. Апраксин отправил стольника в Нарву, Ревель и Ниеншанц для поиска и приема на царскую службу корабельных мастеров для верфей, которые строились на юге России. В 1700 г. И.Ю. Татищев принимал участие в неудачном Нарвском походе [19].

Устройство верфи на р. Луге стало первым заданием И.Ю. Татищева, которое было связано с организацией судостроения. 23 января 1702 г. стольнику поручили найти место для верфи близ Ладожского озера. Уже 14 февраля И.Ю. Татищев доложил Петру I: «По вышепомянутому твоего, великого государя, указу я, холоп твой, на Ладожское озеро и на Сясьское и на Свирское устья, и на реку Сясь, и на Пашу, и на Свирь реки ездил, и тех рек и Ладожского озера устья осмотрел и в аршины измерял...» [11, с. 5–6]. И.Ю. Татищев отправил в Москву «Описную и перемерную роспись» глубин впадающих в Ладожское озеро рек, а также указал участки, пригодные для строительства верфей. Он определил, что наиболее подходящим местом является устье р. Сяси, где находились сосновые леса и село Сясьские Рядки (или Сясьское Устье), в котором ранее строили суда для торговавших со шведами тихвинских купцов. И.Ю. Татищев стал начальником верфи при устье Сяси, где 1 мая 1702 г. заложили два малых фрегата. В 1703 г. он был назначен новгородским воеводой (или комендантом) и пребывал в этой должности до весны 1715 г. Будучи новгородским комендантом, И.Ю. Татищев

продолжал руководить судостроительной верфью на р. Луге, измерял глубину впадающих в Ладожское озеро рек, исследовал берега Невы и фарватер Ладожского озера, а также описывал леса [19].

Вскоре после основания Сясьской верфи на впадавшей в Ладожское озеро р. Свирь заложили Олонецкую верфь, а еще через два года, в 1704 г., в устье р. Волхов — Новоладожскую верфь¹. В первые годы работных и мастеровых людей на новые верфи присылали по разнарядке на трехмесячную смену. На верфях трудились плотники из Олонца, Вологды, Ростова, Углича, Костромы, Твери, Ярославля и других городов (по государеву указу с 500 крестьянских дворов снаряжался один плотник) [1].

В 1700-х годах ремонт судов осуществляли в Шлиссельбурге, а после завоевания дельты Невы верфи появились в Санкт-Петербурге. Сначала под защитой Петербургской крепости была основана небольшая безымянная судоремонтная верфь. 5 ноября 1704 г. на Копорской стороне напротив Петербургской крепости заложили Адмиралтейский дом, который осенью 1705 г. окружили крепостными укреплениями с сухим рвом. Петербургская и Адмиралтейская крепости являлись основными центрами, вокруг которых развернулась дальнейшая застройка.

Для возведения Санкт-Петербурга и строительства кораблей требовались значительные лесные ресурсы. Описание, учет и защита от самовольной вырубki корабельных лесов стало делом государственной важности². 19 ноября 1703 г. Петр I указал описывать леса «во всех городах и уездах» на расстоянии 50 верст от берегов больших рек и 20 верст от малых. Пригодные для судостроения леса объявлялись собственностью государства. Запрещалось самовольно вырубать «дуб, клен, илем, вяз, карагач, лиственницы, сосны, которые в отрубе в 12 вершков и больше». Порубка лиственницы и корабельной сосны влекла денежный штраф, за срубленный дуб грозили смертной казнью [15, № 1950, с. 228]. Однако менее чем через полтора года, правительство было вынуждено смягчить наказание. Указом 19 января 1705 г. разрешалось использовать деревья из заповедных лесов для строительства мельниц, саней и телег [15, № 2017, с. 228].

¹ Олонецкая и Новоладожская верфи дали начало небольшим селениям, которые продолжали развиваться в течение XVIII–XIX вв.

² Указы также были направлены на борьбу с устоявшейся народной традицией, заключавшейся в свободной рубке леса на хозяйственные нужды.

Крестьяне и солдаты рубили лес по берегам Невы, а также вдоль впадающих в нее небольших рек, откуда водным путем или на подводках доставляли в Санкт-Петербург. Первые описи лесов были выполнены вскоре после основания города. Через месяц после закладки Адмиралтейской верфи, в декабре 1704 г., петербургский обер-комендант Р.В. Брюс отправил «для описи и смотрения х карабелному строению угодных лесов» в Санкт-Петербургском, Шлиссельбургском, Копорском и Ладожском уездах новгородца князя Романа Мещерского и иноземного корабельного мастера Грава Васильева. Они осматривали леса, на которые указывали местные жители, фиксировали местонахождение и примерный размер участков. Корабельный мастер непосредственно на месте оценивал пригодность того или иного леса к кораблестроению. Например, «от реки Мхи до реки Нази, явилось соснового лесу в разных местах длиннику на пять верст, поперечнику на две версты. Тот сосновой лес годен на карабелное строение на двоеполубные карабли». Всего «явилось в разных местах соснового лесу длиннику 15 верст, поперечнику пол-шесты версты. Елового кокорного лесу в разных местах длиннику 9 верст, поперечнику пол-третьи версты пятьдесят сажен <...> от Санкт-Питербурха х Копорскому уезду в разных местах соснового толстого самого доброго лесу семьсот дерев» [14, с. 482]. К охране выявленных лесных участков Р. Мещерский и Васильев назначили караульчиков — крестьян из окрестных деревень, которым был объявлен «о бережении тех лесов великого государя указ под смертною казнию» [14, с. 483]. В 1705 г. была сделана еще одна опись лесных ресурсов: тогда в Санкт-Петербургском, Шлиссельбургском, Копорском и Новгородском уездах на берегах рек Тосны и Ижоры были обнаружены сосновые («удобен в доски»), еловые кокорные (корневые) и березовые леса [14, с. 798].

В обязанности караульчиков входила защита леса от незаконной порубки или поджога. В июле 1706 г. сгорел Клинцовский бор близ Пиркинского погоста, а также уже заготовленные для Олонецкой верфи брусья. Олонецкий комендант И.Я. Яковлев направил для расследования дворянина Гаврила Григорова, который обнаружил поблизости выжженный под пахоту лес. К сожалению, результаты расследования остались неизвестны. Сын местного дьячка Тимофей Осипов, который готовил землю под пашню, свою вину в поджоге леса не признал [17, л. 52 об. – 53].

Развитие судостроения в Приладожье и Приневье привело к тому, что уже через несколько лет поблизости от верфей лесов не осталось. Отсутствие леса стало одной из главных причин закрытия в 1706 г. Сясьской верфи. В 1708 г. отвечавший за заготовку бомбардир лейб-гвардии Преображенского полка боммейстер Лукьян Алексеевич Верещагин¹ писал о недостатке лесов в окрестностях Новолодожской верфи. Для того чтобы не допустить остановки строительства судов, лес возили по Волхову из окрестностей Новгорода. В январе 1709 г. адмиралтеец А.В. Кикин доложил Петру I о дубовых рощах, обнаруженных боммейстером близ Старой Руссы, и сообщил, что «в ближних местех... болши годных лесов на карабелное строение нет» [13, с. 1043]. Со временем корабельные леса стали доставлять из Казани и Нижнего Новгорода [2, с. 250].

В Санкт-Петербурге и его окрестностях была налажена механическая распиловка леса на доски. Возле мест заготовки леса (близ Шлиссельбурга, на реках Нази, Тосне и Ижоре) были построены ветряные и водяные пильные мельницы. Всего, по мнению К.В. Малиновского, по берегам р. Тосны и Ладожского озера поставили около двух десятков водяных и ветряных пильных мельниц [9, с. 94]. В 1705 г. первую ветряную пильную мельницу по чертежу голландского мастера построили на Стрелке Васильевского острова. Глава Городовой канцелярии У.А. Сенявин 11 июня 1705 г. пожаловался губернатору: «...с трудом сыскиваем толстые брусья по иноземческой росписи» [14, с. 613]. В 1706 г. Городовая канцелярия передала готовую мельницу в ведение И.Я. Яковлева, под надзором которого находился Адмиралтейский двор. Вскоре на Стрелке рядом с первой мельницей заложили еще одну. К началу 1710-х годов там было уже не менее пяти ветряных пильных мельниц².

Кроме леса, для строительства Санкт-Петербурга требовались камень, известь и кирпич. Камень, использовавшийся для фундаментов зданий и отделочных работ, заготавливали на реках Тосне, Назье и Пудости [8, с. 111–112]. В 1700-х гг. известь также доставляли из Новгородского уезда. Новгородские крестьяне выламывали из берегов рек Сясь и Шелонь известняковые плиты, которые затем выжигали в печах. Полученную известь складывали в бочки и везли в Санкт-Петербург на стругах или телегах.

¹ По-видимому, к своим обязанностям Л.А. Верещагин приступил не позднее 1703 г. [11, с. 25].

² В 1716 г. мельницы с Васильевского острова перенесли на окраину города.

Окрестности Санкт-Петербурга были богаты залежами глины, которые ранее активно использовали жители шведского Ниена. Надо полагать, что в первые годы строительства Санкт-Петербурга кирпичи заготавливали на бывших шведских заводах. По-видимому, самое раннее упоминание о заводах, которые находились возле Ивановских порогов, относится к 1705 г.: «...швецкие полки перешли через Неву и на порогах кирпичные заводы и что было строению пожгли» [16, л. 100]. К 1710 г. кирпичные заводы были построены на реках Тосна и Ижора, близ Шлиссельбурга, а также вдоль берегов Невы. Часть заводов принадлежала Городовой канцелярии и Адмиралтейству. Для них была установлена норма 10 млн кирпичей в год, которая не выполнялась из-за нехватки леса в окрестностях заводов [8, с. 109–110].

Санкт-Петербург с другими городами соединяли водные пути и дороги, которые сохранились еще со шведских времен. Как уже отмечалось, возле Ниеншанца сходились дороги Нарвы в Выборг и Кексгольм. Из Невской дельты до Шлиссельбурга можно было добраться сухим путем по правому или левому берегу Невы. Затем дорога шла к Волхову, где разделялась: из магистралей вела к Архангельску, а вторая проходила вдоль берега реки до Великого Новгорода. В 1701 г. в ходе подготовки к новой военной кампании русское командование собирало сведения о дорогах, которые вели к шведским крепостям. По показаниям новгородских дворян Кушелева, Бестужева и князя Мышецкого была составлена «Роспись пути горнему от Ладоги к Канцам» [20, с. 192–194]. Изучение и описание сухопутных магистралей продолжалось и после успешных военных действий в Ингерманландии. Так, в январе 1704 г. в Санкт-Петербург прибыл дворянин Г.А. Колемин, которому по государеву указу было велено «от Тихвина и от Новагорода к Шлюселбурху и к Питербурху чрез Ильинской погост мерять по дорогам версты» [14, с. 66].

В начале XVIII в. активно использовалась старая Московско-Новгородская дорога, по которой в Санкт-Петербург шли русские полки, работные и мастеровые люди, доставлялись оружие, продовольствие и строительные материалы. В 1716 г. по указу царя приступили к строительству новой дороги от Санкт-Петербурга до Волхова, которая должна была значительно сократить время пути. Через три года удалось завершить первый участок протяженностью 126 верст. Однако воплотить идею Петра I о создании прямой магистрали между двумя

столицами при его жизни не удалось. От Соснинской пристани на Волхове до Новгорода по-прежнему передвигались по бечевнику, а затем уже до Москвы по старой Московско-Новгородской дороге [6, с. 63–64].

Особое значение Петр I придавал развитию водных путей, которые должны были связать Санкт-Петербург с центральной частью государства. Еще в 1701 г. Петр I побывал в Вышнем Волочке и принял решение начать там перекопные работы. По-видимому, к строительству канала между реками Тверцой и Цной приступили в 1701–1702 гг. 12 января 1703 г. указал братьям князьям Матвею и Василию Гагаринным ехать в Вышний Волочёк для организации строительства шлюза. Под их руководством близ Вышнего Волочка удалось соорудить значительный комплекс гидротехнических сооружений. Первые суда прошли по Гагаринскому (Тверецкому) каналу¹ в 1706 г. [5, с. 44, 62, 83] Однако уже в 1709 г. суда по каналу провести не удалось. Без технического обслуживания сооружений и чистки уровень воды в канале значительно опустился, и тяжелогруженные суда были вынуждены останавливаться. Недоработку удалось ликвидировать только через десять лет [12, с. 106–107].

Важный участок Вышневолоцкого водного пути, который соединял Волгу с Балтийским морем, проходил через Ладожское озеро. Судходство на Ладожском озере всегда было связано с большим риском. Колебания уровня воды, а также внезапные шторма приводили к гибели судов. Свободному входу в Неву препятствовали мели на пути к Шлиссельбургу. В сентябре 1704 г. шлиссельбургский комендант В.И. Порошин доложил А.Д. Меншикову: «вода, государь, в шлютелбурхском в устье гораздо мала: в самом устье на пол-сема фута» [14, с. 382]. В ноябре, когда уже пошел мелкий лед, капитаны снятых с огромным трудом с мели трех кораблей отказались вводить их в Неву. На мель в 20 верстах от Шлиссельбурга сел шмак, который вез груз хлеба [14, с. 415]. Русским судам также приходилось дожидаться весны вмерзшими в лед на Ладожском озере (для защиты корпуса обкладывали соломой и лыком). В 1712–1713 гг. у Петра I возникла идея построить канал в обход бурного Ладожского озера. Однако к работам приступили только зимой 1719 г., когда под руко-

¹ Канал являлся частью первой в России искусственной водной системы Вышневолоцкой. Ее создание позволило соединить водным путем Балтийское и Каспийское море.

водством Г.Г. Скорнякова-Писарева у Волхова на протяжении двух верст начались земляные работы. Из-за неправильных расчетов объем работ значительно увеличился, и Петр I так и не дождал до их окончания [4, с. 41–71].

Трудностями сопровождался также вход судов в Санкт-Петербург и со стороны Финского залива. В XVI–XVII вв. существовали северный и южный фарватеры, которыми корабли проходили к Ниеншанцу. К началу XVIII в. северный фарватер обмелел и не использовался, южный фарватер также постепенно заносило песком. В Санкт-Петербурге могли входить суда с осадкой не более 8 футов (2, 44 м). Поэтому было принято решение разгружать корабли на о-ве Котлин, где также завершали оснащение и вооружение построенных на судостроительных верфях кораблей (с мелким весом и осадкой им было проще миновать сложные участки). В 1710–1720-х гг. по указу царя на острове соорудили целый комплекс благоустроенных гаваней. Также предпринимались попытки углубить фарватер, однако в петровское время для этого не хватило технических возможностей.

Таким образом, в начале Северной войны освоение Приневья началось с возведения судостроительных верфей. После основания Санкт-Петербурга возникла острая необходимость наладить производство строительных материалов. Русское правительство стремилось максимально использовать природные ресурсы Ингерманландии, а также сохранившуюся со шведских времен инфраструктуру. В петровское время в окрестностях Санкт-Петербурга были вырублены и использованы для нужд кораблестроения почти все дубовые рощи и значительная часть соснового леса, что привело к изменению ландшафта. Значительное внимание Петр I уделял развитию транспортных путей, которые соединяли Санкт-Петербург с Москвой и центральной Россией. К концу петровского царствования Нева превратилась в основную транспортную артерию Санкт-Петербурга, часть речного и морского пути, связывающего его с другими европейскими и русскими торговыми и промышленными центрами.

Библиографический список

1. **Базарова Т.А.** Приладожские судостроительные верфи: начало истории / Т.А. Базарова // Реформы императора Петра I. Историческое наследие и современность. К 350-летию со дня рождения императора Петра Великого: материалы научно-исследовательского форума

(г. Калининград, 3 июня 2022 г.; г. Пермь, 13–14 июня 2022 г.; г. Казань, 22 июля 2022 г.) / Под ред. А.В. Громовой, С.В. Неганова. — Пермь, 2023. — С. 585–598.

2. **Гейман В.Г.** Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени / В.Г. Гейман // Петр Великий: Сборник статей / Под ред. А.И. Андреева. — М.; Л., 1947. — С. 246–284.

3. **Гиппинг А.И.** Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц / А.И. Гиппинг. — М.: Российский Архив, 2003. — 470 с.

4. **Горелов В.А.** Речные каналы в России: К истории русских каналов в XVIII веке / В.А. Горелов. — М.; Л.: Речиздат, 1953. — 176 с.

5. **Ивлев Д.М.** Европейский проект Петра Первого: Вышневолоцкая водная система: Роль английских, голландских, итальянских и французских мастеров в начальном этапе постройки Вышневолоцкой водной системы в 1701–1719 гг. / Д.М. Ивлев. — Вышний Волочек; Великий Новгород: Виконт, 2022. — 160 с.

6. **Калинин М.В.** Путешествие из Петербурга в Москву при Петре Великом / М.В. Калинин // Russian Colonial Studies : электрон. журн. — 2019. — № 1. — С. 63–64. — Текст : электронный. — URL: https://vk.com/doc-193651685_543628926?hash=yzd2zjWppjS48tavJtkkVH81Zptp7d0L8PGHShgz60L.

7. **Кепсу С.** Петербург до Петербурга: История устья Невы до основания города Петра / Сауло Кепсу. — СПб.: Европейский дом, 2000. — 127 с.

8. **Луппов С.П.** История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. — М.; Л.: АН СССР, 1957. — 190 с.

9. **Малиновский К.В.** Санкт-Петербург XVIII века / К.В. Малиновский. — СПб.: Крига, 2008. — 573 с.

10. **Марченко М.К.** Возврат Ингерманландии двести лет назад / М.К. Марченко // Военный сборник. — 1903. — № 1. — С. 19–20

11. **Материалы для истории русского флота : в 17 ч. Ч. 1: Балтийский флот, 1702–1725.** — Санкт-Петербург : в Тип. Морского м-ва, 1865. — 704 с.

12. **Николаев А.С., Житков С.М.** Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России / [сост. 1-й ч. А.С. Николаев; сост. 2 и 3 ч. инж. пут. сообщ. С.М. Житков]. — СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1900. — 372 с.

13. **Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т., в 20 кн. Т. 8. Вып. 2.** — М.: АН СССР, 1951. — С. 411–1178.

14. Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1703–1705) / авторы-составители: Анисимов Е.В., Базарова Т.А., Лемешев К.Н., Проскурякова М.Е. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. — 944 с.

15. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 48 т. Том IV. 1700–1712 гг. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — 881 с.

16. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 47.

17. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 58.

18. **Сорокин П.Е.** Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве / П.Е. Сорокин. — СПб.: Литера, 2001. — 128 с.

19. Татищев Юрий Степанович // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 20 : Суворова – Ткачев / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. — Пг.: тип. товарищества «Общественная польза», 1912. — С. 350–351.

20. **Устрялов Н.Г.** История царствования Петра Великого : в 8 т. Т. 4. Ч. 2. / [Соч.] Н. Устрялова. — СПб.: Тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1863. — 672 с.

21. **Шаскольский И.П.** Русская морская торговля на Балтике в XVII в. : (Торговля со Швецией) / И.П. Шаскольский. — СПб.: Наука, 1994. — 187 с.

T.A. Bazarova

The Neva Region in the First Years of the Great Northern War: the Beginning of Industrial Development

Abstract. At the beginning of the Great Northern War, the development of the Neva region began with the construction of shipyards. After the founding of St Petersburg, the production of building materials increased. The Russian government used the natural resources of Ingria, as well as the infrastructure preserved from Swedish times.

Keywords: Peter the Great, St Petersburg, Neva region, Ingermanland, natural resources, transport routes.

Bazarova Tatiana Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, St Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; e-mail: tbazarova@yandex.ru.

СЕКЦИЯ I ИСТОРИЯ УРАЛА XVI – НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК: 323 269.6

А.С. ЗАХАРОВ¹

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОТУРСКОГО ВОССТАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается специфика восстаний на Урале в XVII веке на примере Верхотурского восстания 1648 года. Представлены основные события, произошедшие в ходе Верхотурского бунта. Восстание разделено на три этапа по мере возникновения и прекращения конфликта. Анализируются причины конфликтов между воеводской властью и мирскими организациями и последствия данных явлений.

Ключевые слова: М.Ф. Стрешнев, Б.С. Дворянинов, миры, воеводы, сыски.

В современной российской историографии значительное место отведено истории восстаний в Центральной России XVII века. Из последних работ отметим монографию Д.А. Ляпина «Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века». Объектом исследования в работе являются народные волнения 1648 и 1650 гг. Анализируется борьба за власть аристократических группировок в Москве, ставшая одной из ключевых предпосылок для начала городских восстаний. Значение городских восстаний Д.А. Ляпин видит в том, что следствием их было усиление самодержавной власти московского государя [1, с. 247]. Это исследование охватывает в основном волнения в европейской части России, а также томское восстание 1648–1649 гг. Важное значение имеют также исследования, отражающие региональную специфику восстаний. В частности В.Н. Глазьев

¹ Захаров Александр Сергеевич, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студент; e-mail: alteddy17@yandex.ru.

в работе «Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках» подробно останавливается на описании мятежа в Воронеже в 1648 г. Исследователь полагает, что восстание не являлось народным и было связано с интересами отдельных лиц. Примечательна и работа В.А. Аракчеева «Псковский край в XV–XVII веках: общество и государство», в которой описано восстание в Пскове 1650 г. В.А. Аракчеев полагает, что истоки социального конфликта в Пскове необходимо искать в период Смуты, поскольку ведущую роль в восстании занимали стрельцы, местное дворянство вело активную борьбу с правительственными войсками, предпринимались попытки связи с правящими кругами Речи Посполитой [2, с. 236].

Однако среди современных научных работ встречается крайне мало трудов, посвященных истории городских восстаний на Урале. Можно назвать в этом плане лишь монографию В.А. Александрова и Н.Н. Покровского «Власть и общество. Сибирь в XVII веке», опубликованная в 1991 году. Авторы рассматривают функционирование земских организаций в XVII веке в рамках Урала и Сибири, их взаимодействие с местными и центральными органами управления [3, с. 351]. Затрагивается и тема городских восстаний на Урале, в частности Верхотурское восстание 1646–1649 гг., однако, как отмечают сами авторы, события Верхотурского восстания практически не были исследованы [3, с. 259].

Говоря об особенностях городских восстаний на Урале, стоит выделить фактор влияния мирских организаций, игравших большую роль в повседневной жизни населения. Здесь необходимо обратить внимание на нормы мышления, которые были закреплены в представлениях переселенцев, составлявших основу населения уральских и сибирских городов. Попадая на Урал или в Сибирь, крестьянин, «посадский человек» сохранял привычные представления о том, что земля принадлежит великому государю, а организация общины является естественным способом как устройства хозяйственной жизни, так и установки взаимоотношений с центральной властью. Нужно учитывать и то, что переселенцами в основном являлись северорусские, в основном свободные черносошные крестьяне. Можно сказать, что население Урала во многом ориентировалось на нормы сословно-представительной монархии, для которой характерным является сочетание интересов верховной власти и основных социальных слоев населения. Однако в середине XVII в. происходила трансформация

власти из сословно-представительной в абсолютную. В рамках местного управления формирующаяся абсолютная монархия стремилась к изменению системы социальных отношений, превращая мирские организации лишь в исполнительные органы власти. Инструментом для этого выступала организация влиятельного аппарата местного коронного управления. Воеводское управление отражало усиливавшуюся систему централизованного контроля бюрократического аппарата над всей территорией государства [3, с. 107]. Воевода опирался на штат приказной избы, состоявший из подьячих и толмачей. В то же время назначаемый для сбора таможенных пошлин штат, состоявший из таможенных голов и целовальников, не был подчинен воеводе. Воеводы были вправе лишь пресекать злоупотребления с их стороны.

Усиление бюрократизации власти на фоне перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной и наличие сильных мирских организаций, отстаивавших права крестьян, посадского населения и служилых людей по «прибору», время от времени порождало конфликты между воеводской властью и мирами. Мирские просьбы оформлялись в челобитных, в которых отражалось сотрудничество мира и воеводы. Воевода должен был доставить челобитную в Москву, в Сибирский приказ, а решение вопроса оставалось за центральной властью. Однако если воеводе по какой-то причине не устраивали мирские просьбы, он мог вопреки закону задержать челобитную и челобитчиков. В этом случае воеводы зачастую шли на различные ухищрения, порой применяя насилие в отношении населения. При любом конфликте мир должен был предъявить свои претензии в съезжей избе своего города и уже в случае невозможности соглашения с местной властью пытаться апеллировать к центральной власти — то есть царю и Сибирскому приказу. Каждая из сторон конфликта занимала свою позицию, если воеводская власть обвиняла мир в том, что вместо законопослушного челобитья был устроен бунт против «государева слуги» — воеводы, то представители миров, доказывали, что они подали законную челобитную против некомпетентного воеводы, нарушавшего своими поступками государственные интересы [3, с. 172]. Здесь нужно отметить то, что мир конечно не пытались покуситься на основы политического строя и государственного правопорядка, однако зачастую трактовали эти нормы своеобразно. Мир считали вполне законным реальным отказ от подчинения некомпетентному воеводе с того момента, когда ему будет предъявлены обоснованные пре-

тензии и он откажется удовлетворить их. Челобитная, представлявшая собой письменную форму предъявления претензий, считалась легальным способом отказа от подчинения непопулярному администратору, даже до получения ответа царской власти. Необходимо подчеркнуть, что именно этот факт отличает народное правосознание от официального. В свою очередь воеводы, рассматривали столкновения с населением, а также угрозы со стороны недовольных, как прямые признаки бунта. Если движение перерастало в серьезные волнения или восстания, центральная власть занимала позицию воеводы. Однако царская власть могла и отвергнуть воеводскую трактовку событий, если конфликт оставался на уровне мирских жалоб. Занимая позицию мира, царская власть проводила следствие, иными словами, сыск. Следствие проводилось «сыщиками», присланными из Москвы или же из Тобольска. Признав обоснованность претензий мира, сыщики использовали данные им полномочия сместить воеводу и занять его место, временно или на весь следующий срок — то есть на 2–3 года.

В характере непосредственно Верхотурского восстания наблюдается вся специфика социально-политических выступлений на Урале и в Сибири XVII века. Корнем восстания являлся тот самый конфликт между сильной мирской организацией и усиливавшейся на фоне складывания абсолютизма местной бюрократией. Социальный состав восставших был разнообразным, в него входили в первую очередь посадские миры, являвшиеся костяком бунта, крестьянские миры, а также служилые люди «по прибору» — стрельцы и городовые казаки. Главным причиной волнений стало самоуправство воеводы М.Ф. Стрешнева в 1645 г., а также противодействие верхотурскому посаду со стороны преемника Стрешнева — воеводы Б.С. Дворянинова в 1648 г. Однако если воевода Стрешнев действительно нарушал как государственные интересы, так и интересы сословных групп, в результате чего был отстранен от власти в 1647 г., Дворянинов не предпринимал ничего противозаконного против населения Верхотурья, но жесткая политика воеводы, о которой пойдет речь ниже, не устраивала посадское население и служилых людей, полагавших, что его действия нарушают те сословные привилегии, которыми обладали миры. Конкретной целью служилого и посадского населения было сохранение доходов с торговли, крестьяне в свою очередь опасались новых разорительных поборов, которые в их представлении могли бы повторить политику Стрешнева. Примечателен еще и тот факт, что в смещении

воеводы главную роль заняла его же администрация, а посадом был «назначен» в воеводы подьячий Дворянинова — И.И. Недовесков.

Вступивший в должность верхотурского воеводы в 1644 г., Максим Федорович Стрешнев был выходцем из влиятельного дворянского рода, к которому принадлежала супруга царя Михаила Федоровича Романова. Необходимо упомянуть и о том, что на должности воевод уральских и сибирских уездов, как правило, назначались представители крупных боярских и дворянских родов, само по себе назначение считалось почетным. Связано это было с тем, что воеводам приходилось заниматься регулированием общественных отношений в отдаленных от Москвы регионах страны, а для этого был необходим серьезный опыт государственного управления. М.Ф. Стрешнев, пользуясь своим положением и надеясь на полную безнаказанность, по сути сосредоточил всю полноту власти в своих руках, позволяя себе произвол и разграбление местного населения. Об этом свидетельствует ряд челобитных, датированных 1645–1647 гг. Среди них примечательна челобитная, авторство которой принадлежит попу Троицкого собора Василию Савину [3, с. 259].

Савин пишет о том, что воевода Стрешнев предоставил контроль за уездными пашенными крестьянами своим сыновьям, которые вместо этого стали заниматься пьяными разгулами, избиением приказчиков и крестьян и взиманием многочисленных поборов. Помимо этого, взимаемое с крестьян зерно отчислялось в адрес воеводы, объем тяглого положения крестьян зависел от получаемых взяток. Стрешнев поставил под контроль и крестьянские миры, заменив мирские выборы целовальников на воеводские назначения. Крестьянские общины не могли контролировать приход и расход денежных сумм. В самом Верхотурье воевода взимал особый «сбор», с провозимых товаров взysкивалось по 4–6 рублей с каждой сотни рублей. Тех, кто отказывался платить, сажали в тюрьму. Таким образом, Стрешнев повышал ставку таможенного сбора, демонстрируя центральной власти, что ему удалось повысить фискальную доходность. На деле часть собранных денег шла в Москву, а часть непосредственно присваивал себе воевода. Государеву грамоту, выданную таможенному голове К. Гоголину, Стрешнев объявил поддельной. В конце концов, в Москву была отправлена изветная челобитная за авторством подьячего Ф. Постникова, обвинявшего Стрешнева в расправе над ним [4, л. 257]. В то же время верхотурский мир поддержал подьячего и не допустил

его убийства. В апреле 1646 г. в Верхотурье прибыл новый тобольский воевода И.И. Салтыков, которому было поручено произвести сыск о деятельности воеводы. Преступления Стрешнева были выявлены, однако сам воевода начал препятствовать высылке себя и своей семьи в Туринск, а затем в съезжей избе оскорбил Салтыкова, обвинив его в предоставлении подложных государевых грамот [3, с. 263]. Данный эпизод также свидетельствует о местническом конфликте между двумя представителями аристократических родов. Вскоре Салтыков покинул Верхотурье и отправился на свой пост в Тобольск, в надежде затем завершить правосудие над Стрешневым за свое оскорбление. Тем временем Стрешнев спровоцировал слух о поджоге Верхотурья людьми Салтыкова и попытался составить челобитные о «самоуправстве» тобольского воеводы, а также об оставлении себя на следующий срок воеводства. Однако это только усугубило ситуацию, поскольку против воеводы начались отдельные выступления городских казаков и Верхотурского посада. Тем не менее Стрешнев был смещен со своего поста мирным путем при содействии тобольского воеводы и отправлен в Москву. Однако ему удалось добиться назначения на должность верхотурского воеводы своего шурина, Б.С. Дворянинова. В полной мере Стрешнев не был наказан, что было связано с нежеланием начальника Сибирского приказа А.Н. Трубецкого, в это время не пользовавшегося при дворе влиянием, обострять конфликт с представителем сильного дворянского клана [3, с. 265]. Более того, новый воевода, вступивший в должность, воспрепятствовал проведению сыска по жалобе Салтыкова на Стрешнева [4, л. 408]. Дворянину было сделано лишь замечание, а сыск был передан другому воеводе. Разбор дела Стрешнева явно затягивался, что имело очень серьезные последствия для обстановки в Верхотурье.

К осени 1648 г. обстановка в Верхотурье обострилась. До уральских городов дошли вести о восстании в Москве — Соляном бунте, в это же время происходило восстание и в Томске. Новый воевода Б.С. Дворянинов начал проводить достаточно жесткую экономическую политику. Он затронул одну из важнейших статей дохода служилых людей — торговлю с коренным населением Урала, запретив до сбора ясака продажу товаров на территориях проживания коренного населения. Данное решение укрепляло фискальные интересы казны, но подрывало экономическое благосостояние служилых людей. Также воевода взыскивал недоимки с местного населения за недобор

государственных таможенных пошлин. В то же время Дворянинов не был политически гибким — то есть не был готов идти на уступки местному посаду в случае возмущения посадских миров. Он оказался не готов к сложившейся на момент октября 1648 г. ситуации в Верхотурье. Тем временем волна восстаний 1648 г. по всей России только подогревала недовольство местного посада решениями воеводы. Даже представители верхотурского городского управления рассматривали возможность смещения Дворянинова с поста воеводы. В конце концов предлог для смещения воеводы был найден. В середине октября 1648 г. беглый крестьянин М. Кабаков во время допроса назвал воеводу «государем-царем Борисом Семеновичем» [3, с. 133]. Согласно существовавшей государственно-правовой практике, обращение «царь-государь» не в адрес носителя верховной власти, а в отношении любого царского подданного, считалось оскорблением самодержца и преступлением политического характера. Вероятно, Дворянинов не обратил внимания на данное обращение, поскольку крестьянин Кабаков не был дополнительно наказан за свои слова. Однако уставшее от воеводского засилья население Верхотурья крайне болезненно отреагировало на это «молчаливое согласие». Этой ситуацией воспользовался подьячий Иван Недовесков, который, заручившись поддержкой городских казаков, подал таможенному голове Федору Дрягину челобитную с изложением происшествия, связанного с крестьянином Кабаковым. Данная челобитная была послана тобольскому воеводе И.И. Салтыкову, и таким образом Недовесков попытался оградить себя от возможного наказания за умолчание прозвучавших в приказной избе слов из уст Кабакова. 20 октября 1648 г. делегация от служилых и посадских людей Верхотурья, а также староста подгородных крестьян явились на воеводский двор и, по сути, отстранили Дворянинова от власти, забрав у него городские ключи. Воеводе было запрещено какое-либо взаимоотношение с Москвой и тобольским воеводой до того момента, пока Недовесков и Дрягин не добьются отстранения Дворянинова Сибирским приказом в Москве. На подступах к Верхотурью были установлены заставы, а воеводский двор контролировали вооруженные караулы. Федор Дрягин, в руках которого находилась таможенная печать, скреплял ею всю административную переписку, которая шла от его имени, таким образом контролируя всю административную документацию Верхотурья. Можно сказать, что Верхотурское восстание прошло бескровным путем, ограничившись лишь

смещением воеводы и заключением его под стражу. Однако, так или иначе, это был бунт, поскольку законный представитель государственной власти был смещен, в городе было установлено двоевластие. 22 октября 1648 г. в Троицкой церкви Недовесков был провозглашен воеводой. Вскоре после этого в Москву была отправлена делегация во главе с Недовесковым, которая имела при себе общегородскую челобитную. Целью этой делегации было добиться от Сибирского приказа отстранения Дворянинова на должность воеводы и назначение воеводой Недовескова, устраивавшего Верхотурский «мир».

В декабре 1648 г. делегация во главе с Недовесковым прибыла в Москву. Дело о верхотурском восстании рассматривалось около месяца. Сибирский приказ крайне серьезно отнесся к данной ситуации, поскольку смещение воеводы мирами, а также требование утвердить нового воеводу из своей среды, являлось бунтом, выходящим за рамки не только государственного права, но и мирских традиций. В конце концов в вину жителям Верхотурья было поставлено то, что повод к смещению воеводы не был правомерным, поскольку «изветные слова» на пытках произносили достаточно часто, включая допросы преступников и в самой Москве. Как правило, они не принимались в расчет в большинстве случаев. Недовесков был обвинен в разжигании восстания, а таможенный голова Федор Дрягин — в раскрытии содержания административной переписки верхотурскому «миру». 22 января 1649 г. новому тобольскому воеводе В.Б. Шереметеву было предписано наказать Недовескова и Дрягина кнутом на «козле», а из мирских сообществ служилых и посадских людей выбрать по три человека и наказать их также кнутом на торговой площади Верхотурья [3, с. 269]. Однако и Дворянинов был снят с должности воеводы, а на его место поставлен Р.Р. Всеволожский. Дворянину предписывалось отписать, что именно кричал крестьянин Кабаков, а также сдать город и отчитаться перед новым воеводой Всеволожским. Необходимо отметить и то, что верхотурское население сопротивлялось наказанию Недовескова, однако наказание было реализовано. Судьба Дворянинова оказалась трагической, известно, что бывший воевода скончался в том же 1649 г. в Верхотурье [5].

Подводя общий итог исследования, необходимо сказать о том, что главной особенностью социально-политических выступлений на Урале в XVII в. был конфликт между сильными мирами и формирующейся на фоне абсолютизма бюрократии в виде воеводского аппарата

управления. Укрепление царской власти на местах приводило к обострению взаимоотношений между местным населением и воеводой, перераставшим в восстания. Верхотурское восстание 1648 г. стало примером того, насколько далеко может зайти противостояние между мирскими организациями и воеводским аппаратом управления, поставив перед государством цель — превращение миров лишь в исполнительные органы и ограничение земского самоуправления на местах.

Библиографический список

1. Ляпин Д.А. *Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века* / Д.А. Ляпин. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. — 336 с.
2. Аракчеев В.А. *Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках* / В.А. Аракчеев. — Псков, 2004. — 360 с.
3. Александров В.А., Покровский Н.Н. *Власть и общество. Сибирь в XVII в.* / В.А. Александров, Н.Н. Покровский. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 400 с.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.
5. *Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи / Предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской.* — М., Наука. 1987. — С. 156.

A.S.Zakharov

Features of the Socio-Political Struggle in the Urals in the Mid-17 Century on the Example of the Verkhotursky Uprising

Abstract. *The article examines the specifics of the uprisings in the Urals in the 17th century using the example of the Verkhoturye uprising of 1648. The main events that occurred during the Verkhoturye riot are presented. The uprising is divided into three stages as conflict arises and ends. The causes of conflicts between the voivodship authorities and lay organizations and the consequences of these phenomena are analyzed.*

Keywords: *M.F. Streshnev, B.S. Dvoryaninov, worlds, governors, investigations.*

Zakharov Alexander Sergeevich, student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: altdedy17@yandex.ru.

ЖЕНЩИНА В СИСТЕМЕ УРАЛЬСКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО ВЕДОМСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена вопросу женского мира в период первой половины XVIII века на Урале. С помощью архивных документов выявляются имена, занятия и социальный статус женщины, раскрывается вопрос быта и профессиональной деятельности.*

Ключевые слова: *история повседневности, источниковедение, роль женщины, Урал, XVIII век.*

Одним из актуальных исторических направлений является история повседневности, которая занимается исследованием жизненного мира человека разных эпох. Особый интерес вызывает мир женщины — по сравнению с мужчинами их повседневность в источниках вплоть до XIX в. отражена слабо. Характерно это и для горнозаводской истории, где богато представлена деятельность мужчин — мастеровых и рабочих людей, командиров и управителей, учителей, но значительно реже встречаются какие-либо сведения о женщинах.

Статья посвящена изучению места женщины в системе горнозаводского ведомства на Урале в первой половине XVIII века. В работе рассматриваются вопросы статуса женщины, ее досуга, быта. Также анализируются такие аспекты, как имена, основные виды деятельности и социальный статус. Вопрос о положении женщины остается актуальным на настоящий момент, так как до сих пор обстоятельно не был изучен вопрос их статуса, это малоизученная область. В основном это обусловлено тем, что в делопроизводстве очень редко фиксировалась какая-либо информация о женском населении.

Как уже было отмечено, ранее вопрос положения женщины не был рассмотрен достаточно глубоко. Основная причина этого заключается в том, что информация о женщинах является скудной, ее чрезвычайно сложно найти и необходимо собирать по крупицам

¹ Злобарова Екатерина Вячеславовна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студент 4 курса; e-mail: ekaterinazlobareva@mail.ru.

из разных источников. В основном в документах отражение находила информация, которая касалась только мужчин. Тем не менее, сведения о женском мире первой половины XVIII века имеются.

Если говорить о том, из каких архивных источников мы можем получить сведения о женщинах и их повседневности, то здесь можно выделить несколько групп:

- документы официального делопроизводства (здесь женщины упоминаются либо как работницы, либо выступают фигурантами различных разбирательств, например, по «блудному воровству», вследствие межличностных конфликтов и иных административных, уголовных происшествий);
- материалы переписей (заводские, подворные) — количественные данные;
- описи имущества.

Основными источниками по обозначенному вопросу послужили официальные документы — горнозаводские и подворные переписи, описи имущества, распорядительные документы, разного рода прошения. Из этих документов получаем данные — имена, занятия, социальный статус. Первый аспект позволяет выявить, какие женские имена были в обиходе, их частотность. Следующий аспект — занятия, то есть деятельность женщин в системе уральского горнозаводского ведомства — их обязанности, какой вклад они вносили в отрасль, в чем заключалась их роль. И последний пункт — социальный статус, который показывает место женщины в системе в период первой половины XVIII века.

Женский мир очень отличался от мужского. Ко многому из того, что было доступно мужчинам, женщины доступа не имели. Например, они не могли быть задействованы в государственной службе — не служили, не имели чинов. Несмотря на то что доступ к службе для женщин был закрыт, все же они получали права, связанные с чинами отцов либо мужей — «все замужные жены поступают в рангах, по чинам мужей их. И когда они тому противно поступят, то имеют они штраф заплатить такой же, как бы должен платить муж ее был за свое преступление» [3, с. 490].

В начале XVIII века уже вели переписи населения, где женщины не упоминаются совсем — «все население Екатеринбурга, включая управителей и подьячих, заводских работников и новопоселенцев <...> не многим превышало пять сотен» [2, с. 11]. Однако в доку-

менте от 1728 г. уже имеются сведения о численности женской половины населения — в городе проживало 979 женщин всех возрастов, а за городом — 305. Также есть информация об изменении численности женщин за период 1728–1744 гг. В 1728 г. была проведена перепись и мужского, и женского населения завода-крепости, где число женщин составляло 1287 человек при общей численности 2837 [1, с. 769]. В источниках имеется информация о женщинах того периода и их деятельности. Здесь мы находим сведения о первой женщине-купчихе, которая начала играть самостоятельную роль в обществе. Речь идет о Степаниде Переваловой, вдове умершего питейного откупщика Петра Григорьевича Перевалова. Степанида отказалась передать права на откуп свекру и завела тяжбу [2, с. 22]. Она забрала все имущество и доходы мужа, а не только четвертую часть, которая как раз ей и причиталась. Степанида Петровна вышла замуж за Панфила Кирилловича Алексева, который благодаря супруге стал довольно богатым человеком [5, с. 124]. Другие интересные случаи являют судьбы внучки церковного старосты, Мингалева, и его младшей дочери — Евдокии. Первая в 14 лет осталась без родителей, имела три дома, на которые строили планы дядья, но девушка, видя их замыслы, быстро вышла замуж за посадского человека [2, с. 46]. Дочь же Мингалева смогла отсудить лавку отца у отчима [2, с. 46–47].

Интересна и сфера профессиональной деятельности женщин в первой половине XVIII века. Они не могли поступать на государственную службу, но тем не менее могли заниматься другими работами. Например, «в госпитале хозяйственные и санитарские обязанности выполняли двое колодников и сторож с женой» [2, с. 44–45]. В это время уже работали медицинские сестры, обязанности которых сводились к следующему: «...ходить во всех службах около больных; 2) топить и чистить палаты больных; 3) помогать бабам в приноске и грелке воды» [2, с. 44–45]. Несмотря на то что женщины работали в госпиталях, пользоваться медицинскими услугами им не разрешалось, «лечению подлежали только лица заводской команды». Это, как можно отметить, уже третье ограничение в отношении женщин наряду с запретом на государственную службу и отсутствие учета в общей численности населения. Применительно к теме работы женщин в госпитале интересен документ 1734 г., где можем увидеть численность женщин и их имена [7]. Женщины довольно редко встречаются в списках заводских работников. Например, в 1734 г. в описи

служащих Екатеринбургa, где общее число составило 900 человек, зафиксированы только три женских имени — это были работницы екатеринбургского госпиталя.

Благодаря документу 1733 г. становится возможным узнать имена уральских женщин. Например, список жен мастеровых людей, временно занятых в заводских работах в мае 1733 г. демонстрирует самые популярные женские имена этого периода — Парасковья (Прасковья), Ульяна, Дарья, Акулина, Арина, Анна, Евдокия, Настасья, Матрона, Екатерина. Встречаются и довольно редкие (в основном греческого происхождения) — Опросинья, Офимья, Ненила, Домна [7].

Для более детального и предметного погружения в женский мир были рассмотрены такие документы, как описи имущества, с помощью которых можно увидеть мир вещей. Так, например, в описях имущества, где опять-таки мы находим список преимущественно мужских вещей, временами встречаются сведения о женских предметах быта, в частности об одежде и занятиях — шитье, вышивании, уходе за детьми. Из описей имущества получаем информацию, например, о женской одежде — рубашки льняные, шубка камчатая, юбка камчатая, чулки шелковые, платья, рукавицы, косынки, начельники, душегрейки, чепец, шляпка, подубрусник. Данные сведения были получены из описей имущества трех горных служителей — М.Я. Вистицкого [6] и И. Гейнша [4, с. 318–319]. Это дает представление о моде того времени, как женщины одевались.

Несмотря на то, что сведения о женщинах первой половины XVIII века являются довольно редкими и обрывочными, все же удастся немного пролить свет на их жизнь — имена, статус, занятия, одежду и т. д. Если говорить о роли женщины, то в основном на их плечах лежало домашнее хозяйство и воспитание детей, однако с течением времени их положение постепенно изменяется — женщин привлекают к заводским и медицинским работам.

Библиографический список

1. **Бородина Е.В., Цеменкова С.И.** *Источники учета населения раннего Екатеринбургa: особенности и информационный потенциал / Елена Бородина, Светлана Цеменкова // Quaestio Rossica. — 2023. — Т. 11. — № 3. — С. 759–775.*
2. **Корепанов Н.С.** *В раннем Екатеринбургe / Николай Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2006. — 95 с.*

3. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. VI. 1720–1722 гг. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 486–493. — 3890. — 24.01.1722.

4. Сафронова А.М. Описи имущества учителей екатеринбургских школ XVIII в.: публикация документов / А.М. Сафронова // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. трудов. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2016. — С. 318–319.

5. Цеменкова С.И., Черноухов А.В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биогр. справочник / С.И. Цеменкова, А.В. Черноухов. — СПб. : Алетейя, 2022. — 446 с.

6. ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 37. Л. 150–153.

7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 532. Л. 20.

E.V. Zlobareva

A Woman in the System of the Ural Mining Department in the First Half of the 18th Century

Abstract. The article is devoted to the issue of women's peace during the first half of the 18th century in the Urals. With the help of archival documents, the names, occupations and social status of women are revealed, and the issue of everyday life and professional activities is revealed.

Keywords: history of everyday life, source study, the role of women, the Urals, 18th century.

Zlobareva Ekaterina Vyacheslavovna, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), 4th year student;

e-mail: ekaterinazlobareva@mail.ru

УДК 94(470.5):913

К.И. ЗУБКОВ¹

УРАЛ В АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Аннотация. В статье анализируются значение и место, которые Урал занимал в антропогеографической концепции выдающегося русского географа В.П. Семенова-Тян-Шанского. На основе природно-географического детерминизма эта концепция не только объясняла закономерный характер становления горнозаводского Урала, но и намечала будущий образ и многообещающую перспективную роль региона в территориальной структуре России.

Ключевые слова: Россия, Урал, антропогеография, В.П. Семенов-Тян-Шанский, азональность, горнозаводский тип заселения.

Выдающийся русский географ Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942), сын своего не менее известного отца — корифея отечественной географической науки П.П. Семенова-Тян-Шанского, удачно сочетал в себе таланты скрупулезного исследователя-эмпирика и глубокого теоретика. Его по праву можно считать одним из последних энциклопедистов русской науки конца XIX – начала XX в. Он не только прекрасно разбирался в разных отделах географии, но и обладал впечатляюще глубокими познаниями в области экономики, статистики, истории, биологии, искусствоведения. Многогранность научных интересов, широта взглядов и глубокий историзм в понимании содержания географической науки сделали В.П. Семенова-Тян-Шанского одним из ведущих теоретиков возникшего в рамках этой науки антропогеографического направления. В отличие от традиционно понимаемого предмета географии, антропогеография переносила главный фокус исследований на взаимодействие человека с географической средой, рассматривая его историю сквозь призму пространственного распространения человеческой культуры и освоения ею разнообразных комплексов природных условий. Стремясь максимально сблизить географию с историей, сторон-

¹ Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), ведущий научный сотрудник, заведующий центром методологии и историографии; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

ники антропогеографического подхода были нацелены на изучение, с одной стороны, все более возрастающего преобразующего воздействия человека на земную поверхность и формирования на этой основе громадного разнообразия природно-культурных ландшафтов, а с другой — сложного процесса адаптации человека к различным природным условиям и возникающих вследствие этого различных видов зависимости форм и направлений исторического развития от природно-географических факторов.

Введение в научный оборот термина «антропогеография», как и обоснование задач нового научного направления, принадлежит немецкому географу и этнологу Фридриху Ратцелю [1, с. 57–60], осуществившему грандиозную работу по исследованию влияния отдельных природно-географических факторов на распределение и переселение человеческих коллективов, на их материальную и духовную культуру. Принимая сложный характер исторической причинности, русские последователи нового направления (В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.А. Крубер, Л.Д. Сеницкий и др.) были солидарны с Ратцелем в неприятии вульгарного географического детерминизма при объяснении социально-исторических явлений. Как и его коллеги, Семенов-Тянь-Шанский рассматривал влияние географической среды на человеческую историю как очень сложное, по преимуществу косвенное, опосредованное множеством передаточных звеньев детерминации и преломляющееся через человеческую психологию, но тем не менее вполне определенное. Согласно его взглядам, география продолжает незримо влиять на историческое развитие даже на высших ступенях человеческой культуры, но это влияние скорее предстает в виде многообразных и эластичных зависимостей человека от среды его обитания — таких зависимостей, которые не столько диктуют поведение людей, сколько подталкивают их к определенному выбору действий, формируют наиболее вероятную тенденцию развития. В своей статье, посвященной задачам географии как науки, Семенов-Тянь-Шанский, обосновывая антропогеографический подход, фиксирует отдельные виды взаимодействия человека с каждым из природных факторов (суша и человек, вода и человек, растения и человек и т.п.), в фокусном пересечении которых формируется глубинная природная обусловленность ходе человеческой истории [2, с. 477]. В некоторых аспектах Семенов-Тянь-Шанский пошел дальше Ратцеля, обратившись к антропогеографической интерпретации не только социальных и политических отношений, но и экономических

процессов, чья зависимость от природных факторов в ряде случаев приобретала характер отчетливых «закономерностей» (т.е. закономерностей). Эти закономерности, по мнению ученого, проявляются не столько на уровне отдельных явлений, сколько призваны объяснять массовые исторические тенденции и потому неизбежно несут на себе печать определенной формализации.

В своих исследованиях, посвященных географии России, Семенов-Тянь-Шанский большое внимание уделял Уралу — как узловому району российского пространства, в котором раннее индустриальное развитие было неразрывно связано, по мнению ученого, с его природно-географическими особенностями. Определяющий факт географии Урала состоял в наблюдаемой здесь резкой расчлененности рельефа, своего рода моменте прерывности в монотонной протяженности обширных равнинных пространств Евразии. Согласно концепции Семенова-Тянь-Шанского, резкие нарушения монотонного и исторически инерционного характера экономической деятельности, основанной на использовании поверхностных богатств Земли, есть следствие «известного нарушения в строении земной коры» — перехода от равнины к горной системе, от одной среды к другой (морские побережья или берега крупных рек), от одной зоны к другой (от леса к степи, от степи к пустыне) или, наконец, резкой смены климата (а с ними характера почв и растительного покрова) [3, с. 140–141]. Такие районы переходов, называемые аazonальными, становятся наиболее интенсивно развивающимися местностями, которые более свободны от наличных естественных условий территории и вызваны к жизни более высокими потребностями населения, более глубоким и сложным характером использования природных ресурсов (например, преобладанием использования недр над освоением поверхности земли). На уровне общей закономерности, развитие аazonальных районов становится довольно поздним результатом растущей плотности населения и прогресса культуры данной страны, но в случае Урала рано и резко проявившийся эффект аazonальности скорее выступает проявлением особой, частной закономерности — исключительных богатств его недр и удобства их разработки [3, с. 142].

Семенов-Тянь-Шанский углубляет анализ благоприятствовавших раннему промышленному подъему Урала природно-географических предпосылок, подчеркивая, что проявление аazonального развития здесь многократно усилено тем, что это — старая горная система.

По мнению ученого, этот факт приобретает совершенно особое значение, если в нем видеть не просто деталь географической характеристики региона, но целую цепочку детерминации, образующую что-то вроде определенного «экономогеографического закона». Старые горные системы — это, как правило, местности с нарушенным расположением горных пород (собранных в складки, разломанных, сброшенных и приподнятых и т.п.), поэтому их недра не только более легки для разработки, но по общему правилу — богаче полезными ископаемыми, чем горные системы с ненарушенным напластованием горных пород, лежащих правильными слоями. Богатство это имеет свойство множиться, так как обнаженные выходы на поверхность разных пород усиливают доступ к ним света, воды и воздуха, порождая новые химические составы. Поэтому-то старые, невысокие, разрушенные временем горные страны с гораздо большей вероятностью становятся районами интенсивного горнопромышленного развития, чем, скажем, молодые горные системы, вроде Альп или Тянь-Шаня. Закономерный характер этих зависимостей не только позволяет лучше понять нерасторжимую связь природных и социально-исторических явлений, но и дает основание для широких исторических сравнений. Семенов-Тянь-Шанский отмечает, что возникновение горной промышленности на Урале имеет множество поразительно сходных черт со столь же ранним развитием других горнопромышленных районов, привязанных к старым горным системам, — ряда местностей Средней Германии (Гарц), Аппалачей в США, некоторых частей Бразилии (Минас-Жераис), отчасти и Алтая (по более древним и разрушенным краям этой горной системы) [3, с. 122]. Эти параллели касаются не только хронологии и общей траектории развития этих горнопромышленных районов, но и сходства на уровне отдельных производственных факторов. Например, в старых горных системах перепад высот может создавать реки с сильным течением, но с уже размытым и сглаженным ложем, а потому и с ограниченной силой падения — без «падунов», порогов, водопадов, которые усиливают энергию воды. Поэтому на Урале и в других подобных районах (Средняя Германия) при ранней организации горного дела широко использовалось плотинное строительство [3, с. 132].

Место и значение Урала в территориально-экономической организации российского пространства — еще одна крупная тема, которую затронул Семенов-Тянь-Шанский в своих работах. С опорой на антропогеографический подход он заостряет проблему несовпадения между

той инерцией восприятия и мышления, которая едва ли не веками определяла отношение к Уралу, и теми возможностями развития, которые объективно вытекают из географического положения региона и масштаба его природных богатств. По мнению ученого, умение правильно понимать и брать на вооружение указания географии — это то, что в ближайшее время должно коренным образом изменить судьбу Урала.

Вопреки устоявшимся представлениям об Урале как об одной из восточных, тяготеющих к Азии окраин Российской империи, Семенов-Тянь-Шанский считал, что регион, по основным географическим критериям, всецело принадлежит Европейской России, образуя как бы приподнятый восточный край ее равнинного пространства. Если с Европой Урал связан рядом переходных географических и экономических форм, то его граница с Азией образует резкий обрыв всех основных географических характеристик (что отражается даже в характере речного стока) [4, с. 86, 93]. Особенностью Урала как древней горной системы является меридиональное чередование повышенных и пониженных участков, что делает в одних частях (северной и южной) рубежом, отделяющим Русскую равнину от Западной Сибири, в других (срединная пониженная) — уже «не разъединителем, а, наоборот, соединительным звеном между ними» [3, с. 258]. Если отсечь менее благоприятные для земледелия северо-восточные (тундровые и таежные) и юго-восточные (полупустынные) части Европейской России, то именно в пониженной, котловинной части Среднего Урала клином сходится следующий из Европейской России поток колонизации, чтобы затем, в виде удлинённой проекции, превратиться в клинообразное же продолжение «сгущенной колонизации Сибири», тянущейся до самого Тихого океана. Интенсивность колонизационной динамики в средней части Урала в какой-то степени объясняет ее почти исключительно великорусский облик, в то время как аборигенные «финские» и «турецкие» элементы лучше сохранились в северной и южной частях Урала, соответственно [4, с. 98]. Роль Среднего Урала как своеобразного колонизационного «депо» дополняется тем, что это еще и наиболее богатая рудно-минеральными ресурсами, наиболее удобная для разработки часть Уральской горной страны. Этот факт, как полагал Семенов-Тянь-Шанский, должен совершенно менять представление о месте Урала в территориальной структуре России. По мнению ученого, Урал самой природой предназначен к превращению в узловую, «срединный»

регион, естественно расширяющийся не только за счет постоянного притока колонизационного элемента, но и через экономическое притяжение к нему более бедных в ресурсном отношении и менее экономически оживленных соседних областей. Как следствие, Уралу в ближайшем будущем суждено превратиться в один из «богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение» для страны, а его признанной «столице», Екатеринбург, — в один из «крупнейших и люднейших торгово-промышленных центров всей России», связанных густой сетью путей сообщения с ее основными районами [5, с. IV]. Эта трансформация, однако, согласно Семенову-Тянь-Шанскому, возможна только при коренном изменении общего взгляда на территориально-государственный организм Российской империи и насущные потребности его развития. Прежде всего необходимо было отказаться от искусственного разделения России на Европейскую и Азиатскую части и выделить в качестве значимой «культурно-экономической единицы», во всех отношениях построенной и развиваемой по типу Европейской России, территорию от Волги до Енисея — «Русскую Евразию». В таком ансамбле территорий Урал предстанет в виде своего рода стратегической «оси», способной мощным притяжением хозяйственной жизни объединить вокруг себя соседние области. Такой «восточный сдвиг» всей государственной политики призван был в перспективе максимально сократить гигантский (почти в 3 тыс. км) разрыв между центром населения страны и ее географическим центром. Задачу усиления «срединного» ядра империи ученый полагал одной из главных в обеспечении геополитической устойчивости всего здания российской государственности — как в видах охранения его от внешних угроз, так и с точки зрения лучшей организации в нем экономических процессов [6, с. 441–442].

Возможность ускорить развитие срединных частей государства в этом направлении связана с решением специальной задачи создания на этих территориях колонизационных «культурно-экономических баз», которые мыслятся Семеновым-Тянь-Шанским как сильные своей хозяйственной инициативой и культурой «бойкие» торгово-промышленные районы, способные не просто развиваться, но и как бы «излучать» вовне эффекты своего энергичного развития [6, с. 443]. Среди таких четырех первоочередных баз к востоку от Волги на первом месте стоит Урал, в наибольшей степени обладающий предпосылками ускоренного развития.

Оценке потенциала развития ключевых районов России Семенов-Тянь-Шанский уделял большое внимание в своих статистических исследованиях. Для него статистика — это не только сухая фиксация факта, но и богатейший материал для выводов, обращенных к перспективам развития. С этой точки зрения, Семенова-Тянь-Шанского особенно интересовали показатели численности населения (с соответствующими долями городского и сельского), доли промышленности в общем хозяйственном обороте, размеров торговли и т. п. Примененный ученым показатель «бойкости» городских поселений — это не эпитет, но вполне конкретный качественный показатель экономического развития, исчисляемый как величина локализуемого в данном поселении торгово-промышленного оборота в расчете на душу населения. По характеру урбанизации и особенностям экономического развития Урал (как и сходный с ним по многим характеристикам Донбасс), согласно Семенову-Тянь-Шанскому, воплощает собой особый горнозаводский тип заселения и развития. В его рамках географическое распределение городов почти целиком привязано к естественному богатству и местам разработки полезных ископаемых; оно в существенной степени отражает горно-окружную организацию экономики. Заметное сгущение городской жизни и ее повышенная интенсивность характерны для Среднего Урала, в то время как на севере и юге региона развитие городов значительно слабее. Для определения перспектив развития городов на Урале Семенов-Тянь-Шанский осуществил собственную классификацию городских поселений, в основу которой были положены интервальные значения численности населения: большие города, средние города, малые города, «городки» (фактически поселки). При этом ученый обнаружил значимую корреляцию между размерами городского поселения, структурой их экономики и наиболее вероятными траекториями их эволюции. По данным переписи 1897 г., горнозаводский тип заселения обуславливал на Урале более высокую долю в общей численности городского населения средних (от 10 тыс. до 30 тыс. чел.) и малых (от 5 тыс. до 10 тыс. чел.) городов — 33% и 31%, соответственно. (Крупнейшие города региона — Пермь и Екатеринбург — составляли только 18% всего городского населения). Тесная историческая связь средних и малых городов Урала с заводами делает их довольно людными поселениями (что в целом служит залогом их развития как городов) — при этом во многих средних городах промышленность

к концу XIX в. постепенно утрачивает свою ранее преобладающую роль, а в 5/6 малых городов она еще значительно превосходит торговлю. Судьба малых городов, как правило, находилась в более жесткой зависимости от функционирования местного завода, чем в более крупных поселениях. В то же время «бойкость» экономической жизни основной массы уральских городов, по общему правилу, была ниже, чем в обычных средних и малых городах, выросших из земледельческо-ремесленных сел. Горнозаводское происхождение основной массы уральских городов повлияло на ограниченное значение в их развитии административного фактора; практически неразвитой была также пригородная структура расселения. По одному только признаку людности около 40 городов-заводов Урала, по оценке Семенова-Тянь-Шанского, имело перспективу превращения в настоящие города, однако сковывающими их развитие факторами являлось слабое развитие торгово-распределительных функций и неземледельческих занятий (кроме горнозаводских работ); в то же время ряд поселков на месте закрывшихся горных заводов, не успевая приобрести торгово-промышленной «бойкости», имели тенденцию нисхождению в разряд сельских поселений [7, с. 168–173]. Проведенный Семеновым-Тянь-Шанским статистический анализ развития городов Урала в конце XIX в. до сих пор сохраняет значение ценного исторического источника.

Библиографический список

1. **Ratzel Friedrich.** *Anthropogeographie : in 2 Bänden. Bd. 1 / Friedrich Ratzel.* — Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1909. — XVI. — 400 s.
2. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *Что такое география? / В.П. Семенов-Тянь-Шанский // Известия Императорского Русского географического общества.* — 1915. — Т. LI. — Вып. VIII. — С. 476–477.
3. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *Район и страна / В.П. Семенов-Тянь-Шанский.* — М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. — 311 с.
4. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *Типы местностей Европейской России и Кавказа: очерк по физической географии в связи с антропогеографией / Вениамин Семенов-Тянь-Шанский.* — Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. — VII, [3]. — 114 с.
5. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *Предисловие к пятому тому / В.П. Семенов-Тянь-Шанский // Россия : полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей :*

в 11 т. Т. V: Урал и Приуралье / под ред. В.П. Семенова. — СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. — С. III–IV.

6. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии / В. Семенов-Тянь-Шанский // Известия Императорского Русского географического общества.* — 1915. — Т. LI. — Вып. VIII. — С. 425–457.

7. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** *Город и деревня в Европейской России: Очерк по экон. геогр. с 16 карт. и картогр. / Вениамин Семенов-Тянь-Шанский.* — СПб.: Тип. В.Ф. Киришаума, 1910. — 212 с. — (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. — Т. X. — Вып. 2).

K.I. Zubkov

The Urals in anthropogeographical conception of V.P. Semenov-Tyanshanskiy

Abstract. *The article analyzes the significance and the place the Urals have taken up in the conception of the outstanding Russian geographer V.P. Semenov-Tyanshanskiy. On the basis of natural geographical determinism, this conception not only explained the regularity-based character of shaping the mining and metallurgical Urals, but also outlined the future image and promising prospective role of the region within the territorial structure of Russia.*

Keywords: *Russia, the Urals, anthropogeography, V.P. Semenov-Tyanshanskiy, azonality, mining & metallurgical type of settlement*

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Centre of Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

УРАЛЬСКИЕ ГОРЫ В ТРУДАХ В.Н. ТАТИЩЕВА

Аннотация. В.Н. Татищев впервые обобщил древнюю информацию о географии Московии, составил подробное географическое описание России и Урала и ввел в научный оборот сведения об Урале из Книги Большому чертежу.

Ключевые слова: Татищев, география, Урал, Птолемей, Аралтова гора, Пояс.

Василий Никитович Татищев в 20-е и 30-е годы XVIII века был начальником уральских и сибирских заводов. На этом посту к нему стекалась обширная информация не только технического, но и исторического и географического характера. Географическими исследованиями он начал заниматься еще в 1719 г., когда, по его словам, Петр Великий «изволил быть намерен меня определить... к землемерию всего государства и обстоятельной российской географии с ландкартами» [1, с. 5]. Вначале Татищев обнаружил, что «о русской географии древней я никакого известия не нахожу, где бы что порядочно сказано было» [2, с. 345]. Он настойчиво начал искать географическую информацию в старинных книгах. Он отметил, что «книги немецкого и польского, яко способных мне языков, от древних писателей переведенных собрал, а неколико латинского, французского и татарского прилежал переводить и тако собрал число книг более 1000» [2, с. 89]. Во введении к первому тому «Истории Российской» он привел данные из сообщений Геродота, Страбона, Плиния Старшего. В своей статье «Россия или как ныне зовут Россия» он отметил: «Внутри России гор знаменитых весьма мало, и хотя древние в землеописании клали горы Рифеи, но где точно положить не знали» Видимо же они слышали о Поясе или Урале между Сибирью и Русью» [3, с. 129].

Татищев считал, что между всеми древними писателями «порядочным может почесться Птолемей». В 15-й главе «Сказания Клавдия Александрийского» [2, с. 174–183] введения в «Историю Российскую» Татищев изъясняет некоторые птолемеевские названия гор как частей

¹ Карелин Владислав Георгиевич, кандидат технических наук; ОАО «Научно-исследовательский институт металлургической теплотехники» (ОАО «ВНИИМТ», Екатеринбург), ведущий научный сотрудник; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

Урала. Горы Римнус «по-татарски именуются Киштык, т.е. Гребенные или Счербинные, оттого что сквозь них много гор прошло». А горы Нороси Татищев размещает между реками Яик и Эмбой. Горы Алани (Алри?) Татищев мнил Алтайскими, расположенными между Сибирью и Зюнгор.

Я продолжил изыскания Татищева [4]. В Российской государственной библиотеке в Москве я нашел около десятка томов «Географии...» Птолемея, изданных в XVI–XVII веках. В них Уральский район представлен на карте VII «Азия», на которой изображены горы Римнус и Нороси по соседству с р. Даикс (р. Яик, современная р. Урал) А севернее показаны горы Алани (или Алри). Далее из птолемеевских текстов я выбрал координаты (долгота и широта) надежно идентифицированных пунктов (Лондон, Париж, Рим, Стамбул, Кабул, Тегеран, Самарканд и др.) и сравнил их с современными координатами этих пунктов. В итоге получил два графика зависимостей между птолемеевскими и современными координатами (долгот и широт), описываемых линейными уравнениями. На карте Птолемея горы изображены в виде цепочек маленьких холмиков. Птолемеевские координаты концов этих цепочек я определил по градусной сетке на карте VII «Азия». И по полученным формулам рассчитал соответствующие современные координаты. В итоге получил конкретное положение птолемеевских гор на современной карте. Горный массив Римнус расположился на пространстве Общего Сырта и протянулся на северо-восток до гор, расположенных в большой излучине р. Белой. Таким образом, птолемеевские горы Римнус условно отображают переход через горы Южного Урала по р. Белой. Птолемеевские горы Нороси по широте соответствуют современному хребту Мусоджары, а по долготе распространяются к западу и востоку от последнего. Условно горы Нороси соответствуют Губерлинским горам вдоль широтного участка р. Урал и Казахскому мелкосопочнику, разделяющему бассейны рек Тобола (на севере) и Иргица и Тургая (на юге). То есть птолемеевские горы Нороси имитируют переход через Уральские горы примерно по широте долины р. Сакмары и широтного участка р. Урал. Птолемеевские горы Алани (Алри) по широте располагаются в районе верховьев рек Миасс, Ай, Уй, Урал. А по долготе они несколько смещены в восточном направлении. То есть птолемеевские горы Алани (Алри) имитируют переход через Уральские горы по рекам Ай – Миасс. Таким образом, птолемеевские горные хребты отображали не столько непо-

средственно горные цепи, сколько транспортные пути переходов через Уральский хребет. Птолемей еще не имел представление об Уральском хребте как горной структуре, протянувшейся на большое расстояние с юга на север. Он пользовался записями путешественников, пересекающих Уральские горы и передвигающихся вдоль гор и хребтов, создающих у них представление передвижения вдоль единых горных массивов, которые и отображали в виде горных цепочек.

На карте Птолемея восточный исток р. Ра (современная р. Волга) расположен в горах Гипербораи. Пересчитав птолемеевские координаты этого истока на современные и нанеся их на современную карту, попадаем в район города Перми. И тогда восточный исток р. Ра — это р. Кама. А горы Гипербораи — возвышенный водораздел между бассейнами рек Волги и Северной Двины. Пересчитав птолемеевскую широту северного обреза карты VII «Азия» на современную, получаем, что на этой карте Уральские горы изображены примерно до верховьев рек Вишеры и Печоры.

Татищев разыскал и впервые ввел в научный оборот так называемую «Книгу Большому чертежу (роспись Российского государства, КБЧ): «Токмо книга, именованная Большой чертеж, осталась, и мню, Макарий оную чертеж разумеет. В ней описаны все реки, озера, горы и знатные места с расстоянием, которая начата, мнится при Иоанне 1-ом Великом, а при внуке его Иоанне 2-ом и после при царе Алексее дополнивана... она как для географии русской весьма нужна и полезна, для того я оную изъяснил, пополнил и роспись алфавитную приложил» [2, с. 347]. Ныне, по данным К.Н. Сербиной, известно 37 списков КБЧ [5]. Самый древний из них относится к 60-м годам XVII в. По моим подсчетам, в КБЧ находится 100 географических объектов, расположенных на территории Урала [6, с. 20]. Из них более половины представлены названиями рек (63). В КБЧ пять уральских гор имеют собственные названия. Из них одна (г. Урук в Мугожарах) записана 7 раз. В КБЧ отсутствует топоним Урал. Но четыре раза упоминается ороним «Камень». В КБЧ пять раз упоминается топоним «Аралтова Гора» Из таких текстов трудно определить местонахождение этого оронима. Поэтому неудивительно, что в течение четырех веков исследователи высказывали различные мнения о расположении такой загадочной горы. Татищев считал, что название Аралтова Гора «из татарского Уралтау испорчено». КБЧ впервые была опубликована в 1849 г. О КБЧ писали многие исследователи (Г.И. Спасский, А. Макшеев, Е.В. Ястребов и др.). Все они дружно размещали Арал-

тову Гору по правую (по течению) сторону р. Урал. Я же смею в этом сомневаться. В 1675–1678 гг. Спафарий Н.Г. ездил в Китай в качестве русского посла. По возвращении в Москву он в порядке отчета о посольстве составил несколько описаний, а также изготовил чертеж Сибирского царства от Тобольска до Китая. В одном из своих описаний он записал: «...а от верха Тобол реки от востока на западную сторону потекла река Яик подле Аралтовой Горы, а на низ плывучи Аралтова Гора на левой руке» [7]. Мнение Спафария противоречит высказываниям всех других исследователей. Разгадку удалось найти в трудах С. Ремезова. Он в своих чертежах (картах) неоднократно показывал топоним Аралтова Гора в верховьях рек Еик и Тобол. Мой анализ показал, что Аралтова Гора представляет собой Урало-Тобольский низкогорный водораздельный участок с изгибом, продолжающимся далее на восток. Именно этот участок в XVII веке Татищев рассматривал как продолжение Камня (Уральского хребта). Со временем понятие Уральский хребет распространилось и на более южные пространства, а ороним Аралтова Гора был забыт (подробности см. [8, с. 59–63]).

Татищев неоднократно отмечал, что «Татары именуют их [горы] Урал, что на русском языке означает “пояс”. Начало этих гор, ежель правда, полагают от Ледяного моря... между рек Оби и Печеры» [3, с. 156]. Название «Уральские горы» Татищев несомненно усвоил из документов, приходящих к нему во время службы на посту начальника уральских заводов. Откуда же он заимствовал термин «пояс»? Думается, что он взял его из книги С. Герберштейна «Записки о Московии», изданной в 1549 г. [8]. Такая книга числится в его личной библиотеке. В этой книге приведен «Югорский дорожник» («Путь к Печере, Югре и до самой реки Обь»), в котором десять раз фигурирует слово «Пояс», например: «Истоки же Усы находятся на горе Земной Пояс, лежащей налево от северо-востока»; «От устья Щугора вверх по реке до Пояса Камени и Большого Пояса три недели пути»; «Горы вокруг Печоры называются Земной Пояс, т.е. “Пояс Мира или Земли”, ибо роуасс по-русски означает “Пояс” и др. На карте, приложенной к книге, горы эти зафиксированы в форме — *Montes digti cingulus terrae* (Горы называемые пояс земли), где *cingulus* — пояс. Автор-изготовитель этой карты Августин Хиршфогель сделал надпись о том, что эту карту он «получил случайно» и только «обработал» ее «насколько это было возможно». Вероятно, прототипом карты Хиршфогеля была русская карта Московии, изготовленная в России, на которую Хиршфогель дополнительно

нанес топонимы, заимствованные из Югорского дорожника. Европейские картографы (Мюнстер, Меркатор, Сансон и др.) долгое время на своих картах Московии наносили топонимы с этим броским термином *Roÿassa* (Пояс). Гумбольдт слово «пояс» выводил из тюрко-язычного уралмак — опоясывать, перевязывать кругом [9]. Конкашпаев Г., принимая за основу глагол уралмак, придавал ему значение опоясывающий, огораживающий [10]. Бахтиев Ш. уточнил — «опоясывающаяся» гора или «пояс-гора» [11]. Все эти пояснения неубедительны, что позволило Матвееву А. оценить весьма пессимистично конечную ситуацию: «вопрос до конца так и не решен» [12].

Я подошел к решению проблемы термина «Пояс» с иной позиции. Впервые «Пояс» был зафиксирован в русском «Дорожнике». Русские землепроходцы скорее всего усвоили это слово от своих проводников, жителей Северного Заволочья — финнов или вепсов, в словарях которых имеются слова: в вепском языке — *rohjost* (северный); в финском языке — *rohja* (север) и *rohjais* (северный). Слова эти близки к русскому «пояс». Но вот только в них лишняя согласная буква *h* (*x*). Объяснение нашлось в докторской диссертации И.И. Муллонен [13], которая показала, что с научной лингвистической точки зрения прафино-угорская буква *h* при переходе в северорусский говор при произношении исчезает (такое явление называют «ноль звука»). Тогда финское *rohjais* в русском языке воспринимается как *rojais* (пояс), имея значение «северный». Таким образом, русские ратники название горы воспринимали как Пояс — Гора (северная гора) по созвучию. Этот топоним попал в русский «Дорожник», откуда был заимствован на карту Хиршфогеля и почти полтора века фиксировался на европейских картах Московии.

В завершение отмечу, что на современных географических картах Урала как реликтовые сохранились два оронима «Поясовый хребет»: один, длиной около 200 км, к северу от р. Визжай; второй, длиной около 50 км, на широте горы Денежкин Камень.

Библиографический список

1. Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по географии России / А.И. Андреев // В.Н. Татищев. Избранные труды по географии России. — М.: Гос. Изд-во географической литературы, 1950. — С. 3–34.
2. Татищев В.Н. Собрание сочинений : В 8 т. Том 1. История Российской империи. Часть первая / В.Н. Татищев. — М.: 1994. — 500 с.

3. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России / В.Н. Татищев. — М.: 1950. — 251 с.
4. Карелин В.Г. Урал на картах Птолемея / В.Г. Карелин // Уральский следопыт. — 2013. — № 6. — С. 40–44.
5. Книга Большому чертежу : [Памятник 17 в.] / ред. К.Н. Сербина. — М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. — 232 с.
6. Карелин В.Г. Уральские горы: Познание и наименование : в 2 т. Т. 1 : Познание / В.Г. Карелин. — Екатеринбург, 2019. — 324 с.
7. Спафарий-Милеску Н.Г. Сибирь и Китай / Николай Милеску Спафарий ; Сост. В. Соловьев и А. Кидель. — Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1960. — 514 с.
8. Герберштейн С. Записки о Московии / Сигизмунд фон Герберштейн. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 430 с.
9. Гумбольдт А. Центральная Азия : Исслед. о цепях гор и по сравнительной климатологии / А.Ф. Гумбольдт; Пер. с фр. П.И. Бородзича. — М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1915. — 350 с.
10. Конкашпаев Г. По поводу названия Урал / Г. Конкашпаев // Вопросы топониматики. — 1971. — № 5. — С. 73–75.
11. Бахтиев Ш.З. По поводу названия Урал / Ш.З. Бахтиев // Вопросы топониматики. — 1974. — № 8–9. — С. 47–50.
12. Матвеев А.К. Вершины Каменного пояса: Названия гор Урала / А.К. Матвеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. — 288 с.
13. Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования / И.И. Муллонен. — Петрозаводск, 2000. — 352 с.

V.G. Karelin

The Ural Mountains in Proceedings of V.N. Tatishchev

Abstract. V.N. Tatishchev was the first to summarize ancient information about the geography of Muscovy, compiled a detailed geographical description of Russia and the Urals, and introduced into scientific circulation information about the Urals from the Book of the Big Drawing.

Keywords: Tatishchev, geography, Ural, Ptolemy, Araltova mountain, belt Karelin Vladislav Georg, Candidate of Sciences in Technology, leading researcher, Research Institute of metallurgical heat engineering, Ekaterinburg; e-mail: karelin@lab62.vniimt.ru.

УДК 94(47).081 = 94(47).082

А.Н. КАРФИДОВ¹

НЕВЬЯНСК ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Аннотация. В статье рассмотрены автобиографические произведения писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, в которых описывается его пребывание в Невьянском заводе, посещение Наклонной башни, заводской конторы, Гостиного двора, встречи с местными жителями. В этих произведениях, в частности, в очерке «Самоцветы», писатель отметил особенности, отличающие старинный Невьянский завод от других заводских поселений Урала.

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, очерк «Самоцветы», Невьянский завод.

Имя уральского писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, 170 лет со дня рождения которого исполнилось в 2022 году, безусловно, известно всем любителям литературы и истории Урала.

В своих произведениях Дмитрий Наркисович изобразил промышленный, купеческий и мастеровой Урал таким, каким увидел его сам, а вслед за ним узнали в конце XIX века и российские читатели.

Конечно же, нам, жителям Невьянска, интересен взгляд писателя на современный ему Невьянский заводской поселок. Каким Д.Н. Мамин-Сибиряк увидел старинный демидовский завод?

Невьянску посвящено несколько автобиографических произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В частности, в очерке «Отрезанный ломоть» из сборника воспоминаний «Из далекого прошлого» Дмитрий Наркисович вспоминает свою отроческую поездку из Висима в Екатеринбург для поступления в местное духовное училище.

Четырнадцатилетний подросток отправился в горнозаводской центр Урала на подводе знакомого родителей Терентия Никитича. Время действия произведения — 1866 год. Горнозаводская железная дорога будет построена и пущена в эксплуатацию лишь в 1878 году, поэтому путешественники ехали на гужевом транспорте по главному

¹ Карфидов Алексей Николаевич, старший научный сотрудник, ГАУК СО Невьянский государственный историко-архитектурный музей (Невьянск, Россия); e-mail: metodic@museumnev.ru.

тракту, проложенному от старинного центра Урала — Верхотурья до его нового центра — Екатеринбурга.

В Невьянском заводе на постоялом дворе остановились на ночлег, а утром отправились дальше. Тогда Невьянск подростку почти не запомнился: «я плохо помню, как мы добрались до него. Меня охватила мертвая дремота, и я, как сквозь сон, слышал мерные и гулкие удары церковного колокола. Был праздник Успенья...» [1, с. 32].

Упоминается Невьянск в путевых очерках «От Урала до Москвы», впервые опубликованных в начале 1880-х годов в газете «Русские ведомости». Правда, в них писатель больше описывает историю Невьянского завода и деятельность знаменитых промышленников Демидовых, чем свои непосредственные впечатления от посещения старинного завода.

Интересна характеристика, данная хозяину «горного ведомства» Акинфию Демидову, в которой писатель сравнивает деловые качества заводовладельца и царя-реформатора Петра Первого, отмечая роль Акинфия Никитича в освоении уральских горных богатств: «это был alter ego царя-работника... оба работали до кровавого пота... не знали границ своим замыслам...» [2, с. 270].

В большей степени свои навыки ученого-исследователя Д.Н. Мамин-Сибиряк смог проявить в очерке «Кризис уральской горнопромышленности», опубликованном в 1886 году в газете «Екатеринбургская неделя». В нем дана характеристика современного писателю состояния невьянской промышленности в сопоставлении с демидовской эпохой, и рассмотрены причины произошедшего спада металлургического производства, начавшегося еще в середине XIX века [3, с. 2].

Более подробное описание Невьянского завода приведено в очерке «Самоцветы», впервые опубликованном в 1890 году в журнале «Русская мысль».

По эмоциональности и точности зарисовок это произведение Дмитрия Наркисовича может поспорить с путевыми впечатлениями, изданными под названием «Кама и Урал», знаменитого писателя и путешественника того времени В.И. Немировича-Данченко, посетившего уральский край незадолго до Д.Н. Мамина-Сибиряка.

В очерке «Самоцветы» описывается поездка Д.Н. Мамина-Сибиряка по железной дороге из Екатеринбурга в Невьянск и далее по тракту в село Мурзинка, известное своим месторождением драгоценных камней. Дата путешествия — конец 1880-х годов. Писателя

сопровождал «Василий Васильич, хороший знакомый из мелких золотопромышленников» [4, с. 247].

При подъезде к Невьянску внимание путешественников привлекли «золотые промыслы, золотопромывательные машины, глубокие выработки, отвалы промытых песков, и вообще полная картина местности, охваченной золотою лихорадкой. Невьянск является центром этой лихорадки» [4, с. 251].

Затем в окно поезда показался Невьянский завод, «красиво пестреющий на солнце своими белыми каменными домами, зелеными железными крышами и богатыми церквями» [4, с. 254].

На станции Невьянск путешественники взяли извозчика. По Вокзальной улице, ведущей в центр заводского поселка, они «на маленькой тележке весело покатали в Невьянск... выехали на главную площадь, где стоял старинный гостинный двор и ряды мелких деревянных лавочек...

“Пробойный народ — эти невянцы! — повторял Василий Васильич, когда мы проходили мимо торговых рядов, — кто сундуки делает, кто железные вещи, кто иконы пишет” [4, с. 255].

Д.Н. Мамин-Сибиряк стал очевидцем крупных перемен, происходивших тогда в жизни Невьянска. Metallургическое производство, которым издавна славился старинный демидовский завод, пережило спад (росла лишь золотодобыча). В результате многие местные жители занялись торговлей и промыслами. Построенный огромный каменный Гостинный двор на 60 торговых лавок и множество деревянных лавок, заполонившие площадь вокруг него, стали олицетворением этих изменений в жизни заводского поселка.

Побывал Дмитрий Наркисович и в главной невянской достопримечательности — Наклонной башне Демидовых. Его описание башни в настоящее время является важным источником, отображающим состояние и назначение знаменитого памятника архитектуры в последней четверти XIX века.

«Башня сильно наклонилась к пруду. Высота башни около 25 сажен. В прежнее время в среднем этаже помещалась заводская кутузка, а сейчас башня пустует, заменяя каланчу. Единственный живой человек в ней — старик-сторож, который смотрит за старинными курантами.

Основание башни квадратное. До половины поднимаются голые стены. В середине узорчатым выступом выдается обходящий всю

башню балкон. Выше — пролеты до колоколов и конический верх с узорчатыми карнизами. Вход в нее с заводского двора, где приделано большое каменное крыльцо...

Мы добрались до сторожки, где жил ветхий коморник. Старец оказался очень любезным и показал нам помещение “курантов”, старинные колокола и балкон, по которому он ходит уже двадцать лет. Балкон настолько ветхий, что я не решился на него выйти, голова кружилась, особенно в том месте, где балкон висел над прудом...

Старик показал нам и куранты, которые, к сожалению, не действуют, подточились шпеньки на медном вале. И от башни, и от курантов, и от старого коморника веяло еще демидовскою стариной, точно для Невьянских заводов остановилось время. Я долго смотрел с башни на фабрику, громыхавшую у нас под ногами, на зеркало первого на Урале заводского пруда, на рассыпавшиеся домики по берегу реки Нейвы...» [4, с. 256–257].

Писатель встретился с управляющим золотыми промыслами при Невьянской заводской конторе Петром Васильевичем Калугиным.

«У него прекрасная минералогическая коллекция, — снова обратимся к очерку «Самоцветы». — Уже в передней вы чувствуете себя некоторым образом в области минералогии: целые шкафы с камнями, у стен камни в ящиках, камни на подоконниках, камни на полу. Кабинет хозяина тоже состоит из ящиков с камнями, шкафов с камнями и просто из камней на столах, на окнах, на стульях. Одним словом, сплошная минералогия, от которой у любителя захватывает дух. Любезный хозяин с готовностью показал свои сокровища...» [4, с. 261–262].

У П.В. Калугина писатель приобрел составленную им для Уральской научно-промышленной выставки 1887 года брошюру и карту с обозначением мурзинских месторождений [4, с. 262].

Вечером Дмитрий Наркисович и Василий Васильевич выехали из Невьянска. Дальше их путь лежал в Мурзинку...

Написан очерк «Самоцветы» живым, разговорным языком, чем-то напоминая по стилю путевые очерки «Кама и Урал» В.И. Немировича-Данченко, современника Д.Н. Мамина-Сибиряка, побывавшего в Невьянске в одни годы с ним. Особенно схожи у обоих писателей описания Невьянской башни.

Местный колорит, отмеченный Д.Н. Маминым-Сибиряком, придает живость очерку: «Невянск — почти первый завод, построенный на Урале, и в народе сохранилось еще название его — «Старый завод».

Я помню, как лет двадцать тому назад еще видал где-то в мезонине “стекольную” со слюдой вместо стекла... В одном из окон мы увидели седого, как лунь, старика, который с круглыми очками на носу сидел над старопечатной книгой, — Невьянск славится как кондовое раскольничье гнездо» [4, с. 255].

Кстати, наблюдательность писателя, его умение увидеть и в нескольких словах дать емкую и точную характеристику населенного пункта или какого-либо события отмечают современные исследователи жизни и творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка [5]. На примере произведений писателя, посвященных Невьянску, это особенно заметно.

Конечно, за прошедшие сто с лишним лет Невьянск значительно изменился. Но все-таки некоторые из заводских строений, которые видел и посетил писатель, сохранились до нашего времени.

Это железнодорожная станция и ведущая от нее в центр города бывшая Вокзальная, а ныне Красноармейская улица, по которой Дмитрий Наркисович со спутником «на маленькой тележке покатали в Невьянск...»

Это старинное здание каменного Гостиного двора (в настоящее время здание выставочного зала музея) на площади Революции (прежнее название Торговая).

Конечно, это Наклонная башня, на которую поднялся писатель, и любовался с нее видом первого на Урале заводского пруда и демидовских заводских фабрик. И в наше время, как сто и триста лет назад, отбивают время на седьмом этаже башни подлинные часы XVIII века, а старинные колокола на следующем, восьмом этаже, на балкон которого писатель так и не решился выйти, каждые 15 минут исполняют перезвоны.

Воочию можно увидеть заводской пруд, правда, плотина, ставшая первым сооружением в Невьянске, сейчас скрыта под чугуном и асфальтом.

Находящийся возле башни каменный Спасо-Преображенский собор, также привлечший внимание писателя, в 1930-е годы был почти полностью разрушен, но в начале 2000-х годов восстановлен в своем первоначальном виде.

Сохранились корпуса доменных печей, хотя и перестроенные изнутри в советский период.

В заключение отмечу, что названные выше автобиографические произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка, и прежде всего очерк «Само-

цветы», служат важными источниками по истории Невьянского завода конца XIX конца.

Библиографический список

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. *Отрезанный ломоть* // *Собрание сочинений* : в 12 т. Т. 12: *Автобиографические произведения, публицистика* / Д.Н. Мамин-Сибиряк. — [Свердловск] : Свердловгиз, 1951. — 374 с.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. *От Урала до Москвы* // *Собрание сочинений* : в 8 т. Т. 8: *Рассказы, очерки, легенды, путевые заметки, статьи, воспоминания; Избранные письма* / Д.Н. Мамин-Сибиряк. — М. : Гослитиздат, 1955. — 750 с.
3. Лисицына В. *Золотое дно* / В. Лисицына // *Трудовая вахта*. — 1992. — №2. — С. 2. — Спецвыпуск.
4. Мамин-Сибиряк Д.Н. *Самоцветы* // *Статьи и очерки* / Д.Н. Мамин-Сибиряк. — Свердловск : Свердловгиз, 1947. — 408 с.
5. Паэгле Н.М. *Дмитрий Мамин-Сибиряк* / Н.М. Паэгле. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2017. — 704 с. — (Жизнь замечательных уральцев).

A.N. Karfidov

Nevyansk through the Writer D.N. Mamin-Sibiriyak Eyes

Abstract. *The article examines the autobiographical works of the writer D. N. Mamin-Sibiriyak, which describe his stay at the Nevyansky factory, a visit to the Inclined tower, the factory office, Gostiny dvor, meetings with local residents. In these works, especially in the essay «Gems», the writer noted the features that distinguish the ancient Nevyansky factory from other settlements in the Urals.*

Keywords: *D.N. Mamin-Sibiriyak, the essay «Gems», Nevyansky plant.*

Karfidov Alexey Nikolaevich, *Nevyansk State Historical and Architectural Museum (Nevyansk, Russia), Senior Researcher;*

e-mail: metodic@museumnev.ru.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. В работе анализируется деятельность горнозаводских властей по организации системы медицинской службы на территории казенных заводов Урала. На основе архивных документов рассматриваются вопросы, связанные с наймом лекарей, медицинского персонала, их деятельностью по выписыванию лекарств из Москвы. Особое внимание уделено практической деятельности по освидетельствованию и лечению населения.

Ключевые слова: история Урала, медицинское обеспечение, аптека, лекарства, В.Н. Татищев, В.И. де Геннин.

Одной из особенностей истории медицины является то обстоятельство, что ею занимались и занимаются в большей степени медики [1–8; 10–20]. История медицины в России, и на Урале в частности, не может быть представлена только как история институциональных нововведений. Для полного раскрытия предмета исследования необходимо проанализировать особенности лечения горнозаводского населения, препараты, используемые лекарями, методы медицинской практики, отношение населения к преобразованиям Петра I в сфере медицины, широкому приглашению иностранных лекарей.

15 марта 1720 г. Татищев подал доношение в Берг-коллегию, в 9-м пункте которого просил отправить с ними лекаря и партию лекарств: «Понеже в тех местах как лекаря, так и ликарств во время нужное для помощи болящих достать невозможно, того ради прошу, да повелено было из Москвы отпустить одного ротного цырюльника, которых у доктора Битла из русских учеников довольно, и лекарств хотя для самой нужды, понеже у нас на лекарство вычитаетца повсягдно из жалования» [21, с. 52]. И с началом организации горнозаводского

¹ Копырина Сардана Николаевна, кандидат исторических наук; ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), младший научный сотрудник лаборатории цифровых технологий в историко-культурных исследованиях; e-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru.

управления на Урале в 1720 г. с главой первых казенных заводов В.Н. Татищевым прибыла и первая аптека как своеобразный комплекс лекарств, предназначенный для лечения высокопоставленного чиновника.

Генерал В.И. де Геннин в 1722 г. на Урал приехал с личным врачом Иоганном Иосифом Спринцелем. Петр I удовлетворил его просьбу, приняв во внимание аргументацию: «И понеже я волею Божиею всегда грудью скорблю и может быть, что без лекаря безвременно умру, того ради прошу не для меня, но для отправления вашего величества дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, кои заскорбят, дать лекаря с лекарством, ибо ежели оные в скорбех незапно умрут, то будет великая во всех делах остановка» [22].

Годом ранее в марте 1721 г. на Урал приехал берг-рат (полковник) И.М. Михаэлис. Высокий ранг, возраст, слабое состояние здоровья, позволяли и вынуждали его везти с собой медикаменты для лечения собственной персоны. Постоянно конфликтуя с другими руководящими чинами уральского горного управления, И. Михаэлис 28 января 1726 г. отбыл с Пыскорских заводов в столицу [23, л. 466]. Руководитель Пермского бергамта гиттенфервальтер И. Юдин сообщил в Екатеринбург, что после его отъезда «оставлена аптека в двух ящиках». Офицер писал: «ежели оной аптеке быть при Пыскорских заводах долгое время, а за тою аптекою презирать будет некем, то она за неимением к тому искусного человека повредиться может напрасно». Через 15 дней последовало распоряжение В.И. де Геннина: поскольку при Екатеринбурге имеется лекарь, «того ради оную из Пермского бергамта аптеку взять в Сибирский обер-бергамт». Аптека с Пыскора летом прибыла в Екатеринбург. Перечень лекарств на латинском и русском языках состоял из 425 наименований. Она стали большим подспорьем начального этапа работы госпиталя [28, л. 259–268].

Адмиралтейский регламент предусматривал меру для пополнения медицинского бюджета казенных учреждений. В соответствии со ст. 34 гл. 1 регламента устанавливалось взимание платы на госпиталь по копейке с рубля [29, л. 28]. На его основе указом от 4 февраля 1723 г. управителям всех заводских контор В.И. де Геннин определил: «Надлежит как с канцелярских со всех чинов служителей, так и с мастеровых людей и прочих, не обходя никого, которые получают Его императорского величества денежное жалование годовое, месячное и задельное, вычитать на медикаменты, то есть на лекарства для

лечения по копейки с рубля и записывать те деньги в приход особно». Деньги следовало собирать и с иностранцев. А если кто заболеет или на работе повредится — «приходить к лекарю и требовать лекарства без платы», «только кроме тех, которые имеют французскую немощь или в драке ушиблены будут» [30, л. 55].

Весь груз профессиональных забот о больных лег на плечи И.И. Спринцеля. Управителям заводов в начале 1725 г. впервые строго предписали: «Ежели кто из заводских и горных служителей и мастеровых, работных людей заскорбит какую ни есть болезнию, то таких немедленно объявлять Спринцелю для свидетельства и лечения их болезней, дабы безвременно мастеровые люди от болезней не помирали [31, л. 331].

Медикам, руководителям заводов, рудников совместно приходилось оценивать тяжесть болезни, выявлять симулянтов. Работники были подвержены «падучей болезни» — обмороку, эпилепсии. Для ее лечения использовался Pulvis epilepticus (порошок от падучей болезни), состоящий из смеси порошков «мауноваго корня и листов корького померанца» [24, с. 448]. Работники могли симулировать судороги с целью избежать горнозаводского труда и вернуться «во крестьянство». Для выявления обманщиков в Сибирском обер-бергамте 3 июля 1729 г. разработали специальный указ: «Ежели падучую болезнь примет и падет на землю, в то время розжечь железо и тем горячим железом приложить к пяте. И ежели не услышит, то подлинно падучую болезнь имеет. А ежели услышит — притворная болезнь». Указ зачитали людям на всех заводах и рудниках [32, л. 180–182].

Перечень болезней, с которыми приходилось сталкиваться медикам, был обширен. В основном они носили производственный характер: ожоги и раны при работе на фабриках (в заводских цехах), чахотка — на рудниках, «грудные, ножные, нутряные, очные, в спине великий лом», всевозможные переломы рук, ног. При этом «основное» лечение могло дополняться и рядом простейших хирургических манипуляций, таких как остановка кровотечения с помощью наложения лигатуры или «скручивания» поврежденного сосуда, вскрытие гнойников, очистка ран от грязи и попавших в нее посторонних предметов, прижигание ран раскаленным железом или кипящим маслом, вправление вывихов, вытяжение и наложение шины при переломах. В исключительных случаях могли производиться операции камнесечения, ампутации конечностей, трепанации черепа, глубокие разрезы

для извлечения попавших в тело посторонних предметов. Однако лекари крайне неохотно шли на собственно оперативные вмешательства, поскольку опыт свидетельствовал об их чрезвычайной опасности для жизни пациента [25, с. 97].

На уральских заводах известна была и раковая болезнь. Как было записано в регистрационной книге Екатеринбургского госпиталя, больной долго «чахнет, работы делать не может», но случилось чудо: применение ртутных препаратов привело к выздоровлению. На это штаб-лекарь Спринцель многозначительно заключил: «Бывает много случаев, что ртутиальное лекарство в короткое время не показывает свое действие, а после с помощью Божиею действует» [33, л. 314; 34, л. 109–110]. 15 октября 1743 г. обер-офицер А.В. Лавров серьезно заболел. С февраля 1744 г. он находился в Екатеринбургском госпитале. В апреле штаб-лекарь И. Шнезе представил результаты медицинского обследования: «у оного Лаврова содержит болезнь, называемая рак, которая сперва на языке оказалась и от того половину языка отбело и ныне пустилась в горло». 29 сентября 1744 г. А.В. Лавров умер [35, л. 1032–1032 об.].

Периодически случались и «горячки, гноение гортани и неба, ушей, поносы, желуницы, студеные лихорадки» [36, л. 87–90]. Случались резаные раны — колодник вне города конвоиру «горло от уха до уха порезал». И. Спринцель срочно выслал лекарства и подробнейшее описание лечения [37, л. 80–81].

Отметим, что пациенты попадали в госпиталь не только в силу вирусных и бактериальных заболеваний, но и физических поражений, несчастных случаев. 25 ноября 1742 г. на Кушвинском заводе, праздную годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны, А.М. Хрущев решил бросить начиненную порохом гранату. При взрыве ему повредило правую руку. Искусного лекаря в Кушве не было, из Екатеринбурге приехал И. Шнезе, сделал операцию — ампутировал два пальца [38, л. 103–109 об.].

Для заказа медикаментов в Берг-коллегию оттуда уже в Медицинскую канцелярию отправлялись списки медикаментов на немецком языке с русской транслитерацией. Лекарственные препараты в основном выкупались из Московской главной аптеки [26, л. 57], которая была основана в 1706 г. и считалась одной из лучших в Европе и до конца века являлась самой крупной в России [27, с. 60–61]. Учет имеющихся в наличии лекарственных средств в Сибирском обер-бер-

гамте велся только на русском. Это особенность затрудняет идентификацию медикаментов, транслитерация с немецкого и латинского языков осуществлялась, вероятнее всего, «на слух». Иными словами, иноземный лекарь диктовал ученику или подканцеляристу текст на немецком или латинском языке, а тот записывал, исходя из своего слухового и фонетического восприятия. Как следствие, периодически встречается слитное написание частиц «де», «про», отсутствие окончаний, ошибочное совместное или раздельное написание слов. Примером могут служить ежемесячные журналы И. Спринцеля с записями, «сколько в котором месяце было больных и каких чинов именами и сколько издержано на всех обще всего лекарств». «Регистр лекарствам августа с 1 сентября по 1 число 1734 года» написан транслитом на русском и содержит все отмеченные недостатки. И. Мендерс в октябре 1741 г. просил прислать в екатеринбургскую аптеку зимним путем сосуды для содержания лекарств, семена и медикаменты. Подлинник «Росписи материалов» был отправлен в Москву, а в Канцелярии остался переведенный список только на русском языке, содержащий 31 наименование лекарственных средств [39, л. 558–560].

Можно сделать вывод, что помимо гуморальных методик лечения, включающих назначение в большом количестве мочегонных, потогонных и слабительных препаратов, медикам на Урале часто приходилось встречаться с лечением паразитарных заболеваний, цинги, ревматизма и простудных заболеваний, поражающих легкие.

В целом методы, применяемые при лечении уральскими медиками, соответствовали европейским стандартам того времени. Об этом свидетельствуют используемые средства и наличие медицинской литературы. Характер наименований препаратов и совпадение написания позволяет утверждать, что екатеринбургские медики использовали в своей работе «Бранденбургский диспенсаторий». В Екатеринбург эта книга попала не позднее 1739 г., она была выписана по заявке аптекаря Х. Мендерса из Петербурга [9, с. 39].

Доношение штаб-лекаря И. Шнезе от 8 декабря 1761 г. в Канцелярию можно считать подведением итогов деятельности и состояния казенной медицинской инфраструктуры на Урале в 20–50-х гг. XVIII в.:

1. «По усмотрению моему ныне при Екатеринбургском госпитале неминуемо быть потребно двум подлекарям... и при них двум ученикам. Для того, что нередко требуются бывают в разные команды для пользования больных не токмо на казенные, но и на партику-

лярные заводы и в другие неминуемые места; и когда одни отослан будет, то б другой был при госпитале неотлучно, да двум сторожам с женами, как ныне находятся, для приготовления больным пищи и прочаго» [40, л. 407].

2. «В аптеке два ученика, требуется еще столько же. Из учеников только А. Денисов аттестован в гезели, о чем отправлены документы в Медицинскую канцелярию. Под моим смотрением приход и расход медикаментам и материалам весьма порядочно исправлял», за что А. Денисову было рекомендовано жалованье 60 руб. в год [40, л. 407]. «Голомзин, как небезизвестно в оной Канцелярии, что каждое лето, с начала весны даже до самой глубокой осени, всегда бывает в разъездах для збирания трав, кореньев и семян». Ему «за долговременную службу и труды» надо к 30 прибавить 6 рублей. Без дополнительных учеников «никак пробыть невозможно, для того благоволено было определить взятого в солдаты Василия Доровикова по-прежнему и с прежде получаемым им жалованьем» [40, л. 407–407 об.].

3. «Всемерно должно быть госпиталу и аптеке деревянным, а не каменным для того, что оные палаты складены из одного дикого камня, а не из кирпича, от которого состоит как в зимнее, так и в летнее времена немалая сырость, от чего больные получают себе к имеющимся болезням вящую от угару болезнь же, что и у меня предоме-нерешно случается. А сверх того, при аптеке привозимым из Москвы немалоценным материалам зимою от морозу, а летом [от] сырого воздуха в каменных покаях немалое повреждение бывает, так, что некоторые самонужнейшие материалы в крайнюю гибель приходят, из которых уже по нужде и в составление медикаментов употребляются». А трав, кореньев и семян для лекарств собрать один человек много не может, те, которые имеются, быстро портятся в таких условиях, что принуждает выписывать множество лишних припасов из Москвы. Каменные здания требуют много дров для постоянного топления печей, причем не только зимой, но и летом «без топления быть в жилом покое никак невозможно, понеже всегда студеность и сырость бывает, отчего гибель материалам, а больным болезнь вящая приключается».

4. «Должно при том госпитале и аптеке» подлекарям и ученикам построить покои, «чтоб они всегда были при своих должностях неотлучны» [40, л. 408].

5. «Как для аптеки, так и для госпиталя надлежит построить немалой аптекарской огород, в котором бы можно было как травы, коренья,

цветы и семена распространять, а как оной построен будет, то можно исправлять больными, которые малое облегчение от болезни получают, да и теми, которые имеют лечение болезни, то могут в случае поливать и полоть» [40, л. 408–408 об.].

6. При аптеке имеется «немало ценных материалов и медикаментов немалое число». Их продают партикулярным людям, денег собирается «по нескольку сот рублей», а караула, по примеру других таких припасных мест, при аптеке нет, «и тако весьма есть не без опасности» [40, л. 408 об.].

Библиографический список

1. Гофман П.М. *Краткая история врачебного искусства* / П. Гофман. — СПб. : Печ. у Шнора, 1789. — 197 с.
2. Рихтер В.М. *История медицины в России : в 3-х ч.* / В.М. Рихтер. — М. : Университетская тип., 1814–1820.
3. Чистович Я.А. *Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия* / Я. Чистович. — СПб. : тип. Я. Трея, 1870. — 416 с.
4. Чистович Я.А. *История первых медицинских школ в России* / Я. Чистович. — СПб. : тип. Я. Трея, 1883. — 1033 с.
5. Змеев Л.Ф. *Чтения по врачебной истории России* / Л.Ф. Змеев. — СПб. : тип. В. Демакова, 1896. — 252 с.
6. Лахтин М.Ю. *Этюды по истории медицины* / М. Лахтин. — М. : Унив. тип., 1902. — 200 с.
7. Лахтин М.Ю. *Заготовка лекарственных средств в XVIII в. : Из истории аптечного дела в России* / М.Ю. Лахтин // *Фармацевт.* — 1903. — № 34. — С. 1167.
8. Лахтин М.Ю. *Медицина и врачи в Московском государстве* / М. Лахтин. — М. : Унив. тип., 1906. — 140 с.
9. Сафронова А.М. *Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.)* / А.М. Сафронова // *Восьмые Татищевские чтения : мат-лы региональной науч. конф. 27–28 мая 2010 г.* — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2010. — С. 34–39.
10. Алелеков А.Н. *История Московского Военного госпиталя в связи с историей медицины в России к 200-летнему его юбилею: 1707–1907 гг.* / Сост. А.Н. Алелеков, Н.И. Якимов. — М., 1907. — 802 с.
11. Новомбергский Н.Я. *Материалы по истории медицины в России : в 5 т. Т.4* / Н. Новомбергский. — СПб. : Тип. Альтишлера; Томск : Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1907. — 763 с.

12. Скороходов Л.Я. *Краткий очерк истории русской медицины* / Л.Я. Скороходов. — Л.: Практическая медицина. 1926. — 274 с.
13. *Знаменательные и юбилейные даты истории медицины* / сост. И.В. Венгорова, И.В. Егорышева, Р.С. Рабинович. — М. : Медгиз, 1956. — 19 с.
14. Мульгановский М.П. *История медицины* / М.П. Мульгановский. — М. : Гос. изд-во Медицинской литературы, 1961. — 348 с.
15. Заблудовский П.Е. *История отечественной медицины* / П.Е. Заблудовский, Г.Р. Крючок, М.К. Кузьмин, М.М. Левит. — М.: Медицина, 1981. — 352 с.
16. Мирский М.Б. *Медицина России XVI–XIX веков* / М.Б. Мирский. — М. : Росспэн, 1996. — 376 с.
17. Мирский М.Б. *Медицина России X–XX веков: Очерки истории* / М.Б. Мирский. — М. : Росспэн, 2005. — 631 с.
18. Конюс Э.М. *Истоки русской педиатрии* / Э.М. Конюс. — М. : Здоровье-Инвест, 2007. — 350 с. — (Золотые страницы медицины. Библиотека классики медицинской литературы).
19. Бородулин В.И., Банзельюк Е.Н., Бергер Е.Е. *XXI век: кому писать историю медицины — врачам для врачей или историкам для историков?* / В.И. Бородулин, Е.Н. Банзельюк, Е.Е. Бергер // *Труды по истории медицины = Opera medica historica : альманах.* — М., 2019. — Вып. 4. — С. 42–48.
20. *История медицины и медицинской географии в Российской империи* : [моногр.] / Е.А. Вишленкова, В.О. Щепин, Р. Цветковски и др.; ред. Е. Вишленкова, А. Реннер. — М.: Шико, 2021. — 384 с.
21. Сафронова А.М. *В. Н. Татищев — организатор медицинской службы в Екатеринбурге* / А.М. Сафронова // *Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр.* — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. — Вып. 17. — С. 51–70.
22. Геннин В.И. *де Уральская переписка с Петром I и Екатериной I* / В. Геннин. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. — 467 с.
23. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 23.
24. Шлерет Ф.А. *Аптека или Наука составлять разныя, как внутрь, так и снаружи употребляемая, лекарства* / Франц Антон Шлерет; пер. Ф. Барсук-Моисеев. — М. : Типография М. Пономарева, 1812. — 500 с.
25. Степин В.С. *История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII–XXI вв.* / В.С. Степин, А.М. Сточик, С.Н. Затравкин. — М. : Издательство «Академический проект», 2020. — 375 с.
26. РГАДА. Ф. 271. Фонд Берг-коллегия, гг. Москва, Петербург. Д. 1081.

27. Егорышева И.В. Казенные аптеки в России в XVIII в. / И.В. Егорышева // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. — 2015. — №3. — С. 60–61.

28. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 92.
 29. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 691.
 30. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 73.
 31. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 79.
 32. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 280.
 33. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 88.
 34. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 148.
 35. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 1031.
 36. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 532а.
 37. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 245.
 38. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 1014.
 39. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 894.
 40. ГАСО. Ф. 24. Фонд Уральское горное управление. Д. 1668.

S.N. Kopyrina

The Ural State Factories Population Medical Care in the First Half of the 18th Century

Abstract. *The work analyzes the activities of mining authorities in organizing a medical service system on the territory of state-owned factories in the Ural. Based on archival documents, issues related to the hiring of doctors, medical personnel, and their activities in prescribing medications from Moscow are considered. Particular attention is paid to practical activities in examining and treating the population of state-owned factories.*

Keywords: *history of the Ural, medical care, pharmacy, medicines, V.N. Tatishchev, V.I. Gennin.*

Kopyrina Sardana Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Junior Research assistant, Laboratory of Digital Technologies in Historical and Cultural Research, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: sardana.kopyrina@urfu.ru.

УДК 94(470.5)

Н.С. КОРЕПАНОВ¹

ВОЙНА В ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ВЕДОМСТВЕ, 1774 ГОД. ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются события времен восстания Пугачева 1773–1774 гг. на территории Екатеринбургского ведомства. Основное внимание уделено действиям заводской администрации. Подчеркивается, что горнозаводское население в большинстве своем активно не поддерживало повстанцев. Приведена история захвата пугачевцами Каменского завода. В статье приводятся редкие архивные документы, ранее не публиковавшиеся.*

Ключевые слова: *восстание Пугачева, Екатеринбургское ведомство, казенные заводы, Каменский завод, В. Бибилов.*

На 2023–2024 гг. приходится 250-летие весьма значимого в истории России события — восстания Пугачева. Многие из тогда случившегося происходило на Урале, в т.ч. серьезно оказались затронуты заводские земли. Традиционно внимание исследователей темы сосредоточено на Южном Урале и на пермских землях. События же в Екатеринбургском ведомстве Сибирской губернии до сих пор остаются почти не известны (не считая относительно часто упоминаемого, но не вполне точно излагаемого эпизода «осады» Екатеринбурга отрядом Белобородова). Например, лишь недавно были опубликованы документы о захвате пугачевцами казенного Каменского завода в феврале 1774 г. [1].

Несомненно, это ключевое событие тех дней в Екатеринбургском ведомстве и, по нашему мнению, одно из важнейших событий всей Крестьянской войны. Как известно, помимо Каменского, захваченными оказались три казенных горных завода — Вознесенский, Ижевский и Воткинский, не самые значительные на тот момент предприятия. Тем не менее всякий раз это рассматривалось как событие чрезвычайное, вызывало резонанс во всем горном ведомстве, вело к внутренним расследованиям и т.п. А здесь речь шла об оборонном предприятии имперского значения. К тому же Каменский завод

¹ Корепанов Николай Семенович, МАУК Музей истории Екатеринбурга (Екатеринбург, Россия), научный сотрудник; e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

находился в руках повстанцев почти месяц — с 6 февраля по 3 марта 1774 г.

О захвате его дали показания управитель завода шихтмейстер Василий Павлович Дягилев (предок знаменитого театрального деятеля) и командированный к обороне шихтмейстер Василий Бобров. Последний уже принимал участие в оборонительных мероприятиях в составе Екатеринбургской монетной роты. Допрошены они были летом 1774 г. в Челябинске.

Отметим несколько важных общих моментов.

Данные допрошенных совпали по количеству и составу защитников завода: 12 вооруженных солдат, а также и «выбранные в казаки» 50 мастеровых и 100 приписных крестьян (в их числе 30 с огнестрельным оружием, прочие с копьями). Имелись 3 фальконета и 3 неопробованных пушки.

Показания В. Дягилева о числе нападавших: «Злодеи подошли с двух сторон к заводу 6 числа февраля пополудни в 3 часу. И по видимому было башкирцев до пятисот, русских с тысячу пятьсот человек. Да оставлено в запас в селе Шаблише на помощь к ним до тысячи человек. И такое сильное нападение от них последовало, думается, потому, что во всех бунтующих слободах перевелась соль, которая отпускалась с заводу и которая уже к бунтовщикам на продажу не посылалась.»

Показания В. Боброва: «Злодеи подошли к заводу февраля 6 числа с двух сторон, также и с пруда, пополудни в 3 часу. И оных по видимому было русских и башкирцев около двух тысяч человек... Завод нужен им был для артиллерии и получения с оною соли, которая в те слободы уже не отпускалась».

Оба допрошенных отмечают маневр нападавших, что несомненно свидетельствует о грамотной подготовке и дисциплине пугачевского отряда.

В. Дягилев: «Когда злодейская партия приближаться начала к заводу, не доезжая за 3 версты, то разделились на две части: одна по городской дороге, а другая по заречной стороне, и учинили со обеих сторон вдруг превеликий крик и нападение на завод. А появились сперва на заречной стороне, где от нас караул с ружьем и копьями поставлен был. Который злодейской партией совсем сбит, и находящиеся там гумна и дворы многие были зажжены. От чего как мастеровые, так и крестьяне, бывшие в казаках и при пикетах, испугавшись, пришли в великую робость и многие разбежались. А осталось при глав-

ном пикете до тридцати человек, где Бобров находился. Я ж отъезжал для отправления со второго пикета за реку пушку на отражение злодеев, где уже немалое число башкирцев набежало. А потому и пушка до настоящего места не доведена, а остановлена и захвачена была злодеями на плотине. От которой возвратился я к Боброву на первый пикет, но и тут он был злодеями уже вокруг обступлен. И наконец по усилению их, и что при пикетах кроме солдат казаков осталось самое малое число, прочие ж разбежались, я с Бобровым ворами захвачены и увезены за реку к предводителю злодейской партии».

В. Бобров: «Без сопротивления завод был взят изменою находящихся того ж завода Каменской слободы выбранных в казаки крестьян. Потому как от Дягилева, так и от меня поставлены были для караулу при маяках отъезжие пикеты, а именно: на броду, расстоянием от заводу в 2 верстах, также при конце плотины и на городской дороге, с крепким подтверждением, чтоб имели частые разъезды в поле от 3 и до 5 верст. А как тут подошло чистое место, то и можно б изда- лека видеть воровское приближение. А хотя от тех пикетов рапорты и частые были, но, видно, ложные, ибо, как они рапортовали, всю (всё. — Н.К.) благополучно, то неожиданно подъехали воры под самый почти завод, и меньше, нежели за полторы версты. Почему и сумнительно, чтоб не были допущены. И разделяясь с двух сторон — русские по городской дороге, а башкирцы с пруду и с заречной стороны напали. О чем когда уведомил прибежавший ко мне бывший на городском бекете мастеровой, то тогда ж и пошел я к главному бекету, а между тем приказал бить в колокол. Куда и шихтмейстер Дягилев приехал. И были мы готовы на сопротивление с военными и мастеровыми. Выбранные ж из крестьян казаки собирались по тревоге медленно, да и то становились в такие места, чтоб можно было скрыться. Потом, когда увидел я на заречной стороне зажженные овины, и что уже бывший там пикет злодеями без сопротивления был от нас отрезан, то и прочие, как видно было, пришли в крайнюю робость. Что усмотря и [о]бодряя других, тотчас отрядил я на ту сторону Дягилева с одной пушкой, которую он взял со второго пикета. При чем у него и сорок человек ружейников было. Но как его долговременно ко отражению на той стороне не было, то я пошел сам к тому пикету и увидел на плотине оную пушку одну, при которой как Дягилева, так и канониров, также и снарядов и посланных сорока человек уже не было, а близ жила (жилья. — Н.К.) множество башкирцев разъезжали.

Почему я и возвратился к своему посту и имел намерение делать отражение чрез застроенное жило. Но не допущен был злодеями и подхвачен в середине улицы обще с Дягилевым, который прежде ими уже был захвачен. От чего как военные, так и мастеровые, испужавшись, разбежались. И наконец по многолюдству воры заводом овладели. И я с Дягилевым уведены за реку к предводителю злодейской партии».

Далее обоих пленников доставили в Челябинск, тогда захваченный отрядом атамана И. Грязнова, затем «с прочими захваченными штаб-, обер- и унтер-офицерами» повезли к осажденному Оренбургу. Но тяжело больного В. Дягилева, пожалев, возвратили с пути в Челябинск. Там он и был освобожден правительственным войском. А Боброва доставили 19 марта в Бердскую слободу, в ставку самого Пугачева, собирались повесить. Как известно, на другой же день Пугачев с «Главной армией» покинул Берду, двинулся на Сакмарский городок. Уже из Сакмары В. Бобров сумел бежать и самостоятельно добрался до Оренбурга [2].

И здесь отметим, что одной из причин захвата Каменского завода явилась, видимо, легковесная оценка складывавшейся ситуации со стороны Дягилева. Мы судим об этом по следующему эпизоду.

Еще в декабре 1773 г. глава Экспедиции мраморной ломки генерал-майор Яков фон Данненберг обратился в Екатеринбурге в Канцелярию Главного правления заводов. Он запрашивал каменские пушки для защиты мраморных копей в районе крепости Горный Щит. Екатеринбургский главный командир, полковник Василий Федорович Бибииков, так извещал о его просьбе: «Небезызвестно ему, что при Каменском заводе есть литые чугунные забракованные пушки. Из каковых не выберется ль несколько для неважных действий? А в ведомстве Его превосходительства разработка горнощитского мрамора отстоит отсюда во отдаленности и в пусе месте, где имеетя немалое казенное строение и содержитя знатный казенный интерес. Там же находится команда разных званиев служителей, обселившись собственными жительствовами. К сохранению чего от всяких нечаянных опасностей рассудилось ему всю (всё. — Н.К.) то селение укрепить и иметь для осторожности три пушки» [3].

Посланный к приему пушек поручик внезапно и серьезно заболел, пушек освидетельствовать не смог. И шихтмейстер Дягилев отказался давать пушки генералу: «Без освидетельства и пробы оных к г-ну генерал-майору Якову Ивановичу Данненбергу отпустить невозможно»

[3, л. 343 об.] И дабы приструнить управителя, потребовался дополнительный и достаточно жесткий указ главного командира.

Среди других важных событий следует назвать сражение 25 февраля 1774 г. команды Алапаевского завода в землях мятежной Антоновской слободы. Команду возглавлял сержант Екатеринбургских рот Григорий Черепанов. В состав ее входили двое солдат, два заводских пушкаря, 20 новонаборных рекрутов, гусары из Екатеринбурга (о них ниже), отряд мастеровых и работных с завода и «казаки», набранные из приписных крестьян Алапаевской, Арамашевской, Глинской, Мурзинской, Шегринской (Шогринской) слобод. «Антоновцев» поддерживали приписные Белослудской слободы.

В рапорте Г. Черепанова, в частности, говорилось: «Для усмирения Антоновской слободы с данною мне командою следовал. До которой не допуща меня, оной же слободы в деревне Лебедкиной злодеями поставлен был караул человек до ста с ружьями, и копьями, и косами — все с перевязанными чрез плечо под пазухи белыми пластами. Принужден был против оных пополудни примерно часу в 3-м пушечную пальбу и протчим огненным ружьем стрельяние производить. Коих злодеев и побито до смерти 15 человек, в коем числе злодейский есаул Матвей Лебедкин. А в полон поймано 33 человека. Сверх же того обывательских домов до пяти огню предано. Однако ж несколько злодеев на коннице и лыжнице бежали в Антоновскую слободу. Что видя, я принужденным нашелся тотчас немедленно со всем своим войском приступить к той Антоновской слободе, где множественное число злодейской партии Белослудской слободы крестьяне, устращась, бежали. Антоновской слободы крестьяне же, признав нарушение своей присяги, и, со увещания священника Алексея Шишева и писчика Шмонины преклонясь Ея императорского величества в подданство, без всякого кровопролития [в]стретили со звоном и выносом из церкви креста с Евангелием и Святыми образами, испущая от очей, и с младенцами, теплыя слезы. И произведено от всех оной слободы жителей Богу в Прокопьевской церкви благодарственное молебное пение... Присылаемые из Белослудской в Антоновскую слободу от злоумышленных бунтовщиков письменные повеления от писчика Шмонины объявлены. При том же захвачен перевозачинающий к разглашению из Белослудской [слободы] с манифеста копий антоновский староста Иван Чапурин. А той же слободы атаман Василий Костин да и многие крестьяне с женами и детьми, видя войско,

разбежались. Со стороны ж православных христиан нашего урону нисколько нет» [5].

В Екатеринбург доставили старосту И. Чапурина, 35 пленных, старшину Петра Антонова: «Чрез жестокий расспрос взяты у написанного старшины о выборе его в злодейскую партию мирской приговор и роспись о приклонении слобожан в напольную силу». А также и «богопротивные их письменные дела на 16-и листах» [5, л. 193].

Итак, очевидно, что основной формой военной организации в заводском ведомстве оставались сформированные из приписных крестьян «казачьи сотни», т.е. востребованным оказался опыт массового противодействия башкирским повстанцам 1730-х и 1750-х гг. Весьма показательно, кстати, что во множестве тогдашних распоряжений повторялись слова о «башкирской шатости», «замирении башкирцев» и т.п. В отличие от событий полувековой давности, формировались и отряды из заводчан. В Березовском заводе задержали побирушку, сильно досаждавшего заводским женам: «Проговаривал тамошним женам, что дома их останутся пусты... Что берутся везде казаки, и мужья их находятся теперь в походах» [7]. При этом мастеровые и работные люди продолжали получать окладное или расчетное жалованье, «казаки» же из крестьян, помимо довольствия, по завершении службы получили, хоть и с невероятными задержками, подневные выплаты (по количеству дней в службе).

Наиболее заметной акцией подобного рода можно, видимо, считать набор команды гороблагодатских заводов для обороны Кунгура.

Дорога из Екатеринбурга на Кунгур оказалась фактически перекрыта пугачевцами еще в декабре 1773 г., свободным оставался лишь путь через гороблагодатские заводы. А в июне 1774 г. Пермская провинциальная канцелярия (воевода Александр Голубев) прямо обратилась в Гороблагодатское горное начальство за помощью. На Кушве командовал тогда обер-гитен-фервальтер Алексей Москвин. По его данным выходило: при заводах состоит 1 рота, из нее более половины солдат стоят в караулах, откомандированы с пакетами, сопровождают караван и т.п. В приписных слободах 25 тыс. душ, но срочно призвать и сформировать что-либо достойное не получится.

Поэтому: «Для скорейшего в город Кунгур командирования на помощь, хотя с остановкою действия заводов, собрано команды из мастеровых и работных людей и ближней Кушвинской слободы из крестьян в казаки самых лучших и надежных 336 человек конных,

с имеющимся у кого какие есть ружьями, также копиями, саблями, луками и стрелами. А не имеющим собственных ружей даны казенные с копиями и тесаками, и каждому надлежащий комплект патронов с пулями». Командиром назначался берг-гешворен Савва Невейкин, придавались унтер-офицер и трое солдат: «И велено следовать в город Кунгур денно и ночью, с крайним поспешением, и по пути истребовать к той команде в добавок с Кыновского заводу от приказчиков — самых исправных и лучших людей, человек хотя бы до двадцати» [8].

Известно и о других подобных же, хоть и менее массовых, акциях. В частности, небольшая группа мастеровых и работных людей из Екатеринбурга была направлена к защите Каслинского завода.

О действиях по защите самого Екатеринбурга коротко мы излагали [9], здесь лишь отметим, что паники, видимо, избежать не удалось. А именно, в феврале 1774 г. ради кирпича к укреплению артиллерийских батарей до основания были разломаны все казенные и частные кирпичные сараи и, кажется, несколько купеческих лавок Гостиного двора. В те дни в город добралась группа мастеровых из разоренного Каменского завода, и уже совсем рядом, вблизи деревень Златогоровой и Косулино, произошли сражения с казаками Белобородова.

Общее руководство по обороне города и Ведомства осуществлял полковник В.Ф. Бибиков, участник Семилетней войны. И здесь уместно привести одно его высказывание, свидетельствующее о понимании им самой психологии войны. В июне 1774 г. он как бы оправдывался в связи с формированием иррегулярного отряда екатеринбургских гусар: «Как здесь не только необходимо нужно было, но и еще потребно продолжать предосторожность от злодеев, поверено же ему от покойного г-на генерал-аншефа А.И. Бибикова вооружать здесь людей на его, г-на полковника, рассмотрение, не жалея ни труда, ни денег к восстановлению покоя. По чему, по крайней нужде, и решился нанять здесь гусар из охотников, построив им 33 мундира с вальтрапами (чепраками. — Н.К.) для седел, дабы показать колеблющейся черни, что Екатеринбург в состоянии предпринимать все к удержанию в должном повиновении Ея величества подданных. И что название гусар, сколько ему известно, у черни от одного воображения почитается храбрейшим против других. Для чего он не упустил при командированиях наименовать так же и горных рудокопщиков и промывальщиков по отменному их несколько от протчих платью» [7, л. 135–135 об.]. По его сло-

вам, количество охотников вступить в отряд всегда превосходило установленный штат.

Что же касается позиции приписных селений Ведомства, то, за исключением попытки организованного противостояния властям со стороны Антоновской и Белослудской слобод, говорить приходится, видимо, о колебаниях и сомнениях, о внутренней готовности принять новую силу, о скрытой симпатии к ней, в крайнем случае, о негласной поддержке повстанцев. Даже касаясь причин падения Каменского завода, упоминавшийся В. Бобров комментировал этот момент достаточно осторожно: «Такое сильное нападение от них воспоследовало, кажется, от того, что многие около завода слободы были уже в бунте. Да и каменские крестьяне, сумнительно, чтоб не были общего с бунтовщиками мнения по бывшему у них прежде знакомству и согласию по тому больше, что злодеи обольщали чернь многими выгодами» [2, л. 782].

Показательно также свидетельство главы Екатеринбургской конторы судебных и земских дел Николая Охлябина, данное в 1775 г.: «Злодеями разграблено денежной казны в Каменской слободе подушных, оброчных и других сборов 1100 рублей, в Белоярской слободе — неизвестное число, в Ольховской слободе, по самопроизвольному к злодеям прилеплению, ничего взято не было, равно и в Бруснянском селе» [10]. Впрочем, в Екатеринбургской канцелярии (Яков Рооде) отозвались тогда более резко: «Его свидетельства Канцелярия утвердить не может, потому что все здешнего Ведомства слободы, несмотря на учиненные им о злодеях публикации, прилепились тогда к бунтовщикам. А особливо те, которые просят теперь зачету разграбленных денег» [10, л. 232 об.].

Как известно, угроза заводским землям в общем миновала уже к началу осени 1774 г. Указом Сената для Берг-коллегии от 20 сентября 1774 г. велено было «собранных к защищению от злодеев с заводов людей, по усмирении, распустить по прежним местам» [4].

Следует также подчеркнуть, что именно в те дни Екатеринбург впервые принял на себя обычную в будущем роль важного лечебного центра для пострадавших на войне. Обыкновенно в то время в Екатеринбургском госпитале содержалось не более трех десятков больных. И показательно высказывание подлекаря в июле 1774 г.: «Здесь теперь в госпитале больных здешних и присланных из марширующих на поражение злодеев воинских команд имеется с лишним 100 человек» [6].

Библиографический список

1. **Корепанов Н.С.** Взятие пугачевцами Каменского завода 6 февраля 1774 г. / Н.С. Корепанов // Первые Каменские чтения : сб. мат.-лов ист.-краеведческой конф. (Каменск-Уральский, 16 мая 2014). — Каменск-Уральский, 2014. — С. 76–79.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2326. Л. 780–783 об.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2127. Л. 340.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 691. Л. 76 об.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2136. Л. 192–193.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 690. Л. 108 об.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 689. Л. 56.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2169. Л. 6.
9. **Корепанов Н.С.** Первый век Екатеринбурга / Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. — С. 119–120.
10. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2246. Л. 232.

N.S. Korepanov

War in the Ekaterinburg department, 1774. Local peculiarities

Abstract. The article is devoted to the events of the rebellion of Pugachev 1773–1774 in the Ekaterinburg department (part of the Siberian province). The main consideration is given to the activities of the regional mining administration (and to its chief V. Bibikov). The author emphasized mainly negative attitude of the State works' population to rebels. The article contains much archival information, including about capture of Kamensky works (now Kamensk-Uralsky) by rebels.

Keywords: Pugachev's rebellion, Ekaterinburg department, State works, Kamensky works, V. Bibikov.

Korepanov Nikolay Semyonovich, Senior Researcher, Museum of Ekaterinburg History (Ekaterinburg, Russia); e-mail: nk-ekb@yandex.ru.

УДК 63.3 (470.5)

Е.А. КУРЛАЕВ¹

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИМПЕРИИ ДЕМИДОВЫХ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ЧУСОВОЙ

Аннотация. Месторождение магнитного железняка на р. Чусовой было открыто государственными крестьянами, но Демидовы присвоили это открытие. Получив право на строительство завода на р. Ревде в 1724 г., они не спешили начать строительство. Завод заработал только в 1734 г. Начало эксплуатации рудника и строительство Ревдинского и Шайтанского заводов значительно расширило горнозаводскую империю Демидовых на юг.

Ключевые слова: империя Демидовых, Ревдинский завод, история металлургии.

Продвижение к рудным ископаемым Уральских гор происходило не только по рекам восточного склона, но и по реке Чусовой, пересекающей хребет с востока на запад. В 1656 г. возникла Чусовская-Уткинская слобода на р. Чусовой (современное с. Слобода). В 1678 г. была открыта и впервые упомянута в документах обширная местность в междуречье Чусовой, Исети и Пышмы. В этот год, как следует из памяти приказчика Чусовской слободы Семена Будакова, крестьянскому «садику» Фролу Арапову было приказано обследовать места и «вновь слободу строить на порожнем месте, а межи тем землям от Казанской дороги вверх по Чусовой реке до Чусового озера, а вниз по Чусовой реке до Волчьей горы, на востоке до Исетских вод» [1, л. 265 об.].

В конце 1670-х гг. русская колонизация с разных направлений наконец достигла верховьев рек Чусовой, Исети и Пышмы, где были сосредоточены крупнейшие залежи железных и медных руд. Именно в результате заселения этого района в конце XVII – начале XVIII в. было обнаружено сразу несколько месторождений в окрестностях Арамильской и Чусовской слобод.

В научной литературе история промышленного освоения этих мест начинается с «находки» Никитой Демидовым магнитной руды

у Волчьей горы и закрепления права собственности Берг-коллегией в 1724 г. [2, с. 402].

Но это не так, месторождение открыли значительно раньше [5, с. 276–279]. Впервые руда была обнаружена «вверх по р. Чусовой на речке Талице в бору» чусовским крестьянином Иваном Тимофеевым не позднее 1701 г. Найденный камень он отослал в Кунгурский уезд своему родственнику и известному рудознатцу Федору Мальцеву, который отвез его в Казань «немчину», потомственному рудокопному мастеру и пушечному литейщику, подполковнику Лаврентию Андреевичу Нейдгарту. По опытам иностранного мастера руда была магнитная с небольшим содержанием серебра. 22 января 1702 г. приказчик Чусовской слободы Лазарь Будаков описал находящуюся у р. Талицы гору [3, л. 111 об. – 116 об.]. 17 февраля 1702 г. в Сибирском приказе осматривал и делал опыты с этой же рудой греческий мастер Вениамин Левандиан, который подтвердил, что найденная руда магнитная, но серебра в ней нет.

У «чусовской» Магнитной горы были и другие первооткрыватели. В 1702 г. первые уральские заводы посетил глава Сибирского приказа А.А. Виниус, чтобы «те заводы и облегающие рудные места, где прилично новым заводам быть — осматривать». И в это же время крестьянин Уткинской слободы Федор Рогов подал «извет» о находке горы с железной рудой. Вслед за ним на месторождении побывали и составили «доезд» стольник Алексей Калетин и дьяк Афанасий Герасимов. Из описания следовало, что гора находится на р. Чусовой в 40 верстах от Арамильской слободы. Шестого октября 1702 г. 50 пудов магнитной руды испытали на Каменском заводе, где «по опыту явилось в плавке железо самое доброе и чистое». Для доставки руды на Каменский завод с рудника нарядили 300 подвод из Арамильской и 100 подвод из Мурзинской слобод. На подводу требовалось грузить по 15 пудов, а подводчикам предписывалось, если при взвешивании «явится меньше 15 пуд, и им за то быть в железе» [4, л. 2].

С этого года крестьяне Арамильской, Мурзинской, Белоярской и других слобод на 400 подводах начали туда доставку магнитной руды [6, л. 3]. Трудно сказать, как долго продолжалась эксплуатация месторождения для Каменского завода, но в 1722 г. В. де Геннин приказывал управляющему Уктусского завода Тимофею Бурцову вновь взять образцы с «Магнитной Волчьей горы» и присмотреть поблизости удобное место для строительства завода [6, л. 115].

¹ Курлаев Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), старший научный сотрудник центра методологии и историографии; e-mail: evgeniikurlaev@yandex.ru.

Не составляет труда определить местонахождение магнитной руды, упомянутое в документах. Современные поселки Талица и Новоталица расположились по берегам одноименной речки, впадающей в Чусовую, и находятся в черте г. Первоуральска. А поселок Магнитка находится рядом со знаменитым рудником, чуть севернее горы Волчихи.

Первое представление об уральской руде Н. Демидов получил еще в марте 1697 г. Мастера-оружейника пригласили лично испытать в Сибирском приказе 4 пуда железной руды с Урала для использования металла в оружейном деле. В письме к «туленину» мастеру железных заводов Никите Демидову сыну Антуфьеву приказной дьяк Матвей Маскин просил сделать из руды железо и выковать из него для образца фузейные стволы и копья. Просил и поторопиться, так как Демидов затянул выполнение заказа до начала мая, «а за тем железным заводам остановку учинил». Еще тогда Никите было предложено ехать в Сибирь и заводить заводы. На что заводчик отвечал, что «самому ему ехать туды на жилье немочно. Потому что у него на Туле дом да две деревни и железных, и мельничных заводов заведено немалое число и многие заводы не довершены», но советовал отправить туда своего лучшего ученика — оружейника Марчка Евсевьева [8, л. 17–18].

В 1702 г. Н. Демидов повел себя иным образом, в отличие от 1697 г., проявив повышенный интерес к уральским рудам. 10 февраля 1702 г., когда Невьянский завод только заработал и демидовский мастер Афанасий Аврамов дал высокую оценку изготовленному здесь железу, заводчик обратился с просьбой о полной передаче ему предприятия. А в конце февраля, как только образцы с нового месторождения у Волчьей горы были испытаны в Сибирском приказе, Никита взял на испытание 1 пуд с фунтом «камни магниту старого привозу» (с Тагила) и 1 пуд с тремя фунтами «нового привозу» (с Чусовой) [8, л. 21]. Таким образом, Н. Демидов с самого начала своей деятельности на Урале знал об огромных залежах высококачественного магнитного железняка в верховьях р. Чусовой.

Никита Демидов обратился в Берг-коллегию с просьбой о строительстве железного завода на р. Ревде лишь в 1724 г. (Приложение 1). В прошении он утверждал, что обнаружил в пустых и диких местах магнитную железную руду в Сибирской губернии в Волчьей горе, хотя руду обнаружили более 20 лет назад и уже плавил на Каменском

заводе. Заводчик просил, чтобы В.И. де Геннин способствовал отводу места под завод [10, л. 38].

В связи с этим остается открытым вопрос, на каком основании огромные залежи магнитной руды, обнаруженные для казенной промышленности, через много лет оказались вновь «открытыми» Демидовыми и стали их собственностью. Для ответа необходимо продолжить поиски в документах 1715–1720-х гг.

Однако схватка работников Акинфия Демидова с работниками казенного Уктусского завода все же произошла совсем неподалеку от Магнитной горы у д. Подволошной за медный рудник (Приложение 2). В донесении фискала Евдокима Поздеева капитану Василию Никитичу Татищеву сообщалось, что в апреле 1720 г. крестьяне Агей и Алексей Селины нашли медную руду за рекой Чусовой вблизи деревни Подволошной, за что получили в качестве награды 4 рубля. Управляющий Уктусским заводом комиссар Т. Бурцов послал на это место для добычи руды плавильного мастера Бабина с 10 работниками. Одновременно к этому месту прибыли 20 человек от Акинфия Демидова во главе с Иваном Балакиным. Они прогнали казенных работников, называя это место своим. Из-за рудника возникла ссора, и уктусских рабочих прогнали [11, л. 262].

В связи с этим событием царским указом от 13 декабря 1720 г. Никите и Акинфию Демидовым под угрозой штрафа запрещалось брать руду на Подволошном руднике, поскольку им эти места под заводы не отдавали. Также запрещалось принимать без «пропускных писем» Демидовыми беглых с Уктусских заводов и наоборот [9, л. 495–495 об.]. Ранее заводчик сообщил в Берг-коллегии, что по именному царскому указу ему разрешалось в Тобольском уезде плавить медь. Поэтому требовалось найти Никиту и допросить его в Москве в приказе Артиллерии, откуда появился этот указ [9, л. 108–108 об.].

Возможно, некий указ мог быть связан с более ранними поисками в районе Магнитной горы. По словам крестьян-рудознатцев, после Л. Нейгарта интерес к поиску руды проявил верхотурский воевода Алексей Калитин, но с его уходом с должности работы были прекращены. В ответ на челобитную, распоряжением от 14 мая 1705 г. Демидову дозволялось организовать и выплавку меди. «Руду копать и заводить заводы Никите Демидову, из расчета платы из казны за выплавленную медь по 4 руб.» разрешалось там, где ранее работал верхотурский воевода Алексей Калитин [7, л. 506].

Открытия крупнейших месторождений магнитной руды на р. Тагил и на р. Чусовой сделали не Демидовы, а случайные люди, объявившие о находке в государственные административные органы. Казна, владевшая правом эксплуатировать рудники, уступила этот приоритет, скорее всего, из-за невозможности их освоить. В то же время находившийся рядом спорный медный рудник у д. Подволошной остался за Уктусским казенным заводом.

Получив право на строительство завода на р. Ревде в 1724 г., заводчики Демидовы не спешили начать строительство. Очевидно потому, что в это время велось большое строительство заводов на реках Тагил и Выя. Завод заработал только в 1734 г.

Открытие крупнейшего месторождения магнитной руды в верховьях р. Чусовой и начало его эксплуатации значительно расширило горнозаводскую империю Демидовых на юг и пополнило ее Ревдинским и Шайтанским заводами.

Приложение 1.

Донесение комиссара Никиты Демидова в Берг-коллегию о разрешении ему строительства железного завода на р. Ревде.

Слушали доношение и выписки комиссара Никиты Демидова о строении ему железного завода в Сибирской губернии в пустых и диких местах на реке Ревде, где он обыскал магнитную железную руду в Волчьей горе. Приказали, понеже он Демидов в строении железных заводов имеет охоту и обыскал магнитную железную руду в Волчьей горе, и с которой в Берг-коллегии объявил чюгун из домны. И магнитную руду копать, где пристойно. И для того в Сибирском обер-бергамте генерал-майору от артиллерии Геннину в тех дачах на реке Ревде в Волчьей горе ему Демидову для строения того завода велеть отвести места по привилегии ему генерал-майору по своему рассмотрению. И для одного отводу земли велеть послать кого пристойно. А для переделки одного чюгуна в железо построить ему Демидову молотовые железные заводы в Галицком уезде Ветлужской его Демидова вотчине. Так как людей с удовольствием. По постройке 2 года десятый пуд чугуном не брать, после десятый пуд. Беглых не брать. Что сделано, сообщать погодно, если утаит — штраф. И о том прислать погодно ведения в Берг-коллегию и Сибирский Обер-берг-амт. И ему Никите Демидову подписаться в Берг-коллегии под штрафом.

Июнь 1724 г. [10, л. 38–39]

Приложение 2.

Донесение фискала Евдокима Поздеева о конфликте из-за медного рудника у деревни Подволошной.

Благородному господину артиллерии капитану Василию Никитичу Татищеву. Доношение.

В нынешнем 1720 году апреля в Верхотурском уезде Уткинской слободы крестьяне Агей да Алексей Селены нашли рудные места в том же уезде близ деревни Подволошной за Чусовой рекой в горе от деревни в одной версте, а от Уктусских заводов в 30 верстах. С которых мест оные крестьяне объявили на Уктусе в приказе знак медной руды, которая пробована. И по пробе явилась медная руда к промыслу годна. И за тот прииск дано оным крестьянам из казны денег 4 рубли. И камисар Бурцов на оное место для добычи медной руды посылал с Уктусских заводов мастера Бабина, да с ним рабочих людей 10 человек. И работали на той руде 8 дней. И на ту руду наехали от Акинфея Демидова присланные ево люди: Иван Балакин да с ним 20 человек. И с той руды мастера с рабочими людьми согнали и впредь копать не велели. И называют то место и прииск той руды своим. А как для осмотра камисар Бурцов с протчими приезжали и в том месте никаких копей не видали. А сего сентября ездил я для осмотра около места нарошно. И оного Демидова люди на том месте руду копают и в телеги кладут, на завод к себе возят. А мне по указу Царского Величества велено того осмотреть и доносить.

Того ради прошу вашего благородия дабы повелено было сие мое доношение на Кунгуре в нашу Горных дел канцелярию принять и записать в кн. и об том указ учинить.

О сем доносит Уктусских заводов прапорщик и фискал Евдоким Поздеев. К сему доношению кунгурец Афанасей Красильников вместо прапорщика и фискала Евдокима Поздеева руку приложил.

Подпись: Василий Татищев.

10 декабря 1720 года [11, л. 262].

Библиографический список

1. Архив ФГБУН СПбИИ РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3.
2. Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. = *Metallurgical factories of the Urals XVII–XX centuries* : Энциклопедия / [Гл. ред. В.В. Алексеев]. — Екатеринбург : Академкнига, 2001
3. РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 47.
4. РГАДА. Ф. 129. Оп. 1. Д. 155.

5. Курлаев Е.А. Открытие горы Магнитной в верховьях р. Чусовой / Е.А. Курлаев // Четвертые Татищевские чтения : Тез. докл. и сообщений, Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. — Екатеринбург, 2002.

6. ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 156.

7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1301.

8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 1280.

9. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 89.

10. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 100.

11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609.

E.A. Kurlaev

The Demidov Empire Distribution in The Chusovaya River Upper Reaches

Abstract. Deposit of magnetic iron ore on the river. Chusova was discovered by state peasants, but the Demidovs appropriated this discovery. Having received the right to build a plant on the river. Revda in 1724, they were in no hurry to start construction. The plant started operating only in 1734. The start of operation of the mine and the construction of the Revdinsky and Shaitansky plants significantly expanded the Demidov mining empire to the south.

Keywords: the Demidov Empire, Revdinsky ironworks, history of metallurgy
Kurlaev Evgenii Anatol'evich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: evgeniikurlaev@yandex.ru.

УДК 947(471.5)

И.А. НОВИКОВ¹

РОЛЬ В.Н. ТАТИЩЕВА В СОЗДАНИИ ИСЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ — ПЕРВОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАУРАЛЬЕ

Аннотация. В статье рассмотрена роль начальника Оренбургской экспедиции (комиссии) В.Н. Татищева в административно-управленческой деятельности на Южном Урале при реализации Юго-Восточной политики императрицы Анны Иоанновны во второй половине 1730-х гг., что выразилось в создании Исетской провинции — уникального образования, совместившего в себе два района — горнозаводской промышленный и земледельческий Зауральский. Через 200 лет, в 1934 г. он будет воссоздан под наименованием Челябинской области.

Ключевые слова: Оренбургская экспедиция (комиссия), Исетская провинция, В.Н. Татищев, И.Н. Татищев, воевода, Южный Урал, Челябинская область.

Уже в течение долгого времени, на протяжении двух с лишним веков, жизнь и деятельность Василия Никитича Татищева находится в центре внимания исследователей. Это обуславливается широким кругозором его интересов и занятий, огромным вкладом в развитие России и неукротимой мощью личности самого В.Н. Татищева. Он поражает широтой интересов, деяний и познаний, и его идеи вписываются в систему нового мировоззрения, выражавшегося в отходе от провиденциализма к рационализму. Судьба В.Н. Татищева была сложной и неоднозначной. При жизни он более был известен как инженер и чиновник-администратор, неоднократно находившийся под судом. Позднее с его именем связывали только исторические изыскания, написание «Истории Российской». Вместе с тем немалое значение имеют и его заслуги в военно-государственной и административной деятельности, которая продолжалась около 40 лет: 16 из них

¹ Новиков Игорь Александрович, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Россия), доцент кафедры отечественной истории и права; e-mail: novikovia69@mail.ru.

приходится на военную и 25 на административную. Он был сыном своей эпохи и совмещал в себе: воина и финансиста, администратора и дипломата, политика и исследователя. В В.Н. Татищеве, как в человеке переходной эпохи, переплетались и уживались: грубость и любезность, обаяние и надменность, внешний лоск соседствовал с жестокостью. Поэтому и современные исследователи продолжают изучать его труды и проекты, многогранную деятельность, в т.ч. административно-хозяйственное наследие В.Н. Татищева: М.А. Киселев, А.И. Торопицын и др. [1; 2; 3; 4; 5], но при этом его вклад в создание Исетской провинции практически не рассмотрен в исследованиях. Еще с 1950-х гг. разные категории исследователей подробно занимались изучением социально-экономического положения населения и роли В.Н. Татищева в заложении первых южноуральских крепостей: краевед И.В. Дегтярев [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] и ученые — историк Ю.М. Тарасов [13; 14; 15; 16], географ М.И. Альбрют [17; 18; 19] и лингвист Г.А. Турбин [20; 21; 22]; в настоящее время — краевед В.В. Поздеев [23] и историки А.И. Конюченко и Г.Х. Самигулов [24; 25; 26]. Справочная информация об Исетской провинции присутствует и в энциклопедических изданиях «Челябинск» и «Челябинская область» [27; 28].

В.Н. Татищев во время своего второго пребывания на Урале, с 1734 г., развернул кипучую деятельность не только во главе канцелярии Главного заводов правления (в строительстве новых заводов и в модернизации действующих, в создании нормативных документов, регулирующих деятельность заводов, горнозаводских чиновников и населения), но и в изменении управления юго-восточными окраинами своего ведомства, которое было определено указом Анны Иоанновны от 14 февраля 1735 г.: В.Н. Татищев должен был оказывать «вспоможение» Оренбургской экспедиции, по решению Комиссии башкирских дел от 26 мая 1736 г. к его компетенции были отнесены вопросы закладки крепостных сооружений по линии Оренбургской дороги, что дало основание некоторым исследователям (М.И. Альбрют и др.) считать В.Н. Татищева основателем Челябинска. Однако в ордере от 5 августа 1736 г., выданном им откомандированному в его распоряжение А.И. Тевкелеву, нет прямого указания о построении крепости в урочище Челяби [7, с. 109; 25, с. 38–39].

10 мая 1737 г. В.Н. Татищев стал во главе Оренбургской экспедиции (комиссии), заняв эту должность по повелению Анны Иоанновны с повышением в тайные советники, после смерти 14 апреля предшест-

венника И.К. Кирилова. В обязанности Василия Никитича вверялось «ведение и правление всех у него бывших башкирских и протчих дел и комисей» [34, л. 375, 388]. Именно благодаря возложенным на него обязанностям во вспоможении в деятельности экспедиции, на имя В.Н. Татищева и отправлялись донесения о заложении первых южноуральских крепостей: Чебаркульской, Миасской, Еткульской и Челябинской: «Вашему превосходительству покорно доношу: сего сентября 2 дня на реке Миясе в урочище Челяби от Миасской крепости в 30 верстах заложил город <...>» [35].

Исетская провинция была образована 14 июля 1737 г. экстрактом В.Н. Татищева, в котором, в частности, говорилось: «Исецкой провинции быть особо и в ней быть особливому правинциальному воеводе в Чебаркуле, к которой подчинять Исецкой Окуневской и Шадринской уезд, а к тому всех зауральских башкир по реке Ай и вершину Яика, и оной правинции быть в ведении к Оренбурху» [36]. Старший брат В.Н. Татищева — Иван в 1737 г. стал первым воеводой образованной на новой территории провинции [34, л. 891 об.; 37], занимая должность в течении двух лет [29, с. 622–623, 800; 30, с. 43–44].

Образованная Исетская провинция — первое административно-территориальное образования на Южном Урале и в Зауралье, просуществовавшее до 1781 г. Провинция сыграла важную сельскохозяйственную роль снабжения продовольствием как сибирских (уральских) заводов, так и вновь осваиваемой территории Южного Урала и строившихся крепостей. В.Н. Татищев произвел экономическое районирование и создал специальное административно-территориальное образование на новой территории, умело соединив промышленность и сельское хозяйство. Кроме того, по нашему мнению, нет однозначно категорического ответа, что В.Н. Татищева нельзя считать основателем Челябинской крепости — Челябинска, что он только осуществлял общее руководство строительством крепостей на Южном Урале в 1730-е гг.

В результате деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) и созданной Исетской провинции, а затем и Оренбургской губернии, земли башкирского населения были окружены сетью крепостей, что вызывало естественное недовольство, протест и неоднократные восстания, однако позволило начать при жестком патернализме государства процесс промышленного освоения Южного Урала, поиск месторождений полезных ископаемых. Этому способствовало благополуч-

ное соединение необходимых условий (руда – вода – лес) и строительство горных заводов. 11 февраля 1736 г. вышел именной указ Анны Иоанновны, 16-й пункт которого гласил: «Хотя по прежним указам и воеводским наказам в Уфимском уезде у башкирцов земли, уголья покупать и крепить не велено, однако усмотрено, что то запрещение им, башкирцам, весьма не полезно. Того ради лутчей их впредь пользе, то запрещение отменить, и впредь, с сего указа, земли и уголья тамошним жителям, дворянам и офицерам, и мещерякам у башкирцов покупать и за себя крепить позволить», а 24-й — «О строении горных заводов» [38]. В 1744 г., Берг-коллегия и оренбургский губернатор И.И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию горных заводов на Южном Урале за счет частной инициативы. Заводчикам разрешалось покупать рудные месторождения, леса, земельные уголья для строительства заводов. Заводовладельцы на четыре года освобождались от десятинного налога и получили право продавать до 90% своей продукции по вольным ценам [39].

Именно на Исетскую провинциальную канцелярию определялась задача во вспоможении в строительстве заводов. Во многих контрактах на заведение заводов указывалось «о построении и содержании в Исетской провинции внутри Башкирии, в определенной волости, на речках, вододействуемого железного завода контракт, по которому велено» [40]. Всего с середины 1740-х гг. до конца XVIII века на Южном Урале (в пределах современной Челябинской области) было определено или разрешено строительство 23 заводов, из которых к концу века действовало 16: Златоустовский, Саткинский, Кыштымский, Катав-Ивановский и др., которые выпускали разнообразную металлургическую продукцию. Лидерами в строительстве заводов выступили симбирские купцы И.Б. и Я.Б. Твердышевы, и И.С. Мясников, которые к 1770–1780-м гг. стали обладателями крупнейшего комплекса из 11 заводов (Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Симский и др.) с восьмью тысячами душ населения [31]. Однако активно принимали участие в освоении края и строительстве заводов и тульские купцы Мосоловы и Л.И. Лугинин, дворянин Н.Н. Демидов и С.Г. и А.С. Строгановы. При этом число заводов не было постоянным. Под воздействием социально-экономических причин часть их не были построены, другие приостанавливались в росте или вовсе закрывались.

Для освоения новой территории Южного Урала и ее заселения В.Н. Татищев 2 ноября 1736 г. повелел: «Крепости или же редуты

по дороге к Оренбурху по обсчету определению генерал-поручика и статского советника Кирилова четыре построены и всем надлежащим удовлетворены, в которых ныне гарнизоны содержатся Сибирские гарнизонные солдаты, а понеже в Сибирской губернии солдатства малое число <...> повелено из пограничных Сибирских слобод ис крестьян набрать 1000 человек и употреблять их для розездов и охранения границ как с башкиров так и Зенгорских калмык <...>» [34, л. 141 об.], а спустя неделю, 10 ноября, что «<...> для осмотра той дороги послать геодезиста, инженерного ученика изнающих из Течи и Калмацкого броду крестьян двух человек <...>» [34, л. 165 об.].

В.Н. Татищев выступает сторонником меркантилизма, а его основой выступали бы промышленность и торговля; он стоял за жесткую регламентацию и вмешательство государства в деятельность частных горнопромышленников. Государство же должно содействовать и обеспечивать их рабочей силой, оказывать финансовую и техническую поддержку, посылать на заводы специальных чиновников, которые бы следили за их деятельностью [32, с. 201]. В.Н. Татищев выступает за создание металлургических заводов, которые бы производили разнообразную продукцию для своих нужд и на вывоз: «Железные здешние заводы рассудили мы устроить и содержать в таком состоянии, чтобы сверх внутренних потреб и мелких фабрик могли ежегодно в заморский отпуск годного делать» [33, с. 90]. В этом он видит обеспечение экономической и политической независимости страны. С помощью высоких пошлин В.Н. Татищев предлагал защищать русские товары от конкуренции с иностранными, то есть выступал за развитие протекционистской политики. Именно поэтому, кроме поиска более удобного места для строительства и переноса Оренбурга, будет выбрано очень удобное расположение для строительства Троицкой крепости при слиянии рук Увелька и Уй. Впоследствии эта крепость станет главной точкой соприкосновения со Средним казахским жузом, что приведет в дальнейшем к открытию ярмарки и созданию центра торговли с киргиз-кайсацкой степью и государствами Средней Азии.

При осуществлении административно-хозяйственной деятельности на Урале В.Н. Татищев продолжал заниматься и научной деятельностью. Сразу по прибытии на Урал в октябре 1734 г. он разослал во все города края «Анкету» с 92 вопросами исторического, географического и этнографического содержания. Вопросник должен был

уточнить географическую картографию, прежде всего для определения природных ресурсов региона в целях расширения заводского строительства. В 1737 г. В.Н. Татищев представляет «Предложение о сочинении истории и географии» из 198 вопросов, касавшихся истории, географии, этнографии и языка. Этот вопросник предполагалось разослать по всем районам России для их дальнейшего изучения [36].

Таким образом, несмотря на то что не обнаружено документальное подтверждение, что В.Н. Татищев является основателем Челябинской крепости, можно говорить не только об осуществлении им общего руководства строительством крепостей на Южном Урале в 1730-е гг., но и о том, что А.И. Тевкелев именно ему доносил о заложении крепости и на это сообщение отрицательной реакции В.Н. Татищева нет, а также о создании им уникального административно-хозяйственного образования — Исетской провинции, которая спустя 200 лет будет воссоздана 17 января 1934 г. после разукрупнения Уральской области и выделения из нее Челябинской. Идеи и мысли Василия Никитича Татищева опережали время на два столетия.

Библиографический список

1. **Киселев М.А.** Государственная деятельность В.Н. Татищева на Урале в 1721 г. (на примере управления Алапаевским заводом) / М.А. Киселев // Вестник Вятского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 31–38.
2. **Киселев М.А.** Проект Горного и Заводского устава В.Н. Татищева: от замысла до реализации / М.А. Киселев // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2012. — № 4(108). — С. 38–50.
3. **Торопицын И.В.** В.Н. Татищев и социально-экономическое развитие России первой половины XVIII века / И.В. Торопицын. — Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-т, 2001. — 252 с.
4. **Торопицын И.В.** Проведение В.Н. Татищевым административной реформы в Уфимском уезде (Башкирии) в 1737–1738 гг. / И.В. Торопицын // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: мат-лы междунауч. конф., 5–7 октября 2006 г. — Астрахань: Астрахан. ун-т, 2006. — С. 60–69.
5. **Новиков И.А.** Государственная деятельность братьев Василия и Ивана Татищевых на Южном Урале / И.А. Новиков // Седьмые Псков-

ские международные краеведческие чтения: мат-лы Междунауч.-практ. конф., г. Псков, 13–15 октября 2017 г.: в 2 т. Т. II. — Псков: Псков. госуд. ун-т, 2017. — С. 88–100.

6. **Дегтярев И.В.** «В бору Селябском...» / И.В. Дегтярев // Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. — С. 31–48.
7. **Дегтярев И.В.** Из истории возникновения Челябинска (обстоятельства построения Челябинской крепости) / И.В. Дегтярев // Родной край и школа. Вып. 1. — Челябинск, 1973. — С. 102–111.
8. **Дегтярев И.В.** Из истории заселения местности по среднему течению реки Миасс (начальный период) / И.В. Дегтярев // Краеведческие записки. Вып. 2 / отв. ред. В.Г. Сержантов. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. — С. 13–25.
9. **Дегтярев И.В.** История возникновения села Миасского / И.В. Дегтярев // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области (1966; с. Миасское (Челяб. обл.)). — Челябинск, 1966. — С. 81–88.
10. **Дегтярев И.В.** Как была построена Миасская крепость / И.В. Дегтярев, В.К. Егоров // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области (1966; с. Миасское (Челяб. обл.)). — Челябинск, 1966. — С. 51–54.
11. **Дегтярев И.В.** Самое старинное селение на территории Челябинской области / И.В. Дегтярев // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области (1966; с. Миасское (Челяб. обл.)). — Челябинск, 1966. — С. 73–80.
12. **Дегтярев И.В.** Челябинская старина: Сб. ст. и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е гг. XVIII – середина XIX в.) / Иван Дегтярев. — Челябинск: ЦИКНЧ, 1996. — 120 с.
13. **Тарасов Ю.М.** Заселение Исетского края (XVI–XIX в.) / Ю.М. Тарасов // Научная конференция, посвященная 225-летию г. Челябинска. — Челябинск, 1961. — С. 1–5.
14. **Тарасов Ю.М.** Русская крестьянская колонизация Южного Урала (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / Ю.М. Тарасов. — М.: Наука, 1984. — 175 с.
15. **Тарасов Ю.М.** Русская крестьянская колонизация Южного Урала в XVII и XVIII вв. / Ю.М. Тарасов // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Серия историческая. — 1968. — Т. 94. — С. 88–108.

16. **Тарасов Ю.М.** Русская крестьянская колонизация Южного Урала и ее последствия / Ю.М. Тарасов // *Вопросы истории*. — 1975. — № 11. — С. 34–49.

17. **Альбрют М.И.** О положении крестьян Исетской провинции / М.И. Альбрют // *Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области* (1966; с. Миасское (Челяб. обл.)). — Челябинск, 1966. — С. 55–62.

18. **Альбрют М.И.** Основание Чебаркульской и Миасской крепостей / М.И. Альбрют // *Краеведческие записки*. Вып. 2 / отв. ред. В.Г. Сержантов. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. — С. 3–12.

19. **Альбрют М.И.** Основание Челябинска и история его развития до крестьянской войны 1773–1775 гг. / М.И. Альбрют // *Ученые записки Челябинского отдела Географического общества СССР*. Вып. 2. — Челябинск : [б. и.], 1957. — С. 75–89.

20. **Турбин Г.А.** Из истории крестьянского заселения Южного Урала в середине XVIII – начале XIX вв. / Г.А. Турбин // *Краеведческие записки*. Вып. 2 / отв. ред. В.Г. Сержантов. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. — С. 26–36.

21. **Турбин Г.А.** Из истории русских говоров Южного Урала / Г.А. Турбин // *Краеведческие записки*. Выпуск 1. [Сб. ст. Челябинского обл. краеведческого музея]. — Челябинск: Челябинское кн. изд-во, 1962. — С. 19–136.

22. **Турбин Г.А.** К истории русских крестьянских переселений на Южный Урал в XVII – первой половине XVIII вв. / Г.А. Турбин // *Сборник статей по краеведению и истории географии*. — Челябинск, 1963. — С. 29–35.

23. **Поздеев В.В.** На заре туманной юности : По следам челябинских топонимических легенд / В.В. Поздеев // *Мат-лы науч. краеведческой конф. «Челябинск в прошлом и настоящем»* (2001, Челябинск). — Челябинск, 2001. — С. 19–23.

24. **Конюченко А.И.** Споры вокруг имени основателя Челябинска / А.И. Конюченко // *Вестник Челябинского государственного университета*. История и археология. — 2012. — № 7 (261). — С. 115–121.

25. **Самигулов Г.Х.** Из истории Челябинска: в 3 кн. Кн. 1. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 гг. / Г.Х. Самигулов. — Челябинск: Камен. пояс, 2015. — 140 с.

26. **Самигулов Г.Х.** От Далматова монастыря к Чебаркульской крепости / Г.Х. Самигулов. — Чебаркуль; Челябинск: Книга, 2011. — 280 с.

27. **Скориков А.И.** Исетская провинция / А.И. Скориков // *Челябинск : энцикл.* / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. — Челябинск: Камен. пояс, 2001. — С. 340–341.

28. **Боже В.С.** Исетская провинция / В.С. Боже, В.В. Менищikov, А.П. Скориков // *Челябинская область: энцикл.* : в 7 т. Т. 2 : Д – И / гл. ред. К.Н. Бочкарев. — Челябинск: Камен. пояс, 2008. — С. 624–625.

29. *Областные правители России, 1719–1739 гг.* / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. — М.: РОСПЭН, 2008. — 831 с.

30. **Юхт А.И.** Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. / А.И. Юхт. — М.: Наука, 1985. — 367 с.

31. **Мукомолов А.Ф.** На южноуральских заводах : в 2 кн. Кн. 1 / А.Ф. Мукомолов. — М.: Территория, 2001. — 352 с.

32. **Павленко Н.И.** «Наказ шихтмейстеру» В.Н. Татищева / Н.И. Павленко // *Исторический архив*. — 1951. — № 6. — С. 199–244.

33. **Алефиренко П.К.** Экономические взгляды В.Н. Татищева / П.К. Алефиренко // *Вопросы истории*. — 1948. — № 12 (декабрь). — С. 89–97.

34. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 139.

35. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1534. Л. 56.

36. *Историко-географическая анкета Татищева* / подг. А.Б. Каменский // *Советские архивы*. — 1985. — № 5. — С. 38–41.

37. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 757. Л. 90.

38. *Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. IX. 1733–1736 гг.* — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 744–745. — 6890. — 11.02.1736.

39. *Материалы по истории Башкирской АССР : в 5 т. Т. IV. Ч. 2.* — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 143, 147.

40. ОГАЧО. Ф. И-227. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

I.A. Novikov

V.N. Tatishchev'S Role in the Iset Province the First Southern Urals and Trans-Urals Administrative-territorial Entity Creation

Abstract. He article examines the role of the head of the Orenburg expedition (commission) V.N. Tatishchev in administrative and managerial activities in the Southern Urals during the implementation of the Southeastern Policy

of Empress Anna Ioannovna in the second half of the 1730s, which resulted in the creation of the Iset province, a unique formation combining two districts — mining industrial and agricultural Trans-Ural. 200 years later, in 1934, it will be recreated under the name of the Chelyabinsk region.

Keywords: *Orenburg expedition (commission), Iset province, V.N. Tatishchev, I.N. Tatishchev, voivode, South Urals, Chelyabinsk region.*

Novikov Igor Aleksandrovich, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of domestic history and law, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia);*

e-mail: novikovia69@mail.ru.

УДК 94(571)

В.Д. ПУЗАНОВ¹

СЛОБОДЫ ЗАУРАЛЬЯ В XVII ВЕКЕ

Аннотация. *Первые русские слободы в Сибири были построены в Верхотурском уезде. В первой половине XVII в. русское население занимало бассейн реки Туры и ее притоков: Тагила, Ницы и Пышмы. В середине XVII в. начинается русское заселение бассейна р. Исети. Русское заселение Сибири в XVII в. протекало при помощи институтов, сложившихся в эпоху русской колонизации Северо-Восточной Руси. Слободы в русских источниках упоминаются с XII в. В XVI–XVII вв. русское заселение в форме слобод из Северо-Восточной Руси пришло на окраины Русского государства. Слово «слобода» на старорусском языке означало свободу. Термин «слобода» означал в то время поселение свободных людей.*

Ключевые слова: *город, слобода, острог, уезд, крестьяне, кочевники*

В первые десятилетия русской Сибири небольшие группы русского населения фактически заселяли только города — центры административной власти в уездах. А уже затем около городов появляются деревни, которые в то время, по данным описаний, состояли обычно из 1–2 дворов с хозяйством служилых людей и других групп населения, которое проживало в городе. Позднее в Сибири начинается строительство слобод с крестьянским населением.

¹ Пузанов Владимир Дмитриевич, ФГБОУ ВО Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск, Россия), профессор; e-mail: alan1971@bk.ru.

После Смуты русские люди из городов Сибири заселяли ближайшие районы. Колонизация Сибири развивалась по традиционной для русских модели заселения новых территорий — новые поселения строились у рек, ближайших к уездному центру, а затем все более и более дальних. В первой половине XVII в. русское население занимало бассейн реки Туры и ее притоков Тагила, Ницы и Пышмы на протяжении от Верхотурья до Тюмени. Большое количество слобод возникло на реке Нице и ее притоках: Нейве и Ирбите. Подобное расположение слобод не было случайным. К северу от данного района, по р. Тавде, были очень низкие урожаи, и развитие земледелия здесь не имело перспектив. К 1645 г. в северном Пелымском уезде имелось только 56 крестьянских семей.

К югу от Туры, по р. Исети, условия для земледелия были намного более благоприятными, чем по р. Туре. Однако до середины XVII в. крестьянство не переселялось на р. Исеть по причине высокой опасности набегов кочевников. Группы крестьян, приходившие на р. Исеть для временных промыслов, даже в середине XVII в. часто подвергались нападениям отрядов Кучумовичей и ойратов.

Район по р. Туре был прикрыт тремя крупными русскими городами, имевшими значительное служилое население: это на востоке Тюмень (1586 г.), на западе Верхотурье (1598 г.), в 1600 г. в центре появился Туринск. Таким образом, выбор для крестьянской колонизации бассейна р. Туры был обусловлен двумя главными причинами: условиями земледелия и требованиями безопасности. Колонизация р. Туры в первой половине XVII в. стала компромиссом между этими двумя базовыми условиями. Русское население по р. Туре росло очень быстро. Причем этот рост был характерен, в первую очередь, для Верхотурского уезда.

Первая русская слобода в Сибири была основана на территории Верхотурского уезда, который быстро стал главным районом русской колонизации. В 1613 г. на р. Тагил возникла Тагильская слобода. В 1621 г. на р. Нейве была построена Невьянская слобода. К 1624 г. в Невьянской слободе с 15 деревнями, которые составляли Невьянскую волость, имелось 165 домов. К 1624 г. всего на территории Верхотурского уезда имелось 2 слободы, 149 деревень, где жили 1 273 дворохозяина [1, с. 40–45].

В 20–30-е гг. XVII в. русские крестьяне колонизировали район р. Ницы. В 1624 г. на р. Нице была построена Чубарова слобода.

В 1624 г. в 15 верстах к востоку от Чубаровой слободы была основана Нижняя Ницынская слобода. К 1624 г. в слободе имелось 60 крестьян, а в 1637 г. — 144, к 1645 г. — 300 дворохозяев. В 1628 г. на р. Нице была основана Верхняя Ницынская слобода, где к 1645 г. жили 85 крестьян. В 1630 г. на р. Нице была основана Рудная слобода; позднее, в 1635 г. — Киргинская слобода, где к 1645 г. имелось 256 крестьян.

Чубарова, Нижняя Ницынская, Верхняя Ницынская, Киргинская слободы были построены на территории Туринского уезда воеводами Тобольска, поэтому были приписаны к Тобольску. В 1639 г. возникла Благовещенская слобода. В 1632 г. на р. Ирбит была построена Ирбитская слобода, в 1642 г. была основана Усть-Ирбитская слобода; в 1644 г. в 20 верстах от нее была построена Белослудская слобода. В 1630 г. была основана Арамашевская слобода на р. Реж, в 1639 г. — Мурзинская на р. Нейве, в 1644 г. — Краснопольская слобода [1, с. 49–68].

В первые годы после Смуты крестьянские слободы и деревни на юге Сибири строились без оборонительных укреплений. В 20-е гг. XVII в. группы ойратов и отряды Кучумовичей совершали набеги на тюркское ясачное население и русских крестьян юго-запада русской Сибири (Верхотурский и Тюменский уезды). Эти первые набеги и вызвали строительство острогов на юге Сибири. В 1634 г. кочевники разгромили слободы по р. Нице: Чубарову, Киргинскую, Верхнюю Ницынскую, Нижнюю Ницынскую. В 1640 г. ойраты воевали Чубарову слободу, в 30 верстах от Туринского острога. В 1641 г. Кучумовичи приходили под Тюмень. Вести о крупных набегах на юг русской Сибири были в 1642–1646 гг. [2, с. 552–558].

Источники сообщают, что первые укрепления на территории Верхотурского уезда появились в 1625 г., а их строительство было вызвано вестями о набегах ойратов. В 1625 г. были укреплены обе слободы Верхотурского уезда; в Тагильской слободе, около государевых житниц, был поставлен острог без других укреплений, а около Невьянской слободы были поставлены надолбы без острога [2, с. 380].

После этого, осенью 1625 г., крестьяне Невьянской слободы били челом на царское имя «чтоб нам их пожаловати велети... поставить острог» для защиты от будущих набегов ойратов. Крестьяне отмечали, что одного острога в уезде мало, так как при набегах кочевников они не могут быстро прийти до Тагильской слободы.

Грамота Михаила Федоровича приказала воеводам Верхотурья отправить в две слободы, которые называются в ней «наши двор-

цовые села», служилых людей, которые должны были выяснить необходимость строительства там острогов. В случае положительного отзыва служилых людей воеводы должны были силами местных крестьян поставить в слободах остроги со всеми укреплениями [2, с. 381].

По данным списка Верхотурского города 1681 г., Невьянский острог был построен в 1626 г. около церкви и государевых житниц. Укрепления острога занимали 838 метров. Высота стен составляла около 4,5 метра. Острог был укреплен тремя рублеными башнями с воротами и башней без ворот. Часть острога прикрывалась рекой Нейвой. Около рва были построены надолбы. В слободе служил гарнизон беломестных казаков [3, л. 16–18]. Около острога, построенного в 1625 г., в Тагильской слободе стали селиться местные крестьяне, и возникло Тагильское село.

В 1625 г. приказчик Нижней Ницынской слободы Борис Толбузин писал в Тобольск о необходимости строительства в слободе острога. Строить острог в слободе приказчика просили ясачные люди, которые собирались отвезти в острог, во время набегов ойратов, свои семьи. Борис Толбузин просил выслать в слободу оружие и боеприпасы. В 1628 г. острог в Нижней Ницынской слободе был построен. В 1629 г. память из Тобольска приказчику Нижней Ницынской слободы требовала жить в слободе «с великим бережением», держать лошадей и скот в «крепких местах» [2, с. 416].

В 1628 г. воевода Туринска просил у Тобольского воеводы — князя Алексея Трубецкого разрешения построить в Чубаровой слободе острог, отмечая, что слобода не укреплена, в ней нет ни острога, ни других крепостей [2, с. 394]. Острог в слободе появился после 1634 г., позднее там имелось четыре затинных пищали и сорок семь пищалей ручных.

В 1644 г. верхотурский сын боярский Василий Воробьев, приказчик Ирбитской слободы, построил в ней церковь и «острог новый и надолбы» с двумя башнями и тремя воротами, которые «всякими крепостными укрепил». В остроге было построено пять государевых житниц. Стены острога имели длину 6,5 метра. Укрепление усиливали 2 рубленые башни с воротами и 3 боя. Острог был прикрыт с одного конца р. Ирбит, а с других — надолбами. К 1681 г. в остроге были 19 пищалей солдатских, затинная пищаль, 17 мушкетов. В слободе служили беломестные казаки [3, л. 21–23].

В середине XVII в. начинается русское заселение бассейна р. Исети. Первым русским поселением стал монастырь, основанный в 1644 г. старцем Далматом. Однако монастырь и группы крестьян, приходивших на р. Исеть для промыслов, подвергались нападениям кочевников. В отличие от центрального Зауралья, где строились слободы, в бассейне р. Исети первыми были построены остроги — военные и административные центры русской власти. Позднее под защитой этих центров по р. Исети возникли слободы.

В 1650 г. по приказу воеводы Тобольска В. Шереметева был построен Исетский острог. Из Верхотурья на строительство «нового острога по р. Исети» был послан конный казак Давыд Андреев с 20 стрельцами и 50 крестьянами. Около 1655 г. по приказам Верхотурских воевод Льва Измайлова (1652–1655) и Ивана Хитрово (1656–1658) сын боярский Панкратей Перхуров и верхотурские служилые люди основали Катайский острог, прикрывавший среднее течение р. Исети.

К 1660 г. на р. Исети возникло 3 новых центра колонизации: Барневская слобода, Мехонская слобода и слобода Царево городище. В 1659 г. была построена Ялуторовская слобода, прикрывавшая район впадения р. Исети в р. Тобол, на месте бывшего татарского «Явлутура городка». Важным шагом заселения Южного Зауралья стало строительство новых острогов и слобод по р. Исети воеводой Тобольска П.И. Годуновым (1667–1670) [4, с. 28].

После строительства Исетского и Катайского острогов на юге Западной Сибири были построены десятки слобод. По данным летописца Далматова монастыря, «узнали, что в преддверии Урала на юг... есть места привольные... и Русии пришлецы, со средней плоскости Сибири Западной, стесняемые в удобствах оседлой жизни, кинулись сюда толпами, изыскивая земель более хлебородных, более просторных для заселения» [5].

Строительство новых слобод особенно интенсивно в эти годы велось в Южном Зауралье. Приоритетным здесь стало крепостное строительство в районе р. Исети, ее притоков, а также по среднему течению р. Тобола. В 1668 г. началось строительство Терсяцкой слободы с острогом, в 1669 г. — Маслянской слободы на средней Исети и Бешкильской слободы на нижнем течении р. Исети [9]. Одновременно, в 70–80-е гг. XVII в., завершается процесс основания новых слобод с параллельным доселением «старых» по р. Исети, сопровождающийся полным разделом угодий Приисетья между ними.

В 1671 г. недалеко от Исетского острога строится Красногорская слобода, в 1681 г. — Ингалинская слобода. В среднем Приисетье возникают Красномысская в 1674 г., Ольховская в 1675 г. и Крутихинская в 1684 г. слободы. Позднее на верхней р. Исети строятся 2 слободы — в 1676 г. Арамилская и в 1687 г. Новая Камышевская. В 1670 г. в районе р. Миасс, на левой стороне, недалеко от места впадения ее в Исеть, была основана Усть-Миасская слобода, в 1676 г. — Окуневская слобода [10]. В 1684 г. была основана Чумлякская слобода, долго остававшаяся последним русским поселением в верховьях р. Миасса. В 1679 г. находящиеся южнее Окуневского острога угодья села Воскресенского получил Тобольский митрополитичий дом.

Исчерпанность свободного фонда земель по р. Исети и р. Миассу побуждала колонистов осваивать остальные ее притоки — реки Течу, Синару, Багаряк, а также озерную систему Приисетья. В 1682 г. была основана Теченская слобода, в 1686 г. Тамакульская слобода, в 1688 г. Багаряцкая слобода, в 1688 г. Пещанская слобода. Церковь во имя Креста Господня окружал «город деревянный рубленый» с одной башней в стене. В 60-х – начале 90-х гг. XVII в. в Среднем Притоболье были построены 11 слобод — Белозерская, Царево Городище, Суерская, Иковская, Утятская, Усть-Суерская, Камыцкая, Верх-Суерская, Емуртинская, Тебеньцкая и Салтосарайская слободы.

В 1680 г. бывший слободчик Угецкой слободы Кондратий Замятнин и беломестный казак Григорий Кондратьев обратились к тобольскому воеводе Алексею Семеновичу Шеину с просьбой разрешить им «вновь слободу строить вверх по Тоболу реке на порожней земле, промеж слободы Белозерская слободчика Стеньки Нестерова да промеж слободы Царево Городища слободчика Тимошки Невежина» [6, с. 360].

Основание Иковской слободы было семейным делом. Беломестный казак Григорий Кондратьев был сыном слободчика Кондратия Замятнина. В 1683 г. в своем дворе в Иковской слободе жил слободчик Кондратий Кондратьев сын Замятнин, который сообщил писчику Льву Поскочину, что он родился в Тюмени и служил ранее в конных казаках. В слободе жили в своих дворах и служили в беломестных казаках дети слободчика Федор Кондратьев сын Замятнин и Григорий Кондратьев сын Замятнин [7].

21 августа 1680 года указом царя Федора Алексеевича слободчики получили право основать слободу, «ехать по Тоболу вверх из Тоболь-

ска и строить слободу в устье Ика», а также разрешалось призывать в слободу на денежный оброк вольных гулящих людей и крестьянских детей со льготами. Льготы по этой грамоте были даны на более короткие сроки, от года до четырех месяцев. Слободчикам разрешили верстать в беломестные казаки без государева жалования 30 чел. с наделом земли по 6,5 десятины в поле (19,5 в трех полях). Крестьяне и казаки должны были давать «поручные записи с добрыми порутчиками, чтоб жить им в слободе мирно и дворами строится и никуда без отпуску не съехать и не бежать и никаким воровством не воровать, и после льготных годов велеть им крестьянам всякое [государево тягло тянуть и мирские подати платить]» [6, с. 361].

Слово слобода на старорусском языке означало свободу. Термин «слобода» означал в то время поселение свободных людей. Академик С.Б. Веселовский отмечал, что слободы в русских источниках упоминаются начиная с XII в., как говорили, тогда князь освобождал, т. е. разрешал лицу или коллективу «сесть» на землю, чтобы строить там деревни. Жители слобод получали значительные привилегии, находились под прямым покровительством князя и были освобождены от суда местных властей, подчинялись не наместникам и волостелям, а особому приказчику, назначенному князем. Кроме того, в Северо-Восточной Руси на 10–20 лет жители слобод получали податные льготы, т.е. были освобождены от налогов, только позднее их земли переходили в разряд тяглых. С.Б. Веселовский справедливо полагал, что благодаря слободам были заселены большие территории Северо-Восточной Руси XII–XV вв. [8, с. 201]. В Северо-Восточной Руси было не менее 250 слобод. В XVI–XVII вв. русское заселение в форме слобод из Северо-Восточной Руси пришло на окраины Русского государства. Русское заселение Сибири в XVII в. протекало при помощи институтов, сложившихся в эпоху русской колонизации Северо-Восточной Руси.

Библиографический список

1. Буцинский П.Н. *К истории Сибири* / Петр Буцинский. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2003. — С. 4–253.
2. Миллер Г.Ф. *История Сибири* : [в 2 т.] Т. 2 / Г.Ф. Миллер. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — 638 с.
3. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1263.
4. *Сибирь в XVII веке : Сб. старин. рус. статей о Сибири и прилежащих к ней землях* / Сост. А. Титов. — М. : Г. Юдин, 1890. — 216 с.

5. *Государственный архив города Шадринска (ГАШ)*. Ф. 224. Д. 3243. Л. 248.
6. *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией* : в 12 т. Т. 7. — Спб., 1859. — 374 с.
7. *Переписная книга Тобольского уезда переписи Льва Поскочина 1681–1683 (Часть 1)* / сост. Ю.В. Коновалов // Genealogia.ru : [сайт]. — 15.03.2013. — URL: <https://genealogia.ru/173/322/1681-1683-perepisnaya-kniga-tobolskogo-uezd> (дата обращения 12.10.2023).
8. **Веселовский С.Б.** *Труды по источниковедению и истории России периода феодализма* / С. Б. Веселовский. — М.: Наука, 1978. — 344 с.
9. РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 97
10. РГАДА. Ф. 199. № 481. Т. 6. Л. 6 об.

V.D. Puzanov

The Trans-Urals Settlements in the XVII century

Abstract. *The first Russian settlements in Siberia were built in Verkhotursky district. In the first half of the XVII century, the Russian population occupied the basin of the Tura River and its tributaries Tagil, Nitsa and Pyshma. In the middle of the XVII century, the Russian settlement of the river basin began. Iset. Russian settlement of Siberia in the XVII century took place with the help of institutions that developed during the era of Russian colonization of Northeastern Russia. Russian sources mention settlements since the 12th century. In the XVI–XVII centuries, Russian settlement in the form of settlements from Northeastern Russia came to the outskirts of the Russian state. The word «sloboda» in the Old Russian language meant freedom. The term «sloboda» meant at that time a settlement of free people.*

Keywords: city, settlement, ostrog, county, peasants, nomads

Puzanov Vladimir Dmitrievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Shadrinsk State Pedagogic University (Shadrinsk, Russia);
e-mail: alan1971@bk.ru.

РОЛЬ В.Н. ТАТИЩЕВА И В.И. ДЕ ГЕННИНА В ФОРМИРОВАНИИ ЕКАТЕРИНБУРГА КАК НОВОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЦЕНТРА РОССИИ

Аннотация. Деятельность В.И. де Геннина и особенно В. Н. Татищева на посту глав казенных заводов Урала и Сибири оказала мощное воздействие на формирование Екатеринбурга как нового центра развития интеллектуальной мысли в России. Здесь шла разработка новых законопроектов, писались важные труды по истории промышленности, истории, географии, переводились сочинения иностранных авторов с латинского, немецкого, голландского языков, составлялись словари иностранных языков и языков народов России. Все это оказало большое влияние на интеллектуальный потенциал населения, старшего и младшего поколения.

Ключевые слова: В.Н. Татищев, В.И. де Геннин, законопроекты, «История Российская», география, педагогика, переводы, словари.

Формирование Екатеринбурга как нового интеллектуального центра России было связано с личностями, руководившими казенными заводами Урала и Сибири, В.Н. Татищевым и В.И. де Генниным. Еще накануне официального пуска Екатеринбургского завода в строй действующих бывший глава заводов В. Н. Татищев (1720–1722), отстраненный от должности из-за жалобы всесильного А.Н. Демидова, разработал наказ комиссару Екатеринбургского завода Ф. Неклюдову, и 15 октября 1723 г., за три недели до начала работы завода, он был подписан новым главой заводов В.И. де Генниным и вручен для исполнения [1, с. 69–95]. Наказ стал важнейшей программой будущего развития Екатеринбурга как европейского города. Нам неизвестно наличие подобных документов в отношении других городов России. В 15 его главах регламентировалось содержание «канцелярии и канцеляр-

¹ Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления; e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

ских порядков», деятельность суда, порядок возведения жилья, начало и конец рабочего дня на заводских фабриках, в конторах и других учреждениях в увязке с длиной светового дня и временем года; утверждался перечень светских и религиозных праздничных дней. Излагались обязанности мастеров, караульной службы, правила организации торговли, работы кабаков, порядок пользования лесами, меры по предотвращению и тушению пожаров. Особое внимание уделялось организации школьного обучения детей, впервые в России обосновывались принципы параллельного общего и профессионального образования учащихся; регламентировались основы медицинского обслуживания населения, устройство богадельни.

С конца 1720-х гг. Екатеринбург стал центром сбора уникальной информации, обобщенной в «Описании Уральских и Сибирских заводов», поднесенном в 1735 г. В.И. де Генниным Анне Иоанновне и Сенату. Это было первое в России руководство по горному и металлургическому делу, материал к которому подбирался коллективом специалистов во главе с В.И. де Генниным и подводил итог его 12-летней деятельности по руководству заводами, в котором, как он сам отмечал, — «Показание, как оные вновь строить... как исправлять, также железо и медь в наилучшую доброту приводить, делать и пробовать, и каким образом с наилучшим порядком строение заводское производить и содержать», составленное «впредь для науки» [2, с. 13]. Эта уникальная рукопись широко использовалась специалистами горнозаводского дела, копировалась владельцами частных заводов, изучалась студентами первого высшего технического учебного заведения Санкт-Петербурга. Частично она была опубликована в 1828 г. в «Горном журнале», полностью — через 300 лет после составления, в 1937 г. В настоящее время «Описание» является бесценным источником по изучению развития промышленности на Урале и в Сибири в первой трети XVIII в.

Важным этапом превращения Екатеринбурга в крупнейший центр России по развитию новых идей стал период пребывания на посту начальника заводов В.Н. Татищева (1734–1739 гг.) — выдающегося администратора и деятеля Просвещения. При получении назначения на эту должность в марте 1734 г. Татищев воспользовался личным расположением к нему Анны Иоанновны, отверг текст инструкции, подготовленной президентом Коммерц-коллегии П.П. Шафировым, составил новую, на законодательном уровне определившую программу его деятельности «с полной мочью». Это и составление новых карт Урала

и Сибирского края, отправка их в Кабинет, приобщив к тому «обстоятельное Географическое описание»; поручение устроить в Екатеринбурге «хорошую школу» для подготовки собственных управленческих кадров, чтобы не выписывать выпускников учебных заведений из Москвы и Петербурга; «смотрение» за партикулярными заводами, назначение на них «особых шихтмейстеров», разработка инструкции для них по контролю за частными предприятиями и Горного устава; изменение налогообложения частных заводов в пользу государства и др. [3].

К претворению этой программы в жизнь Татищев приступил сразу же, приняв 8 октября 1734 г. руководство заводами от В.И. де Геннина. К январю 1735 г. был разработан наказ шихтмейстеру, определявший их обязанности как представителей государства на частных предприятиях, началась разработка и обсуждение с промышленниками и их приказчиками Горного устава, регламентировавшего взаимоотношения заводчиков с государством. В этих законопроектах Татищев обосновал мысль об определяющей роли школьного обучения для развития промышленности и обязал заводчиков открывать школы при своих заводах и обучать детей 6–12 лет грамоте, арифметике, геометрии. По собственной инициативе Татищев разработал и Заводской устав, в котором впервые были определены права и обязанности коронной администрации казенных заводов: главного правителя, его помощника, ассессоров; главного земского судьи, казначея, горного межевщика; доктора медицины, заводского комиссара. Впервые на уровне законопроекта сделана попытка регламентировать все стороны организации медицинского обслуживания населения горнозаводского Урала и школьного обучения. Но высшая власть не решилась ущемлять интересы заводчиков, пошла навстречу их просьбам, в декабре 1735 г. отменила институт шихтмейстеров, наказ потерял силу, не став законом, не были утверждены ни Горный, ни Заводской уставы [4].

С 1735 г. Татищев начал разрабатывать географию и историю России. Как он писал позднее, с 1722 по 1734 гг. «все сие время как география, так и история лежали втуне» [5, с. 8]. В письме И.Д. Шумахеру уже 5 ноября 1734 г. сообщал, что «ландкарты пермскую, вятскую и угорскую нашел я весьма неправы, и для того велел вновь описывать и мерять. К тому и степи за Уралом, до сего времени наугад положенной, немалую часть описал и, когда которую зделаю, немедля во Академию пришлю» [1, с. 171–172]. Наряду с составлением новой картогра-

фии Урала и Сибири силами прибывших с ним геодезистов Татищев начал сбор материалов и по современной географии Сибири, разработал и разослал через Тобольскую губернскую канцелярию анкету из 92 пунктов в города воеводам. В Екатеринбурге были подготовлены начала 12 глав «Общего географического описания всея Сибири» и 30 декабря 1736 г. отправлены в Академию наук [1, с. 246]. В главе «О черемисах» в 17 статьях (80–96) Татищев подробно расписал, какую информацию нужно собирать о народах России. В ней есть вопросы о названии и самоназвании народа, его происхождении, территории проживания, религии, народной медицине, обрядах, обычаях, фольклоре и др. [5, с. 37–40]. Эти вопросы он использовал для сбора информации по своим каналам и на Урале. В личной Канцелярии Татищева за 7 февраля 1736 г. отмечено: «Указ латинской школы учителю Кондратовичу о езде ему в черемисскую деревню Батемировку для испытания их веры и языка и при том даны ему вопросы...» [6]. В феврале 1737 г. Татищев отправил план и 10 глав «Описания» в Академию наук и Кабинет министров, в марте кабинет-министры его работу одобрили, Кабинет направил указы в Сибирскую и Казанскую губернии о присылке дополнительных сведений Татищеву для составления описания [5, с. 10–11].

Почти половину жизни, около 30 лет, Татищев посвятил сбору материалов и написанию своего главного труда — «Истории Российской», с которой берет свое начало российская история как наука. В Екатеринбурге он начал активно работать над первой ее частью, о чем свидетельствуют его письма, адресованные советнику Канцелярии Академии наук И.Д. Шумахеру, заказы литературы в Академию наук, организация переводов необходимых источников. В Самаре, куда Татищев отбыл в качестве главы Оренбургской комиссии, в июле 1737 – феврале 1739 г. он продолжил эту работу. В «Предъизвещении» к истории Татищев отмечал, что по прибытии в Петербург в 1739 г., приведя «Историю» «в порядок», снабдив примечаниями, «многим оную показывал, требуя к тому помосчи и разсуждения», получил противоречивые отзывы и даже обвинения и вынужден был сократить критические «рассуждения» «о монастырех и училисчах» [7, с. 85]. Т. е. к марту 1739 г. Татищев подготовил вариант первой части «Истории».

На Урале Татищев пополнил круг рукописных источников и в письмах И.Д. Шумахеру сообщал: «Здесь я добыл истории, напи-

санные по-татарски, одну из которых я послал для перевода...»; «Историю Сибири, которую 110 лет тому назад написал некто по фамилии Станкевич и продолжение которой находят в разных местах, я расширил, собрав несколько списков, и кое-что в соответствующих местах дополнил выписками из архивов многих городов...». «Нашел здесь книгу, написанную очень старинным почерком, в которой описан поход царя Иоанна в Ливонию, а также прибытие польского короля Стефана к Пскову» [1, с. 214, 246, 247].

Судя по каталогу личной библиотеки Татищева, он привез на Урал сочинения Геродота и римских историков: Корнелия Непота, Тита Ливия, Валерия Максима, Плутарха, Тацита, Флора [8], здесь работал с ними и первым из российских историков использовал труды античных авторов в качестве источников. Геродоту Татищев посвятил 12-ю главу первой части, привел его данные о народах, населявших юг Руси в древности. По нашим подсчетам, на 105 страницах из 208 первой части имеются ссылки на его труд — высочайший индекс цитирования. Татищев приводит многочисленные данные из труда Корнелия Непота; из сочинение Тита Ливия передает легенду о названии Рима, приводит сведения о первых правителях, о появлении обычая носить изображение орла перед войском и др. Из «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян Плутарха (50 биографий) Татищев использовал в своей «Истории» сведения из сочинений: «Мария», «Фемистокла», «Тезея», «Солона», «Жития Камилла», «Жития Агриколы»; привел сведения Плутарха о путешествиях Геродота, о почитании в Риме книг Корнелия Непота, о скифах и других древних народах, об обычаях греков и пр. Сочинение Тацита в переводе с греческого на немецкий, приобретенное в Стокгольме в 1725 г., активно использовал, выясняя географию проживания европейских народов в древности, их языки [9]. Все эти сочинения остались в составе его собрания в Екатеринбурге, т. е. он завершил работу с ними, взяв в Самару лишь 11 необходимых книг [9, с. 484–486].

В связи с работой Татищева над «Историей» Екатеринбург стал центром переводческой деятельности. Переводчиком с латинского языка стал выпускник Киево-Могиланской академии, учитель латинской школы Екатеринбурга Кириак Кондратович, подготовивший перевод 6 сочинений, один из экземпляров которых отправлялся и в библиотеку Академии наук. Переводилась «История Геродота» с немецкого языка (Франкфурт-на-Майне, 1593); с голландского — книга датча-

нина Избранта, возглавлявшего русское посольство в Китай в конце XVII в. (Амстердам, 1704). По собственной инициативе главный межевщик И. Юдин перевел с немецкого сочинение Ленеисса о проведении горных работ на рудниках (Стокгольм, Гамбург, 1690). Читали и переводили классиков античности и учащиеся немецкой и латинской школ, несколько учеников были определены переводчиками при мастерах-иноземцах на заводы Урала и Сибири [10, с. 311–341, 203–208; 11].

Узнав в 1735 г. о намерении Академии наук повторно издать Соборное уложение, Татищев в письме к И.Д. Шумахеру 21 декабря 1735 г. отметил своевременность издания: «Это в высшей степени нужное и полезное дело, так как повсюду в Уложении чрезвычайная нужда, так что его нельзя купить даже за тройную цену; поэтому судьи часто по неведению ошибаются, а просители вовлекаются в более тяжелые тяжбы». При этом отметил: «Однако же, если Уложение будет напечатано в том виде, в каком оно сейчас имеется, то большой пользы оно не принесет, так как в нем имеется много несовершенств и неисправностей или отклонений». Татищев предложил напечатать текст с учетом поправок, внесенных в Уложение последующими указами, сформулировал 10 подробных замечаний в отношении будущего текста. Внес и ряд важных предложений, в том числе: в предисловии оговорить «право монархов ...объявлять законы, устанавливая новые, исправлять или отменять старые», право подданных подавать законопроекты, «при составлении законов... соблюдать в словоупотреблении, синтаксисе... определенные правила, «чтобы те, кому поручено составление законов, могли ими пользоваться» [1, с. 214–216]. Это был совершенно новый подход к публикации важнейшего законодательного акта, активно использовавшегося в судопроизводстве всех гражданских госучреждений России.

В Екатеринбурге Татищев продолжил работу над «Разговором двух приятелей о пользе науки и училищах» — знаменитым трактатом, принадлежащим истории русской общественно-политической мысли России, о чем свидетельствует существование его второй редакции 1736 г., отмеченной С.Н. Валком в предисловии к изданию [12, с. 15]. В Екатеринбурге Татищев завершил составление сборника русских пословиц и 17 февраля 1736 г. отправил его в Академию наук [1, с. 240]. Из 1339 пословиц, включенных в сборник, 2/5 сохранены Татищевым для потомков. Эта уникальная работа Татищева увидела свет только в 1961 г. [13].

Именно в годы руководства заводами Урала и Сибири Татищев наиболее ярко проявил себя как выдающийся деятель Просвещения, теоретик и практик педагогики. Новшеством явились формулировки важнейших теоретических положений педагогики, введенные им в текст Заводского устава как законопроект — о разумном чередовании учебы и отдыха детей, об установлении часов обучения в зависимости от возраста, обосновании пользы параллельного обучения чтению, письму и арифметике, гуманные методы обучения и воспитания детей, привлечение в школы детей иноверцев наравне с русскими. Эти положения были включены и в текст инструкции, врученной главному межевщику И. Юдину, ответственному за деятельность школ от лица Канцелярии [4, с. 47–48, 50].

В «Учреждении, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» — инструкции, написанной в ноябре 1736 г. — Татищев сформулировал требования к личности учителя, определил его обязанности, методы обучения чтению, письму, арифметике, задачи нравственного воспитания. Впервые в российской педагогике установил круг предметов и ремесел, необходимых для профессиональной подготовки будущих работников заводов, сформулировал положения о гигиене школьников [1, с. 235–243]. «Учреждение» расценивается исследователями как лучший устав народной школы России первой половины XVIII в. [14].

По инициативе Татищева в Екатеринбурге силами учителей иноязычных школ, в первую очередь К. Кондратовича, а также Б. Штермера и Л. Сехтинга, велось составление языковых словарей. В 1736 г. составлялся русско-латино-немецкий, работу над которым начали ученики латинской школы, выписывая латинские слова из иностранных лексиконов. В 1738 г. начал составляться другой словарь, латино-русско-немецкий, и в этой работе Кондратовичу помогал Сехтинг. Кондратович составлял также словари татарского, вотяцкого (удмуртского), остяцкого (языка хантов), вогульского (манси), чувашского и черемисского языков в соотношении с русским. Кондратович составлял и большой словарь имен, упоминаемых в Библии, задуманный, видимо, Татищевым для лучшего постижения Священного Писания, распространения знания о святых, их жизни и деяниях. Одновременно такой словарь мог стать и нравственным руководством для подрастающего поколения. Эта идея овладела Татищевым, вероятно, в связи с работой над первой частью «Истории Российской»,

где он часто ссылался на Библию, используя жития святых в качестве исторического источника [10, с. 103–105, 341–355].

Огромное значение имело формирование Татищевым в Екатеринбурге уникальной библиотеки на иностранных языках, содержащей новейшие издания Академии наук и лучшие сочинения западноевропейской литературы по различным отраслям знания и передача Татищевым в ее состав личной библиотеки. Эти книги не лежали мертвым грузом, а активно использовались читателями, в том числе учащимися школ [9].

Пребывание Татищева на должности главы казенных заводов Урала и Сибири в 1734–1739 гг., высочайший интеллектуальный потенциал его личности, его деятельность, в том числе и в сфере Просвещения, оказали большое воздействие на определенную часть населения Екатеринбурга, способствовали интеллектуальному развитию как старшего, так и младшего поколения жителей.

Библиографический список

1. **Татищев В.Н.** *Записки. Письма. 1717–1750* / В.Н. Татищев. — М.: Наука, 1990. — 436 с.
2. **Геннин В. де** *Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735* / Вильгельм Де-Геннин; Предисл: акад. М. А. Павлова. — М.: История заводов, 1937. — 656 с.
3. *Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. IX. 1733–1736 гг.* — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — С. 290. — 6559. — 23.03.1734.
4. **Сафронова А.М.** *В. Н. Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е гг.)* / А.М. Сафронова // *Уральский исторический вестник.* — 1995. — № 2. — С. 40–51.
5. **Андреев А.И.** *Труды В.Н. Татищева по географии России* / А.И. Андреев // *Татищев В.Н. Избранные труды по географии России.* — М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. — С. 3–35.
6. РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 65 об.
7. **Татищев В.Н.** *История Российская: в 7 т. Т. 1.* / В. Н. Татищев. — М.; Л.: Наука. 1962. — 499 с.
8. **Астраханский В.С.** *Каталог Екатеринбургской библиотеки В.Н. Татищева 1737 г.* / В.С. Астраханский // *Памятники культуры. Новые открытия = Monuments of culture. New discoveries : письменность, искусство, археология : ежегодник.* — Л., 1981. — С. 12–37.

9. Сафронова А.М. В.Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбургa : опыт исторической реконструкции / А.М. Сафронова. — Екатеринбург, 2011. — 552 с.

10. Сафронова А. М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбургa (1735–1750-е гг.) / А.М. Сафронова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 432 с.

11. Сафронова А.М. Первые переводчики Екатеринбургa / А.М. Сафронова // Компаративные филологические исследования в эпоху глобализации : моногр. : электрон. сетевое изд. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. — С. 232–240. — Текст : электронный. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/120900/1/978-5-7996-3611-1_2023.pdf. — Дата публикации: 24.01.2023.

12. Татищев В.Н. Избранные произведения / В.Н. Татищев. — Л.: Наука, 1979. — 464 с.

13. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Изд. подгот. М.Я. Мельц [и др.]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 47–64.

14. Буров А.А. Первый устав русской народной школы / А.А. Буров // Советская педагогика. — 1960. — № 6. — С. 119–129.

A.M. Safronova

The V.N. Tatischev and V.I. Gennin Role in Ekaterinburg as a New Intellectual Center of Russia Formation

Abstract. *The activity of V. I. Gennin and especially of V. N. Tatishchev as heads of the state-owned factories of the Urals and Siberia had a powerful influence on the formation of Ekaterinburg as a new center for the development of intellectual thought in Russia. New bills were drafted here, important works on industrial history, history, geography were written, works of foreign authors were translated from Latin, German, Dutch, dictionaries of foreign languages and languages of the peoples of Russia were compiled. All this had a great impact on the intellectual potential of the population, older and younger generations.*

Keywords: V. N. Tatishchev, bills, “History of Russian”, geography, pedagogy, language dictionaries.

Safronova Alevtina Mikhailovna, Doctor of History, Professor, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alevtina.safronova@gmail.com.

УДК 930.253

А.Н. ТОРОПОВ¹

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена проблемам изучения истории Верх-Исетского горнозаводского округа. Автор пытается выделить наиболее важные комплексы архивных материалов по истории округа, которые хранятся в архивах России.*

Ключевые слова: архивные материалы, история Урала, металлургические заводы, Верх-Исетский горнозаводской округ.

Верх-Исетский чугуноплавильный и железоделательный завод — не только одно из старейших и известнейших на Урале предприятий, не только один из крупнейших заводов региона дореволюционного периода, но и в конце XVIII – начале XX веков — административный центр Верх-Исетского горнозаводского округа. Завод был построен в 1726 году по распоряжению В.И. де Геннина, затем при массовой раздаче заводов в руки вельмож был передан графу Р.И. Воронцову на очень льготных условиях в 1758 году, а уже в 1774 году был продан последним Савве Яковлевичу Яковлеву [1, с. 100–101]. По мнению исследователей, этот переход в руки одного из крупнейших российских предпринимателей своего времени сыграл важнейшую роль в судьбе самого предприятия, сделав его одним из самых заметных в истории уральской промышленности. Произошедший после смерти Саввы Яковлева раздел его заводского хозяйства привел к появлению отдельного Верх-Исетского горнозаводского округа, что также серьезно повлияло на развитие самого Верх-Исетского завода и других входивших в округ предприятий [2].

В свое время Верх-Исетский завод строился казной как вспомогательный к Екатеринбургскому заводу, но после его передачи графу Воронцову увеличил количество кричных молотов, стал самостоя-

¹ Торопов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), доцент, ассистент кафедры документоведения, архивоведения и государственного управления; e-mail: Atoropoff@rambler.ru.

тельным предприятием. После приобретения завода Саввой Яковлевым и особенно после раздела его хозяйства роль предприятия значительно изменилась. Верх-Исетский завод становится центром самостоятельного уральского заводского хозяйства, центром формирующегося горнозаводского округа, а также продолжает свое развитие как одно из крупных металлургических предприятий Урала. Роль заводоладельцев Яковлевых в этих процессах, имевших решающее значение для истории завода, а впоследствии и важное значение для истории города Екатеринбурга, бесспорна.

Истории Верх-Исетского чугуноплавильного и железодельного завода и других заводов, входивших в Верх-Исетский горнозаводской округ, посвящено множество различных научных трудов, однако для комплексного исследования этапов и основных процессов, происходивших в данном округе во второй половине XVIII – начале XX в., необходимы выявление и анализ источников во многих архивах страны.

Наиболее важные материалы по этой теме, на наш взгляд, находятся в фондах Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пермского края и, разумеется, Государственного архива Свердловской области, а также других архивов. Причем важнейшие источники по данной теме находятся в десятках фондов различных архивов, однако из большего числа этих фондов следует выделить самые основные, содержащие большие массивы разнообразной информации.

Для комплексного исследования истории Верх-Исетского горнозаводского округа в период его вхождения в заводское хозяйство Яковлевых необходимо обратить внимание в первую очередь на такие основные проблемы, как изучение роли заводоладельцев в управлении округом, организацию управления им, производственные связи внутри горнозаводского округа, производство и сбыт продукции. Разумеется, нужно рассмотреть численность и состав рабочих кадров заводов округа в разные годы его функционирования. И очень важно обратить серьезное внимание на роль государственного контроля над работой горнозаводского округа на разных этапах указанного периода. Чтобы собрать всю вышперечисленную информацию для последующего анализа, невозможно ограничиться работой только в одном из этих государственных архивов. Также необходимо учитывать, что,

к сожалению, часть документов в силу разных причин не сохранилась. Поэтому источники по истории Верх-Исетского горнозаводского округа, отложившиеся в разных архивах, дополняют друг друга.

Переход Верх-Исетского чугуноплавильного и железодельного завода, как и других уральских заводов, к Савве Яковлеву сделал его частью огромного заводского хозяйства Яковлевых, имевшего сложную структуру управления. Пока это заводское хозяйство было единым, общее руководство им осуществлялось из одного центра, который находился в Санкт-Петербурге, а непосредственно на Урале управление всеми заводами хозяйства велось из Невьянской заводской конторы. Поэтому для изучения этого периода истории заводов, которые в дальнейшем войдут в Верх-Исетский горнозаводской округ, необходимо обратиться в первую очередь к фонду Невьянского горнопромышленного общества Российского государственного исторического архива, где имеется некоторая информация о «самом древнем этапе» истории заводского хозяйства Яковлевых, и фонду Правления заводами Невьянского горнопромышленного акционерного общества Государственного архива Свердловской области. Правда, в последнем документация периода второй половины XVIII – начала XIX века фактически не сохранилась [3; 4].

После раздела наследства Саввы Яковлева при его сыне Иване Саввиче начинается формирование Верх-Исетского горнозаводского округа, серьезно повышается значение Верх-Исетского чугуноплавильного и железодельного завода. Данный процесс будет продолжен при наследниках уже Ивана Яковлева, владельцев Верх-Исетского горнозаводского округа в XIX–XX веках: Алексее Ивановиче Яковлеве, Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор и т.д. О развитии Верх-Исетского горнозаводского округа в конце XVIII – начале XX веков сохранилось уже гораздо больше информации в фондах Государственного архива Свердловской области (Акционерного общества Верх-Исетских горных механических заводов, бывших Яковлева) и Российского государственного исторического архива (Главного управления Акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов). В фонде Акционерного общества Верх-Исетских горных механических заводов, бывших Яковлева, отложились материалы о Верх-Исетских заводах с конца XIX века. В фонде Главного управления Акционерного общества Верх-Исетских горных и механических заводов отложилось большое количество дел, связанных с историей всего заводского хозяйства

Яковлевых с его основания и истории Верх-Исетского горнозаводского округа на протяжении всего дореволюционного периода [5; 6].

Также при изучении разных этапов развития Верх-Исетского горнозаводского округа необходимо учитывать, что в XVIII веке в Российской империи горнорудной промышленностью заведовала Берг-коллегия, которая была упразднена в самом начале XIX века, когда на смену Берг-коллегии пришел Горный департамент, просуществовавший под разными названиями до 1918 года. В Российском государственном архиве древних актов в фонде Берг-коллегии отложились дела, связанные с контролем государственных органов над частной металлургической промышленностью в XVIII – начале XIX вв., в том числе и над Верх-Исетским горнозаводским округом. В фонде Горного департамента Российского государственного исторического архива соответственно хранятся дела, связанные с контролем государственных органов над частной металлургической промышленностью в XIX – начале XX вв., в том числе и над уральскими заводами Яковлевых [7; 8]. Большое значение для истории указанного округа, конечно же, имеют дела, отложившиеся в фонде Уральского горного правления Государственного архива Свердловской области. Это материалы по взаимоотношениям местных органов государственной власти (Канцелярии Главного заводов правления и др.) с заводовладельцами и администрацией их заводов, приводится статистическая информация о состоянии предприятий, объемах производства и многое другое [9].

Разумеется, выше названы только несколько наиболее важных, на наш взгляд, из большого числа фондов разных архивов, которыми нельзя ограничиваться исследователю данной темы. Например, некоторые дополнительные, но очень важные проблемы можно изучить только с помощью материалов, отложившихся в Государственном архиве Пермского края, в фондах Пермского губернского правления, Канцелярии Пермского губернатора, Пермского наместнического правления и др. [10; 11; 12].

Таким образом, комплексное исследование истории Верх-Исетского горнозаводского округа в период его вхождения в заводское хозяйство Яковлевых невозможно без проведения исследовательской работы в разных архивах. Это связано как с развитием системы управления металлургической промышленностью России и Урала в указанный период, так и с особенностями формирования и развития самого округа. Также важным фактором является то, что часть документов

была утрачена. На наш взгляд, наибольший интерес для исследователя представляют несколько архивных фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Свердловской области. Однако нельзя ограничиваться работой только в этих архивах.

Библиографический список

1. *Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. = Metallurgical factories of the Urals XVII–XX centuries : Энциклопедия / [Гл. ред. В.В. Алексеев]. — Екатеринбург : Академкнига, 2001.*
2. **Торопов А.Н.** *Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII – начале XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Н. Торопов. — Екатеринбург, 2004.*
3. РГИА. Ф. 73. Оп.1.
4. ГАСО Ф. 78. Оп. 1.
5. РГИА. Ф. 56. Оп.1.
6. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1–2.
7. РГАДА. Ф. 271.
8. РГИА. Ф. 37.
9. ГАСО. Ф. 24.
10. ГАПК. Ф. 36.
11. ГАПК. Ф. 65.
12. ГАПК. Ф. 316.

A.N. Toropov

Archival Materials on the Verkhny Isetsky Mining District the Second Half of the XVIII – early XX Century History

Abstract. *The article is devoted to the problems of the history of the Verch-Isetski Mining and Metallurgical District. The author tries to identify the most important complexes of archival materials on the history of this district, in the archives of Russia.*

Keywords: *archival materials, history of the Urals, metallurgical plants, Verch-Isetski Mining and Metallurgical District.*

Toropov Andrey Nikolaevich, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Assistant at the Department of Document Management, Archival Studies and History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: Atoropoff@rambler.ru.*

УДК 365(069.9)

П.И. ТОРОПОВА¹

«КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС» В ЕКАТЕРИНБУРГЕ КОНЦА XIX ВЕКА (проблемы сохранения и музеефикации)

Аннотация. *Съем и сдача жилья в аренду в конце XIX века — социокультурный феномен, запечатленный в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка как писателя-уральца и на страницах газет того времени — нуждается в изучении и сохранении, важен для истории города Екатеринбурга. Летом 2023 г. в музее Мамина-Сибиряка прошла выставка «Сдам квартиру со всей обстановкой». Статья раскрывает основные принципы музеефикации «квартирного вопроса» конца XIX в.*

Ключевые слова: *Д.Н. Мамин-Сибиряк, история Екатеринбурга, музейная выставка, музеефикация социокультурного феномена, «квартирный вопрос».*

В 2023 году в Екатеринбурге, в доме-музее Д.Н. Мамина-Сибиряка прошла выставка «Сдам квартиру со всей обстановкой». Через музейную экспозицию посетители смогли представить себе социокультурный феномен — «квартирный вопрос» — ситуацию на рынке жилья в Екатеринбурге в конце XIX века.

В Екатеринбурге конца XIX века поиск жилья был делом нелегким. Агентства недвижимости начали появляться в конце XIX века только в Москве и Санкт-Петербурге. В уездном Екатеринбурге можно было подыскать квартиру так: спросить у дворников, поискать объявления в газетах, потолкаться на рынках.

В 1878–1891 годах известный писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк был жителем города Екатеринбурга. Как вдумчивый, внимательный человек, он подмечал детали, касающиеся общественной жизни нашего города. «Квартирный вопрос» остро стоял перед жителями Екатеринбурга в конце XIX века: рынок жилья не был таким широким, как сейчас, но и не каждый житель города мог позволить себе купить жилье.

¹ *Торопова Полина Игоревна, МАУК «Объединенный музей писателей Урала», научный сотрудник отдела «Литературно-мемориальный дом-музей Д.Н. Мамина-Сибиряка» (Екатеринбург, Россия); e-mail: toropova-polina2012@yandex.ru.*

Мамин-Сибиряк как бытописатель включал в свои произведения повседневные городские реалии. Его персонажи снимали квартиры и покупали жилье, и автор использует эти детали для характеристики самих персонажей. Летом 2023 года в Доме-музее Мамина-Сибиряка прошла выставка, посвященная жилищным вопросам конца XIX века в Екатеринбурге, называлась она «Сдам квартиру со всей обстановкой».

Так квартирный вопрос был музеефицирован путем создания временной экспозиции. Термин «музеефикация» здесь необходимо понимать как преобразование социально-бытовых фактов, реалий из жизни города Екатеринбурга в музейный экспонат, в объект выставочной деятельности.

Благодаря музеефикации жители и гости города получили возможность познакомиться с рынком недвижимости более чем вековой давности, сравнить современные условия с теми, что предлагались в конце позапрошлого столетия.

Очень важно иметь «свой родной угол», как писал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Уж он-то знал, как непросто найти удобное и недорогое жилье, ведь в Екатеринбурге писатель сменил несколько квартир, и только в 1885 году приобрел собственный дом на ул. Соборной, 27.

Что же представляли собой Екатеринбург и его население в то время?

26 марта 1887 года в Екатеринбурге прошла однодневная перепись населения. Результаты ее были опубликованы в историко-статистическом сборнике «Город Екатеринбург», 1889 год.

Согласно переписи, в Екатеринбурге выстроено: 582 каменных, 575 полукаменных и 4335 деревянных домов с флигелями. Каменные в общем числе домов составляют лишь 10%, столько же — полукаменные, а деревянные — 78%. Насчитали 77% одноэтажных домов, 21% двухэтажных, менее одного процента трехэтажных и всего 0,07% четырехэтажных домов.

Домохозяев в городе — 13 283 человека, а квартирантов — 16 501 человек. Есть также рабочие, живущие при месте работы (5,5%), прислуга (10%), служащие, живущие у своих доверителей (3,3%), солдаты (1,1%). «Таким образом, собственные дома имеет лишь треть жителей города, остальные же две трети живут на квартирах», — читаем в историко-статистическом сборнике «Город Екатеринбург» под редакцией И.И. Симанова [6, с. 82].

Как уже говорилось, в Екатеринбурге конца XIX века поиск жилья для съема или покупки был делом нелегким. Можно было подыскать квартиру одним из следующих способов: разместить объявление в газете, расспросить дворников, последовать совету друзей и даже просто прогуляться по городу, присматриваясь к домам и квартирам.

Для того чтобы конкретизировать концепцию выставки «Сдам квартиру со всей обстановкой», был проведен анализ газетных объявлений за 1879–1885 гг.

Газеты играли роль современных социальных сетей: «Екатеринбургская неделя», «Урал», «Зауральский край». Там публиковали объявления, в том числе о сдаче в наем или продаже домов. Например: «Квартира отдается в Колобовской улице, дом каменный со всеми удобствами и мебелью» [4, с. 1].

Или: «Продается дом полукаменный, двух-этажный, с мезонином в 12 комнат, с удобствами. При нем два флигеля с надворным строением, под которым усадебной земли — по улице 20 сажень, в глубь двора 30 сажень. Находится в 2 ч. г. Екатеринбурга, по Основинской улице, на берегу реки Исети. О цене спросить домовладелицу Рябинину» [4, с. 1]. Это объявление помещалось на 7 строках первой страницы газеты, а публикация одной строки в таком заметном месте стоила 25 копеек, так что поместить его мог только состоятельный человек.

Интересно, что в объявлении не указывали цену за аренду квартиры или дома. Домовладелец хотел сначала посмотреть на будущего квартиранта, чтобы оценить его платежеспособность и благонадежность.

Объявление от 1 мая 1885 года, размещенное в газете «Екатеринбургская неделя» на второй полосе второй страницы: «Продается дом В.А. Грамматчикова с усадебной землею по кварталу Малаховского ключа, между улиц Васнецовской и Кузнецкой. О цене спросить А.А. Глухих в городской управе» [1, с. 2]. Расположение дома указано лишь ориентировочно, но зато видна тенденция того времени: дома именовались по фамилии первого владельца.

Интересное объявление в том же номере газеты на 3-й странице: продаются с «рассрочкою платежей» дома, оставшиеся за нижегородско-самарским земельным банком за неплатеж взносов. Дома так и названы: «Дом, бывший Долганова» и «Дом, бывший Осинцева» [1, с. 3].

Недвижимость продается долго, и объявление кочует из номера в номер. Например, несколько лет подряд продавались «Дача Авилова», а также «500 десятин земли».

Сдать квартиру «со столом» предлагали в конце XIX века: это означало, что хозяин обеспечивал квартиранта и горячими обедами.

Но не только «со столом» предлагалось жилье: одно из объявлений гласило, что дом продается «с местом в ревдинском заводе», а в другом имелось указание на доходность: «Дом приносит 1000 рублей годового дохода» [3].

Анализ объявлений в газетах конца XIX века показал, что в то время для владельцев недвижимости было актуально найти платежеспособных квартирантов, а последние стремились найти хорошее, но недорогое жилье. Домовладельцы пытались привлечь покупателей и жильцов: предлагали дома со столом, с отоплением, с отдельным выходом, предлагали рассрочку, место «в заводе», давали указание на доходность дома.

В конце XIX века были также аналоги современных агентств недвижимости. В газете от 3 октября 1884 года опубликовано объявление от «Конторы госпожи Баландиной» [2, с. 12]. Эта дама предлагала не только жилье в Екатеринбурге и Шадринске, но и лавки в Екатеринбурге и Нижегородской ярмарке, и мельницу в Тюмени. Объявление госпожи Баландиной длинное и стоит дорого, но помещается не на первой странице, а ближе к концу, что позволяет предположить все-таки средний достаток владелицы конторы.

Сам писатель из квартироръемщиков перешел в разряд покупателей жилья в 1885 году. Он 9 марта 1885 года приобрел «дом и домовую усадьбу» по ул. Соборной у вдовы Анны Федоровны Сушиной. Откуда же писатель узнал о том, что продается дом? В доступных для изучения номерах газеты «Екатеринбургская неделя» за 1884 и 1885 год не было объявлений о продаже дома по улице Соборной.

Ответ на поверхности: Мамин давно жил в Екатеринбурге, был знаком с его жителями, с местной интеллигенцией, и дом, который готовился для продажи, ему могли указать знакомые, соседи или близкие друзья.

Свой опыт квартироръемщика и покупателя, свои наблюдения за общественной жизнью города Мамин использовал как материал для своих произведений. Так, его персонажи снимают и сдают, продают и покупают недвижимость.

Катенька Ордина в рассказе «Комбинация» (1889) — носитель прогрессивных идей Надежды Бахаревой из «Приваловских миллионов». Она — неродная дочь хозяевам дома, падчерица жены персонажа, и потому ее «сбивают» замуж за преподавателя гимназии не первой молодости по прозвищу «Комбинация», за Владимира Кекина. Тем временем восторженная девушка влюбляется в мужа своей гимназической подруги Любочки.

«Мужчина все себе может позволить и ни за что не отвечает. Женщины должны удовлетворяться тем, что достанется...» [5, с. 373] — вызывает Катенька жениха на откровенность. Но вместо ответной откровенности она слышит от него простой, но взволнованный рассказ о квартире: *«Я лучше расскажу вам о квартире, то есть о нашей квартире. Да. Всего пять комнат, мебель я беру напрокат, улица тихая и недалеко от гимназии, одним словом — все условия... да, все условия»* [5, с. 373].

Но Катенька вновь возвращается к разговору о том, что она — «девушка с прошлым». Здесь вступают в противоречие мысли жениха о быте и мысли невесты о несправедливости женского бытия в мире, где правят мужчины. Заканчивает Катенька плохо: после родов она умирает, но влюбляется в собственного мужа и открывает ему тайну о чужом ребенке.

В романе «Приваловские миллионы» большое значение автор придает домам и квартирам. Через характеристику жилья показаны характеры героев, их привычки. Подробно описана обстановка в жилищах в романе «Горное гнездо», в рассказах «Наследник», «Суд идет» и т.д.

«Квартирному вопросу» в Екатеринбурге в конце XIX века в музее Мамина-Сибиряка была посвящена временная выставка. Располагалась она в двух залах, в каждом из которых были представлены условные три комнаты дома XIX века.

Название выставки отсылает к текстам объявлений из газет конца XIX века и призвано привлечь посетителей в дом-музей. Бывали случаи, что гости музея спрашивали: правда ли, что эти комнаты сдаются?

Тематическая фондовая выставка «Сдам квартиру со всей обстановкой» знакомит посетителя с темой сдачи и аренды жилья в конце XIX века, а также с фондовыми предметами из малодоступной широкому посетителю крупногабаритной коллекции мебели ОМПУ. Экспо-

зиция направлена на раскрытие темы, концепции выставки: посетитель попадает в обстановку дома конца XIX века и ощущает себя «квартирантом», который выбирает для себя жилье. Выставка структурирована через систему взаимосвязанных разделов. Разделы на выставке — это комнаты: прихожая, библиотека, кабинет, гостиная, столовая и будуар. Друг от друга они отделены по смыслу экспонируемых предметов, разделены между собой условными линиями на полу, обозначающими стены и двери.

Также имеет место здесь так называемый ансамблевый показ, показ различных предметов одной эпохи в комплексе так, что один музейный экспонат дополняет другой. Экспозиционный комплекс реконструирует существовавшую среду бытования музейного предмета. Например, в условной «столовой» экспонировались совок и щетка для крошек, каких не увидишь в современных квартирах и домах. В зрительном восприятии экспозиционный комплекс представляет собой законченное целое, и только в контексте окружающей обстановки становится понятно назначение данного предмета.

Предметы интерьера конца XIX века, которые находятся в обстановке музея постоянно, такие, как зеркало, пианино, стол-подцветочник, были вписаны в экспозиционный комплекс. Так, зеркало заняло свое место в условной прихожей, пианино — в гостиной и т.д. Но также требовалось вписать в выставочный ансамбль музейные витрины, сделав так, чтобы сами витрины и экспонируемые в них предметы не выбивались из общей концепции выставки.

Так, большая стеклянная витрина на 9 ячеек осталась в условной библиотеке в виде книжного шкафа, а высокая витрина вписалась в обстановку будуара, внутри находилось дамское платье на манекене. Нашли место на выставке и другие витрины. Также старинные предметы мебели (книжный шкаф, горка для посуды) стали своеобразными витринами, на их полках разместились книги и предметы быта конца XIX – начала XX века: посуда, салфетки ручной работы, пробки для графина и т.д.

Сюжетность выставки предполагала наличие как минимум двух действующих лиц: квартирному хозяину и квартиросъемщику. Концепция выставки подсказала оригинальный подход к экскурсии: она была театрализованной. Большинство предметов в экспозиции звучали, оживляя пространство: звук шагов, тиканье и бой часов, старинные граммофонные записи музыкальных композиций, звук метро-

нома и, конечно же, звучание старинного пианино. Все это делало выставку зрелищной, яркой, необычной для посетителя.

В театрализованную экскурсию актеры включали реалии того времени, чтобы зритель почувствовал полное погружение в эпоху. Это было упоминание цен на дрова, на стирку белья, за пользование библиотекой, а также употребление разговорной лексики того времени.

Нетрадиционный подход к экспликациям: заинтересовывающий, простой и понятный текст располагался в каждой комнате условного дома, причем к каждому разделу выставки были подобраны текстовые иллюстрации из произведений Мамина-Сибиряка.

Посетители могли также ознакомиться с содержанием старинных газет (реплика), где объявления о сдаче или покупке недвижимости были выделены красным карандашом, как это делает человек, заинтересовавшийся тем или иным предложением.

Таким образом, через выставочное пространство, через знакомство с актуальной во все времена темой, темой квартирного вопроса, происходит встреча посетителя музея с писателем Маминым-Сибиряком, с его оригинальным стилем, с многожанровостью его творчества. Показ музейных предметов важен не сам по себе, а в контексте выбранной темы.

«Квартирный вопрос» в Екатеринбурге в виду небольшого рынка недвижимости в целом был актуален почти для каждого горожанина и гостя города, найти хорошее и недорогое жилье было удачей. Мамин-Сибиряк преобразовал свой опыт и наблюдения за общественной жизнью города в литературные произведения, и тематически подходящая их часть стала основой для временной выставки в музее Мамина-Сибиряка.

Библиографический список

1. *Екатеринбургская неделя*. — 1885. — 1 мая. — № 17.
2. *Екатеринбургская неделя*. — 1884. — 3 октября. — № 39.
2. *Екатеринбургская неделя*. — 1879. — № 18.
4. *Екатеринбургская неделя*. — 1883. — 21 декабря. — № 50.
5. **Мамин-Сибиряк Д.Н.** *Собрание сочинений* : в 10 т. Т. 5. / Д.Н. Мамин-Сибиряк. — М. : Правда, 1958. — 404 с.
6. **Симанов И.И.** *Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду*

с планами г. Екатеринбурга и его выгона и 10-ю таблицами чертежей / И.И. Симанов. — Екатеринбург, 2007. — 1051 с.

P.I. Toropova

The «Housing Issue» in Ekaterinburg at the XIXth Century End (Problems Of Conservation And Museumification)

Abstract. *Renting and renting out housing at the end of the XIX century — a socio-cultural phenomenon captured in the works of D.N. Mamin-Sibiriyak as a writer from the Urals and on the pages of newspapers of that time — needs to be studied and preserved, is important for the history of the city of Ekaterinburg. In the 2023 summer the exhibition «Rent an apartment with all the furniture» was held at the Mamin-Sibiriyak Museum. The article will reveal the basic principles of museification of the «apartment shortage» of the late 19th century.*

Keywords: *D.N. Mamin-Sibiriyak, the history of Ekaterinburg, museum exhibition, museification of the socio-cultural phenomenon, «apartment shortage»*

Toropova Polina Igorevna, United Museum of Writers of the Urals, Researcher of the department «Literary Memorial House-Museum of D.N. Mamin-Sibiriyak» (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: toropova-polina2012@yandex.ru.

ПУТЕВОЙ ЖУРНАЛ ИВАНА БУХВАЛОВА О КАРАВАНЕ С УРАЛЬСКИМ ЖЕЛЕЗОМ 1732–1733 ГОДОВ

Аннотация. Рассматривается путевой журнал караванного управителя И. Бухвалова, перевозившего железо с казенных заводов в Москву и Санкт-Петербург. Рассмотренный журнал может выступать источником для реконструкции организации движения казенных караванов, характеристики проблем и мер, предпринимаемых для их решения непосредственно во время движения коломенок по речным системам России.

Ключевые слова: журнал, караван, коломенка, пристань, Урал, Чусовая.

Важнейшими источниками, позволившими реконструировать весь путь движения казенных караванов, являются путевые журналы караванных управителей, включающие поденную запись о плавании судов, сведения о приказах команде, взаимодействии с региональными властями.

Путевые журналы караванных управителей уральских казенных караванов хранятся в Государственном архиве Свердловской области в фонде 24 «Уральское горное управление». Большинство журналов сформированы в отдельные дела [1; 2; 3; 4; 5; 6], однако часть журналов включены в состав дел, заголовки которых никак не указывают на их наличие [7, л. 143 об. – 209; 8, л. 377–415 об.], что затрудняет поиск журналов среди множества иных документов. Журналы караванных управителей представляют собой поденную запись в виде таблицы из двух граф, в первой из которых указывалась дата, во второй — краткий перечень событий, произошедших за день.

В казенных караванах с продукцией уральских заводов путевой журнал начинал вестись с момента отбытия караванного управителя из Екатеринбурга на пристань. Впервые составление путевого журнала было поручено Никифору Герасимовичу Клеопину в караване 1730–

1731 гг. В задачу Н.Г. Клеопина входило подробное описание всех этапов пути для составления отчета в Берг-коллегию о мерах к улучшению караванного отправления. Результатом стало составление наиболее полного описания пути казенного каравана, прочие журналы не содержат настолько развернутых характеристик местности и условий плавания. Сведения в журнал Клеопина вносил подьячий, определенный в караван. Все записи составлены в третьем лице — «караванный управитель приказал», «Н.Г. Клеопину учинил великую обиду», «караванный управитель велел записать» [1].

Этот журнал известен исследователям, упоминался Н.И. Павленко [9, с. 250–259], Н.С. Корепановым [10, с. 42–53]. Но нас интересует журнал следующего каравана — 1732–1733 гг., ведение которого было поручено шихтмейстеру Ивану Бухвалову инструкцией, выданной Сибирским обер-бергамтом [11, л. 75–78].

Иван Бухвалов, по-видимому, являлся родственником «старшего» капитана О.Ф. Бухвалова, бывшего в 1710–1720-е гг. приказчиком ряда уральских и зауральских слобод [12, с. 204, 207, 208].

«Тобольского полку фуриер» Иван Бухвалов решением Сибирского обер-бергамта 14 января 1725 г. был назначен смотрителем на Уткинскую пристань. Заводской комиссар Федор Неклюдов, занимавший в 1725 г. высокое положение в Екатеринбургской администрации, «курировавший» пристани, написал В.И. де Геннину: отправлен фуриер на пристань, «которой таким делам незабычен и опасен в строении судов и в протчем отпращении Его Императорского величества интересу утраты, а паче остановки». Неклюдов просил определить «достойного». В.И. де Геннин ответил коротко: «определить кого пригодно» [13, л. 386, 390]. Так взамен должности смотрителя на Уткинской пристани И. Бухвалов был назначен к отправлению казенных караванов. Помимо казенного каравана 1732–1733 гг. он руководил караванами в 1725 г. и 1727 г., успешно довел до столицы караван 1733–1734 гг., который остался без руководства по причине смерти караванного управителя И. Клепикова.

Иван Бухвалов является единственным караванным управителем, успешно доставившим до Петербурга в общей сложности четыре каравана. В 1730 г. он на особом судне доставил на ярмарку в Нижний Новгород 6 036 пуд. меди [14, л. 210 об. – 220]. Однако не смог организовать полную продажу груза и остатки продукции привез в Москву [15, л. 69–77].

¹ Уланов Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления; e-mail: ulanov.kir@gmail.com.

Путевые журналы, созданные после каравана Н.Г. Клеопина 1731 г., менее подробны, содержат подневные записи о местах остановки каравана и кратко передают распоряжения, отданные караванным управителем. Записи велись ежедневно и обязательно включали место ночевки каравана, в случае отсутствия населенного пункта указывалось — «пустое место». Проблемы случались не ежедневно, поэтому журналы содержат множество повторяющихся записей отражающих состояние погоды — «ясная», «великий дождь», «с утра до вечера погода была солнечная», «в ночи погода была тихая со студеным воздухом» и т.п. и однотипных фраз, отражающих порядок и здоровье работников на караване — «все благополучно», «при коломенках больных, беглых и умерших нет» и т.п. Главной задачей журналов была контрольная функция, они предоставлялись в Сибирский обер-бергамт и фактически служили основным источником оценки действий караванного управителя.

Журналы не содержат критики деятельности караванного управителя. В них подробно отражены наказания провинившихся членов команды с указанием их проступков, например: солдат за пьянство. Однако журналы все же передают основные проблемы, с которыми сталкивался караван. Караванные управители подробно записывали сведения о своих конфликтах с региональными администрациями, указывали на причины своих действий и оправдывали решения, приведшие к остановке судов. Информацию в журналах возможно верифицировать, используя сведения иных источников, например, рапортов, регулярно отправляемых караванными управителями во время остановок или материалов следственных дел. Серьезные ошибки управителя — погромы в местах остановок или полное затопление судна без возможности ремонта — приводили к длительным разбирательствам. Подобные случаи подвергались тщательной проверке со стороны Берг-коллегии и Сибирского обер-бергамта, многократно уточнялись и упоминались в рапортах, доношениях и указах, что позволяет достаточно полно восстановить картину событий и выявить возможные искажения информации в журналах.

Анализ журналов караванных управителей позволяет реконструировать путь каравана, выявить наиболее важные места остановок, время, проведенное в плавании, и простой.

От Уткинской пристани до Санкт-Петербурга казенный караван проходил расстояние, равное примерно 3 545 верст, из которых 38%

пути караван двигался против течения рек Волги и Тверцы. На основе анализа путевых журналов караванных управителей Н. Клеопина [1], И. Бухвалова [8, л. 377–415 об.], А. Баженова [2], С. Клепикова [4] удалось установить среднее время в пути каравана от чувовских пристаней до Санкт-Петербурга — 404 дня, из которых 214 караван зимовал в Твери. Движение каравана на участках пути против течения рек со всеми остановками занимало в среднем 116 дней. Преодоление самого протяженного участка пути по течению рек, от чувовских пристаней до Лаишево и от Вышнего Волочка до Санкт-Петербурга, составляющего 62% общей протяженности маршрута, занимало 74 дня, в частности путь по Чусовой занимал не более двух недель.

Даты прибытия и убытия казенного каравана 1732–1733 гг. под управлением И. Бухвалова от мест остановки¹

Место остановки	Река	Прибыл	Отбыл
Уткинская пристань	Чусовая	-	16.04.1732
Егошиха	Кама	02.05.1732	06.05.1732
Лаишево	Кама	21.05.1732	30.05.1732
Нижний Новгород	Волга	27.06.1732	07.07.1732
Рыбная слобода	Волга	26.07.1732	27.07.1732
Тверь	Волга, Тверца	01.09.1732	8.10.1732
Вышний Волочек	Тверца, Цна	21.10.1732	18.05.1733
Великий Новгород	Волхов	27.05.1733	30.05.1733
Новая Ладога	Волхов	02.06.1733	06.06.1733
Шлиссельбург	Ладожский канал	09.06.1733	10.06.1733
Санкт-Петербург	Нева	13.06.1733	-

Говоря непосредственно о караване 1732–1733 гг. И. Бухвалова, отметим ряд фактов, указанных в путевом журнале за 1732 г., дающих представление о проблемах которые необходимо было решать караванному управителю [8, л. 377–415 об.]:

- 16 марта И. Бухвалов отбыл из Екатеринбурга на Уткинскую пристань.
- 1 апреля приступили к спуску коломенок на воду и загрузке железом.

¹ Составлено по: [8, л. 377–415 об.]

- 11 апреля сбежали два работника из крестьян.
 - 18 апреля разбило одно плоскодонное судно о коломенку, от чего последняя затонула со всем грузом «и за такое неосмотрение бывшие на коломенке солдат и сплавщик наказаны батошьем», для поднятия железа оставлен целовальник, солдат и работники.
 - 20 апреля И. Бухвалов «отвалил с Сулемской пристани со всем достальным караваном».
 - 25 апреля шел снег. Два солдата в Чусовских Городках «весьма были пьяны» и водолив «пьян же» и на коломенках не были, «и зато они биты батошьем». На следующий день пришел еще один солдат, который остался в Чусовских Городках «с работниками для пьянства», за что все были наказаны «чтобы впредь им и другим оставатца за пьянством было неповадно».
 - 2 мая стоя у Васильева луга солдат, охранявший казну на казенке, оставил свой пост и «поставя ружье лег спать», за что наказан «батошьем по два дни».
 - 12 мая солдата «стегали батошьем... за то, что ушел без ведома с судна и напился пьян, валялся по улице».
 - 13 июня в Чебоксарах «стояли за печением хлебов». Солдат Антип Барабанов «ушел с коломенки без спросу, напився пьян, пришел на коломенку свою, бил работных безвинно и за такое ево дерзновение наказан оной батошьем». Он же «того же числа бит батошьем вторично за то, что напився вторично и едва не зарубил топором работника и солдат Гуляев стал у него, Барабанова, отнимать топор и он ево зашиб палкой до крови».
- В тот же день солдат Иван Усольцев самовольно покинул судно «и напився пьян унес воровски у Чабаркульского жителя плащ красной, который у него изыскали и за то оной Усольцев наказан батошьем».
- 23 июля караван прибыл в Ярославль и И. Бухвалов уехал домой откуда вернулся 1 августа.
 - 4 августа солдат был отпущен «для покупки хлеба в село Мологу на один час и оной пьянством прожил в оном селе сутки, а на коломенку караулом никого не оставил» — бит батошьем.
 - 17 августа выгружали железо с коломенки попавшей на мель ниже Калязина монастыря.
 - 21 октября прибыли в Вышний Волочек, арендовали амбары, приступили к подготовке к зимовке.

- 26 октября И. Бухвалов приехал в Москву, где был у Господина Советника Антона Федоровича Томилова, вернулся в Вышний Волочек 20 декабря.

В ходе приема железа из каравана И. Бухвалова в 1733 г. по прибытии в Петербург было выявлено 269 пуд. недовеса. В своем доношении караванный управитель объявил, что на Боровицких порогах в Мсте реке разбило 4 судна, груз был поднят со дна «токмо знатно, что оное железо при разбитии тех судов в той реке от великой быстроты разнесло». Целовальники, бывшие в караване, в допросах показали, что приняли часть железа на чусовских пристанях «у привозчиков без весу» и при взвешивании грузов И. Бухвалов не был. Из Берг-коллегии был отправлен указ В.И. де Геннину о начале следствия [16, л. 116–117].

Следующий караван 1733 г. вел каптенармус И. Клепиков, не обладающий опытом И. Бухвалова. С большими трудностями он довел караван до Вышнего Волочка. Где произошло непредвиденное — И. Клепиков 9 октября 1733 г. покончил жизнь самоубийством. В документах этот факт зафиксирован следующими словами: «зарезался от мысли, а государева интереса ничего не похитил». Можно предположить, что причиной самоубийства было известие о следствии над Н.Г. Клеопиным по поводу пожара и злоупотреблений в караване. Вероятно, в приходно-расходных книгах И. Клепикова также было не все идеально. На замену из Санкт-Петербурга в Вышний Волочек 22 октября 1733 г. был отправлен И. Бухвалов [8, л. 415–415 об.]. Он перезимовал, а летом довел караван до столицы без особых происшествий.

Прибыв в Петербург, И. Бухвалов написал прошение на имя Анны Иоановны, указав, что был во многих караванах, «от чего себе я принял немалую нужду и обдолжал немалыми долгами понеже я жалованье получаю малое и пропитаться в таких продолжительных посылках нечем. А в 1733 году обошлось в продаже железо привезенное мною от казенных чусовских пристаней до Санкт-Петербурга не выше шести копеек с пуда, також де и ныне которое отправлял с Вышнего Волочка и оно обойдется не выше шести копеек с пуда, а прежде сего подрядчикам давалось по тринадцати и по двенадцати копеек с пуда, да и казенным коштом дешевле моей поставки никто не ставливал, а указом вашего императорского величества все служители за добрые поступки обнадежены вашего императорского величества жалованьем и награждением чина» [16, л. 115–115 об., 122–123].

Награждения за свои труды И. Бухвалов не получил, 2 декабря 1734 г. он умер [17, л. 4]. Обстоятельства смерти автору неизвестны.

Таким образом, журналы караванных управителей являются уникальным источником с помощью которого можно реконструировать весь путь каравана с момента прибытия караванного управителя на Уткинскую пристань и до передачи продукции английским купцам в Петербурге. Совместив сведения о местах и продолжительности остановок различных караванов, можно судить о скорости прохождения коломенками отрезков пути. В результате сопоставления полученных сведений возможно дать оценку правильности решений, принятых караванными управителями, охарактеризовать причины остановок и неудач в караване, выявить наиболее успешные и провальные караваны.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 330.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1826.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1829.
4. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1833.
5. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1834.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1835.
7. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 779.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 384.
9. **Павленко Н.И.** Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века : промышленная политика и управление / Н.И. Павленко. — М.: Акад. наук СССР, 1953. — 536 с.
10. **Корепанов Н.С.** Никифор Клеопин / Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. — 212 с. (Очерки истории Урала. Вып. 11).
11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 835.
12. **Редин Д.А.** Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д.А. Редин. — Екатеринбург: Волот, 2007. — 608 с.
13. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 253.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 287.
16. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1019.
17. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 711.

К.А. Ulanov

Ivan Bukhvalov's Logbook about the Caravan with Ural Iron 1732–1733.

Abstract. The article discusses logbook of the convoy supervisor I. Bukhvalov, who transported iron from state-owned factories to Moscow and St. Petersburg. The considered logbook can act as a source for reconstructing the organization of the movement of state-owned caravans, characterizing problems and measures taken to solve them directly during the movement of cargo boats along the river systems of Russia.

Keywords: logbook, convoy, cargo boat, quay, Ural, Chusovaya river.

Ulanov Kirill Andreevich, Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the Department of Document Management, Archival Science and History of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

УДК 94(47.08)«1890/1913»

А.А. ФЕДЕНЕВА¹

ИНОСТРАННЫЕ ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ НА УРАЛЕ В 1890-Х – 1913 ГОДАХ: СОСТАВ И АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления деятельности иностранных торговых компаний на Урале, которые представляли собой форму прямого иностранного инвестирования в экономику России позднеимперского периода. На материалах коммерческих справочников проводится количественный и качественный анализ торговых компаний на основе их классификации.

Ключевые слова: иностранные компании, торговля, торговые компании, Урал, коммерческие справочники, прямые иностранные инвестиции.

¹ Феденева Анна Алексеевна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студентка IV курса; ГКУСО «Государственный архив Свердловской области», главный археограф; e-mail: anya_fedeneva@mail.ru.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) представляют собой важный механизм как притока дополнительного капитала в страну, так и привлечения новаций (технологии, модели управления, идей и т. д.). Они оказывают непосредственное влияние на экономический рост региона посредством воздействия на объемы общественного производства, занятости, развитие отраслей экономики.

Объектами ПИИ являются конкретные компании. Стоит отметить, что под иностранными компаниями мы не подразумеваем компании, которые были основаны иммигрантами, поскольку не представляется возможным точно установить реальное происхождение капитала, т.е. был ли он аккумулирован предпринимателями до миграции или после.

Иностранцами можно назвать торговые дома, в составе учредителей которых преобладают иностранные подданные. Если мы говорим об акционерных обществах, то необходимо владение иностранными подданными и/или компаниями определенным в уставе минимумом процента акций компании, дающего право созыва внеочередного собрания акционеров.

Активное прямое иностранное инвестирование являлось составляющей процессов модернизации экономики Российской империи и ее интеграции в складывающийся международный рынок. Массово ПИИ начинают проникать в экономику Российской империи именно с конца XIX в., прямые иностранные инвестиции становятся основным каналом реального притока из-за рубежа капиталовложений. Так, по подсчетам В.И. Бовыкина, в период с 1869 по 1896 г. в Российской империи было зарегистрировано 71 иностранное предприятие, а к 1900 г. уже 136 иностранных предприятий [1, с. 356].

Размещение иностранных компаний в регионах детерминировано уровнем социально-экономического развития, степенью интеграции в национальную экономику. Характеристика иностранных компаний в 1890-х – 1913 гг. позволит рассмотреть особенности экономического развития региона и процесс формирования внешнеэкономических связей Урала.

Изучение истории деятельности иностранных компаний в Российской империи и в отдельных регионах, их интеграции в экономическое и социокультурное пространство всегда вызывало интерес у исследователей [2; 3; 4; 5]. Однако работы, которые бы рассматривали на региональном уровне реализацию прямых иностранных инвестиций, встречаются редко [6; 7].

Источниковой базой исследования послужили как региональные [8; 9; 10; 18; 19], так и общероссийские торгово-промышленные справочники [11; 12; 14–17]. Коммерческие справочники включали все торгово-промышленные предприятия, обладающие промысловыми свидетельствами 1–3-го разрядов. Они позволяют отследить территориальную локализацию торговых заведений, а также изменение их специализации.

На основе анализа данных за 1890–1913 гг. было выявлено девять иностранных компаний, осуществлявших торговую деятельность без посредников на территории Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний: Товарищество русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств под фирмой «Проводник»; Акционерное общество «Мануфактурная компания Зингер» (с 1901 г. — «Компания Зингер»); Товарищество «Ф. Реддавей и К^о»; Франко-русское общество химических и взрывчатых веществ; Международная компания жатвенных машин в России; Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры под фирмой «Треугольник»; Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске»; нефтепромышленное и торговое общество «Мазут»; Торгово-промышленное акционерное общество Джон Гривез и К^о в Бердянске.

Классификация объектов анализа была произведена по следующим параметрам: организационно-правовая форма; виды торговых объектов и преобладающие формы торговли; ассортимент реализуемых товаров и торговая специализация; ареал деятельности.

Среди представленных предприятий подавляющее большинство (6 из 9) имели акционерную форму собственности. Три предприятия — форму товарищества на паях.

По видам торговых объектов компании распределяются следующим образом: шесть осуществляли стационарную оптовую торговлю со склада, три — стационарную розничную торговлю посредством магазина.

Компании придерживались трех форм торговли: специализированной торговли (5 компаний); универсальной торговли в рамках одного субрынка (2 компании); многопрофильную торговлю в рамках нескольких субрынков (2 компании).

Можно выделить три стратегии развития торговых сетей компаний: создавалось отделения в губернском городе, которое контролиро-

вало работу магазинов на территории нескольких губерний; открывался исключительно магазин или склад в крупном городе (необязательно это был губернский город); открытие склада, осуществлявшего оптовую торговлю в населенных пунктах, находящихся около железных дорог.

Краткая характеристика компаний сводится к следующему:

Товарищество «Проводник» осуществляло многопрофильную торговлю в рамках нескольких субрынков. Компания прежде всего осуществляла сбыт собственной продукции, произведенной на заводах в Риге и Санкт-Петербурге.

Первым регионом, в котором товарищество «Проводник» открыло свой фабричный склад, была Пермская губерния, а именно город Екатеринбург. В дальнейшем склады открылись в Перми и Оренбурге (в 1909 г.), в Вятке и Уфе (1910 г.).

На территории Урала фирма неизменно реализовывала следующие виды товаров: клеенки и галоши, резиновые изделия, асбест, дорожные вещи.

Однако специализация могла отличаться в зависимости от губернии и города. Так, в Пермской губернии (в Перми и Екатеринбурге) велась торговля галошами и резиновыми изделиями. В Вятской губернии (в Вятке) — галошами, резиновыми изделиями и асбестом. В Оренбургской губернии — дорожными вещами, галошами, резиновыми изделиями.

Международная компания жатвенных машин в России осуществляла специализированную торговлю произведенной сельскохозяйственной техникой. Компанией в деревне Люберцы был куплен завод паровых машин, который модернизировали и в 1913 г. начали работу сборочные цеха. Сложные узлы и детали собирались на заводах в США и привозились в Россию.

У компании было два склада, открывших свою деятельность в 1912 г.: в Екатеринбурге и на ст. Давлеканово в Уфимской губернии.

Товарищество «Треугольник» осуществляло универсальную торговлю в рамках одного субрынка. Основными видами товаров, продававшихся на территории Урала, были галоши и резиновые изделия собственного производства.

Магазины были открыты в 1909 г. в Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Уфе.

Товарищество «Ф. Реддавей и К^о» осуществляло многопрофильную торговлю в рамках нескольких субрынков. Основными видами

товаров были клеенки, ремни собственного производства, напильники и инструменты, технические принадлежности.

Отделение было открыто в Екатеринбурге в 1895 г. А в 1909 г. в Перми открылся склад.

Франко-русское общество химических и взрывчатых веществ осуществляло специализированную торговлю динамитом, производимом на двух его заводах в Екатеринославской и Новгородской губерниях. Склад общества располагался в Екатеринбурге с 1898 г.

Акционерное общество русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске» осуществляло универсальную торговлю в рамках одного субрынка электрическими приборами, произведенными на электротехнической и механической фабрике в Санкт-Петербурге.

Отделение — техническая контора компании — работало исключительно в Екатеринбурге с 1899 г.

Нефтепромышленное и торговое общество «Мазут» осуществляло специализированную торговлю керосином и нефтью. Оно осуществляло сбыт керосина с 1902 г. в Вятке, Оренбурге, Челябинске, с 1909 г. в Орлове и с 1913 г. в с. Топорнино.

Торгово-промышленное анонимное общество Джон Гриевз и К^о в Бердянске осуществляло специализированную торговлю сельскохозяйственными машинами, произведенными на фабрике в Бердянске. Склад общества располагался в Челябинске с 1903 г.

Акционерное общество «Компания Зингер» осуществляло специализированную торговлю швейными машинками собственного производства. В Российской империи у компании с 1904 г. был завод в Подольске, который производил, как установила И.В. Поткина, основную часть швейных машин (40%), продаваемых компанией в России [13, р. 224].

Деятельность в новой губернии компания начинает с открытия магазина в губернском городе, при расширении открывая центральные отделения в крупнейших губернских городах. Так, в 1897 г. был открыт магазин в Перми, в 1898 г. в Оренбурге и Уфе, в 1899 г. в Вятке. К 1913 г. магазины компании действовали в 78 крупнейших населенных пунктах Урала.

Для управления торговой сетью в 1900 г. было создано одно центральное отделение и расширено действие другого. Так, Пермское центральное отделение руководило работой в Пермской и Вятской губерниях. В то же время Самарское центральное отделение

стало руководить работой магазинов в Оренбургской, Уфимской губерниях.

В итоге можно сказать, что большинство компаний вели весьма ограниченную деятельность на территории Урала, открывая торговые точки только в крупных торговых центрах и зачастую ведя торговлю исключительно товарами, произведенными полностью или частично на собственных предприятиях на территории Российской империи.

Выявление и классификация иностранных торговых компаний на Урале является основой для анализа инноваций, осуществляемых ими в региональном и общероссийском масштабе, позволяют сделать вывод об их роли в модернизации отечественной экономики.

Библиографический список

1. **Бовыкин В.И., Лачаева М.Ю.** *Иностранное предпринимательство* / В.И. Бовыкин, М.Ю. Лачаева // *Отечественная история : история России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. Т. 2 : Д – К / редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) [и др.]. — М.: Большая рос. энцикл., 1996.*
2. *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: очерки* / В.И. Бовыкин, Н.Н. Гурушина, И.А. Дьяконова [и др.]; Рук. проекта В.И. Бовыкин. — М. : РОССПЭН, 1997.
3. **Лисовская Е.Г.** *Иностранный капитал в экономике пореформенной России (1861–1913 гг.). Дис. ... канд. экон. наук / Е.Г. Лисовская. — М., 1996. — 180 с.*
4. **Чичуга М.А.** *Шведское предпринимательство в России в последней четверти XIX – первой четверти XX веков в документах отечественных и шведских архивов : специальность 05.25.02 : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Марина Алексеевна Чичуга; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ). — М., 2005. — 29 с.*
5. **Поткина И.В.** *Транснациональная корпорация «Компания Зингер» в России / И.В. Поткина // История предпринимательства в России: XIX – начало XX вв. : мат-лы межд. научной конференции, 8–10 декабря 2006 г. — СПб., 2007. — С. 152–170. — (Труды конф. / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Науч.-исслед. ин-т менеджмента. Вып. 3).*
6. **Вишняков-Вишневецкий К.К.** *Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства: 1860-е гг. – 1914 г. : специальность 07.00.02 : автореферат дис. ... д-ра ист. наук / Константин Константинович Вишняков-Вишневецкий; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — СПб., 2005. — 39 с.*

7. **Щербаков И.В.** *Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) : специальность 07.00.02 : автореферат дис. ... канд. ист. наук / Игорь Владимирович Щербаков; Рост. гос. ун-т. — Ростов-на-Дону, 2002.*
8. *Уральский торгово-промышленный адрес-календарь ... : Район: Пермская, Уфимская, Оренбургская и Вятская губернии. — Пермь : изд-во А.Л. Вершовой, [1899–1914].*
9. *Весь Екатеринбург : торгово-промышленный справочник. 1910 г. Год издания I / [ред.-изд. И.С. Ушаков]. — Екатеринбург : Электро-типография А.Р. Вельц, 1910. — 220 с.*
10. **Весновский В.А.** *Весь Екатеринбург : Справ.-ежегодник / В.А. Весновский. — Екатеринбург : В.А. Весновский, 1903. — 351 с.*
11. *«Москва–Сибирь» : адресная и справочная книга : посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири. — Москва : Издание А.П. Крюкова, 1904–1911.*
12. *Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — СПб. : А. С. Суворин, 1895–1913. [1895 год]. Т. 1–2. — 1895.*
13. **Potkina I.** *The Russian Singer Company: Diffusion of Sewing Machines and Client Base / I. Potkina // Linking Cloth. Clothing Globally: The Transformation of Use and Value / ed. Miki Sugiura. — Tokyo: ICES, 2019. — P. 210–228.*
14. *Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — СПб. : А. С. Суворин, 1895–1913. [1899 год]. Т. 1–2. — 1899.*
15. *Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — СПб. : А. С. Суворин, 1895–1913. [1900 год]. Т. 1–2. — 1900.*
16. *Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — СПб. : А. С. Суворин, 1895–1913. [1902 год]. — 1902.*
17. *Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации : торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи — СПб. : А.С. Суворин, 1895–1913.*

[1912 год]. — 1912.

18. *Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал : торгово-промышленный справочник. 1911. Год издания II / [ред.-изд. Л.Я. Френкель]. — Екатеринбург : тип. Л.В. Шаравьевой, 1911. — 270 с.*

19. *Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал : торгово-промышленный справочник. 1912. Год издания III / [ред.-изд. Л.Я. Френкель]. — Екатеринбург : Электро-типография А.Р. Вельи, 1912. — 234 с.*

A.A. Fedeneva

Foreign Trading Companies in the Urals in the 1890s – 1913: Composition and Analysis of Activities

Abstract. *The article examines the main directions of activity of foreign trading companies in the Urals, which represented a form of direct foreign investment in the economy of Russia in the late imperial period. Based on commercial directories, a quantitative and qualitative analysis of trading companies is conducted according to their classification.*

Keywords: *Foreign companies, trade, trading companies, Ural, commercial directories, foreign direct investment.*

Fedeneva Anna Alekseevna, 4rd year student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); Chief archaeographer, State Archive of the Sverdlovsk Region;

e-mail: anya_fedeneva@mail.ru.

УДК 908

Ю.М. ЯРКОВ¹

ВЫБОРЫ В ЕКАТЕРИНБУРГСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ (1917 г.)

Аннотация. *В статье рассматривается нормативно-правовая база выборов; «избирательная карточка», дававшая право голоса; форма, способы изготовления, разрешенные варианты заполнения избирательного бюллетеня; процедура голосования; итоги голосования 30 июля 1917 г.; причины отмены результатов выборов от 30 июля 1917 года; итоги повторных выборов в Екатеринбургскую городскую думу 5 ноября 1917 года.*

Ключевые слова: *Временное правительство, выборы, Екатеринбургская городская дума, процедура голосования.*

15 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях». В приложении к этому постановлению имелись «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум». Этими правилами, в частности, устанавливалось:

«[...] 2. Гласные Городской Думы избираются на срок до 1 января 1919 года.[...]

3. Правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков 20 лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе, или же имеют иные связанные с городом, определенные занятия.

Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях.

4.[...] в городских выборах не участвуют: 1) высшие, в пределах губернии, области, градоначальства и соответствующего уезда, представители административной власти и их заместители

¹ Ярков Юрий Михайлович, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург, Россия), доцент кафедры документоведения, права, истории и русского языка Института гуманитарного и социально-экономического образования; e-mail: ele-yarko@yandex.ru.

и помощники, 2) лица, состоящие в пределах губерний (области) или градоначальства на службе по местной милиции (полиции), 3) лица монашествовавшие и 4) лица, признанные[,] в установленном законом порядке[,] безумными, сумасшедшими и глухонемыми.

5. Права участвовать в выборах лишаются:

1) приговоренные судом к наказаниям[...] в течение трех лет по отбытии наказания, а осужденные по суду [перечисляется, за какие именно 12 видов уголовных преступлений. — Ю.Я.] — в течение одного года по отбытии наказания и 2) содержатели домов терпимости.

6. В гласные и кандидаты могут быть избираемы не только лица, пользующиеся правом участия в выборах, но и все прочие лица, хотя и не проживающие в городе и не имеющие там домашнего обзаведения, службы или занятий (ст. 3), но удовлетворяющие остальным требованиям, установленным для участия в выборах.

7. Каждое городское поселение составляет один избирательный округ, хотя бы округ этот и был подразделен, для удобства подачи голосов, на отдельные избирательные участки.[...]

[1, л. 1–1 об.; 2].
Таким образом, постановлением и «Временными правилами...» Временного правительства вводилось право всеобщего, равного, прямого и тайного голосования для почти всех взрослых граждан России, достигших 20-летнего возраста, без различия пола, национальности и вероисповедания. Это было очень демократичным (в сравнении с предыдущим Городовым положением 1892 г.) и почти полностью справедливым нововведением в общественно-политической жизни страны.

Вместе с тем демократизация избирательного права была неполной и не для всех категорий россиян. Если можно еще понять лишение права голоса людей сумасшедших и уголовных преступников, то кажется странным отнесение в разряд людей «второго сорта» административных управленцев уездного и губернского уровней, сотрудников милиции (полиции) (притом что военнотружущие имели право голоса), монахов, глухонемых, содержателей притонов, а также — бывших осужденных.

Хотя следует отметить, что 3 июня 1917 г. «Временные правила...» были скорректированы Временным правительством в сторону небольших послаблений: право голоса было предоставлено административным управленцам уездно-губернского уровней и сотрудникам

милиции (полиции). Об этом возвестила циркулярная почтотелеграмма Временного правительства за подписью товарища (заместителя) министра внутренних дел Авинова, которая прибыла в Пермь с опозданием почти в месяц (судя по тому, что была зарегистрирована в канцелярии Пермского губернского комиссара только 1 июля 1917 г.). В ней говорилось: «Временное Правительство [на] заседании 3 июня постановило: статью 4 Временных Правил о производстве выборов Гласных Городских Дум [...] изложить следующим образом: из лиц[,] удовлетворяющих условиям[,] указанным в предыдущей — 3 статье[,] в городских выборах не участвуют[:] во-первых[,] лица монашествовавшие и [,] во-вторых[,] лица[,] признанные в установленном порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми» [3, л. 68]. Таким образом, лишены права голоса из числа адекватных граждан, по-прежнему оставались монахи, глухонемые, содержатели «домов терпимости» и бывшие осужденные.

Пермским губернским комиссаром Временного правительства обязанности по подготовке к выборам в городское самоуправление были возложены на сами городские думы прежнего состава. На проведение всех подготовительных этапов пермский губернский комиссар отводил городским самоуправлениям 40 дней [4].

Выборы гласных (депутатов) Екатеринбургской городской думы осуществлялись только по спискам избирательных объединений (по партийным спискам); избрание по одномандатным (мажоритарным) округам предусмотрено не было.

Возможность проголосовать избирателю давала «Избирательная карточка». Она являлась персональным документом, составленным избирательной комиссией, в котором указывалась фамилия, имя, отчество гражданина, его статус — «избиратель», с обозначением номера его избирательного участка и фактическим адресом локации этого участка.

«Избирательная карточка» доставлялась на дом каждому избирателю либо получалась им лично в местном «избирательном бюро» (избирательной комиссии) накануне выборов (28, 29 июля) или в день выборов (30 июля 1917 г.) [5]. Без такой «Избирательной карточки» избиратели не допускались к избирательной урне.

Интересна была форма избирательного бюллетеня. Бюллетень представлял собой «совершенно чистую восьмушку писчего листа белой бумаги, в 2 вершка шириной и 4 вершка длиной» [5], т.е., учиты-

вая, что вершок равен 44,55 мм [6], бюллетень был длиной примерно 18 см, а шириной — 9 см. От избирателя требовалось при голосовании вписать от руки в бюллетень либо три слова (например — «список номер 2»), либо просто только одну цифру — «2» (номер избирательного списка).

Такой бюллетень (т.е. чистый листок бумаги) мог быть как доставлен из избирательной комиссии (вместе с избирательной карточкой) на дом, так и изготовлен избирателем у себя дома из собственной бумаги (главное — чтобы размеры бюллетеня совпадали с установленными). Допускались и другие разновидности бюллетеней (тоже стандартных размеров) — заполненные, «на которых уже напечатан номер» [5] в пользу конкретного партийного списка. Уже заполненные таким образом бюллетени можно было приобрести в любом количестве в местных комитетах борющихся партий.

Эсеры, например, отмечали в своей листовке: «Печатные бюллетени очень удобны для неграмотных». Можно от себя добавить, что такие бюллетени (уже заполненные), которые всего лишь нужно только внедрить в избирательную урну — могут быть удобны не только для неграмотных, но и, наоборот, для очень грамотных (т.е. желающих сфальсифицировать волеизъявление части граждан).

Видимо для того, чтобы избежать массового вброса заинтересованными лицами в избирательную урну заранее заготовленных бюллетеней (а значит — предотвратить возможную фальсификацию в ходе процесса голосования), было определено, что каждый бюллетень в отдельности, перед водворением в избирательную урну, запечатывался в специальный конверт со штампом городской управы [5].

Данные конверты выдавались избирателям (приходившим с «удостоверениями личности» и «избирательной карточкой») в день голосования только «у входа в помещение» избирательной комиссии. В домашних условиях конверты, в отличие от бюллетеней, изготавливать было нельзя.

Избиратель вкладывал свой избирательный бюллетень («избирательную записку») в проштампованный конверт, запечатывал его и отдавал председателю избирательной комиссии, который на глазах у данного избирателя отправлял его [конверт с бюллетенем] в избирательную урну.

Перед днем голосования, и особенно в момент своего волеизъявления, граждане должны были быть ответственны и очень внимательны.

Ответственность накануне выборов заключалась в том, чтобы проверить наличие своей фамилии в избирательном списке и вовремя принять меры (в случае отсутствия ФИО в списке или написания с ошибками своей фамилии и других данных). Потому что голосовать имели право «только те, кто был внесен в списки» [5]; внесение же в список персональных данных избирателей в день голосования (в отличие от современных дней) не допускалось, а всякое требование предоставить право голоса ущемленному гражданину расценивалось как «нарушение избирательного закона» [5].

Внимательность избирателям была необходима непосредственно при заполнении бюллетеня, так как нельзя было по ошибке или по незнанию написать (оставить) вместо номера списка «никаких помарок, никакой подписи, ни указания партии, ни лозунгов, никаких знаков» [5]. Иначе бюллетень считался недействительным. Кроме того, бюллетень также считался недействительным, если при вскрытии конверта в последнем обнаруживалось несколько (вместо одного) заполненных бюллетеней или, например, один заполненный и один незаполненный бюллетени.

Голосовать каждый гражданин мог только сам лично, не имея права делегировать свои полномочия другому человеку.

30 июля 1917 г. состоялись выборы в Екатеринбургскую городскую думу. На 85 мест в думе претендовали 11 избирательных объединений. В выборах приняли участие 26064 избирателя, что составило, по данным газеты «Думы Урала» от 2 августа 1917 г., «не менее 50% общего числа избирателей» [7]. В думу провели своих кандидатов только девять объединений, результаты голосования приведены в таблице «Итоги выборов в Екатеринбургскую городскую думу»

Абсолютную победу на выборах 30 июля 1917 г. одержали эсеры — 51,46% голосов избирателей. При этом количество мандатов всех умеренных социалистов, вместе взятых (эсеры, меньшевики и Бунд, народные социалисты), составило 48 единиц, или 56,47%. А если сюда приплюсовать мандаты радикальных социалистов (большевиков), то получается, что влияние социалистических (с различными оттенками) объединений среди населения Екатеринбурга достигает 77,65% (судя по количеству мест в думе). На долю буржуазных объединений (кадетов и домовладельцев) остается в совокупности 13 мест (15,3%).

Таким образом, подавляющее большинство (3/4) политической активной части всего населения (а не только рабочих и солдат)

Итоги выборов в Екатеринбургскую городскую думу
(сост. по [1, л. 12–12 об.; 7; 9; 10])

№ списка	Избирательные списки	30 июля 1917 г.				5 ноября 1917 г.			
		Кол-во поданных голосов	% голосов от проголосовавших ¹	Кол-во мест в думе	% полученных мест в думе	Кол-во поданных голосов	% голосов от проголосовавших	Кол-во мест в думе	% полученных мест в думе
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Всего участвовало в выборах	26064				20 168			
1	Кадеты	3 185	12,22	10	11,76	3 541	17,56	15	17,65
2	Эсеры	13 412	51,46	44	51,76	4 602	22,82	19	22,35
3	Екатеринбургское мусульманское общество	490	1,88	2	2,35	316	1,57	1	1,18
4	Союз домовладельцев	743	2,85	3 ²	3,53	611	3,03	3	3,53
5	Меньшевики	1 038	3,98	3	3,53	363	1,8	2	2,35
6	Народные социалисты	295	1,13	1	1,18	254	1,26	1	1,18
7	Большевики	5 534	21,23	18	21,18	9 245 ³	45,84	39	45,88
8	Демократическо-христианская организация	679	2,61	2	2,35	513	2,54	2	2,35
9	Еврейская демократическая ⁴ организация	544	2,09	2	2,35	269	1,33	1	1,18
10	Союз квартирант-наимателей	37	0,14	0	0	21	0,1	0	0
11	Республиканский союз внепартийных ⁵	107	0,41	0	0				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	Бунд					249	1,23	1	1,18
12	Нар[одная] евр[ейская] дем[ократическая] организация ⁶					184	0,91	1	1,18

г. Екатеринбурга, уверенно связывало свои надежды дальнейшего социально-экономического и политического развития с социалистическим выбором (в основном эсеровского варианта).

Однако результаты июльских выборов в Екатеринбургскую городскую думу были отменены 5 сентября 1917 г. постановлением Пермского окружного административного суда.

Здесь надо отметить, что из полученной 30 июля 1917 г. телеграммы от заместителя министра внутренних дел Авилова следовало, что: «*Высшим представителем местной административной власти, к которому[,...]направляется все выборное производство,[...] является губкомиссар*» [3, л. 112].

Пользуясь предоставленными ему правами, Пермский губернский комиссар Временного правительства составил Акт от 7 августа 1917 г., в котором изложил суть нарушений, обнаруженных при проведении выборов в Екатеринбургскую городскую думу.

В частности, согласно Акту, по избирательной комиссии 2-го района (всего было 8 избирательных районов [7]) представители партии социал-демократов (большевиков) 30-го июля «*во время выборов[...] неоднократно удалялись [...] милицией от ворот избирательной комнаты, когда пытались вручить неграмотным избирателям свой заполненный бюллетень с № 7 списка [...]*» [11, л. 397 об.]. По избира-

¹ Все проценты в таблице подсчитаны автором данной статьи.

² По подсчетам автора данной статьи, «Союз домовладельцев» должен был получить два места в думе, а не три. Так как избиратели поддержали домовладельцев на «2,42» места.

³ Кононенко А.А. приводил иные цифры — всем в сторону уменьшения: за большевиков — 9.194 голоса, за эсеров — 4.479, за кадетов — 3.438, за домовладельцев — 589, за меньшевиков — 349 голосов избирателей (см. [12]).

⁴ Это название избирательного списка 30 июля. На выборах 5 ноября список № 9 назывался «Евр[ейская] сион[истская] организация».

⁵ На выборах 5 ноября под № 11 находился «Бунд».

⁶ На выборах 30 июля 1917 г. данный избирательный список отсутствовал.

тельной комиссии 3-го района было обнаружено много недействительных и испорченных бюллетеней [11, л. 398–398 об.]. В 4-м и 6-м районах оказалось неизвестным, были ли опечатаны избирательные урны [11, л. 400], видимо, еще до начала голосования. В 7-м районе при подсчете голосов вместо 1 915 бюллетеней насчитали 1.930: «Непонятно[,] как эти 15 конвертов попали в избирательные урны» [11, л. 400–401 об.]. (Но вот газета «Думы Урала» от 2 августа 1917 г., приводит другие цифры по 7-му району Екатеринбурга: проголосовали 1 897 человек [7], а не 1 915 или 1 930.) В 8-м районе накануне выборов было изменено (перенесено) место голосования и не все избиратели были оповещены об этом [11, л. 399].

Акт от имени Пермского губернского комиссара был заверен исполняющим обязанности губкомиссара Оболенским [11, л. 462]. Очевидно, этот документ и послужил основанием для отмены результатов голосования.

Исследователь Л.Ф. Муртузалиева, опираясь на другие архивные источники, также подтверждала факты нарушений при голосовании: «Так, на 2-м участке в самом помещении велась предварительная агитация; были попытки вручать неграмотным избирателям записки по списку № 7 (партии большевиков). На этом же участке лидер уральских большевиков Н.Н. Крестинский, войдя в комнату, где избиратели заполняли свои записки, оставил 12 уже заполненных записок по списку № 7. На 3-м участке размеры избирательных записок не соответствовали установленной норме, а урны не были опечатаны, и комиссия опечатала их 2-копеечной монетой. На 8-м участке неожиданно изменили место голосования. Кроме того, в выборах без предварительного списка приняли участие 55 заключенных Екатеринбургской тюрьмы» [8].

Бряд ли перечисленные выше нарушения радикально искажали общую волю избирателей. Но недостатки были зафиксированы в шести избирательных районах из восьми. И, видимо, поэтому итоги голосования были отменены Пермским окружным административным судом.

При этом политических мотивов для отмены итогов голосования не прослеживается: победу на выборах одержали эсеры, а Пермский губернский комиссар Б.А. Турчевич являлся представителем именно их партии (по другим данным, Б.А. Турчевич являлся меньшевиком, что сути не меняло).

Аннулирование результатов голосования в Екатеринбурге явилось хорошим подарком большевикам. На повторных, 5 ноября 1917 г., выборах в Екатеринбургскую городскую думу, в которых участвовали 12 избирательных списков, большевики заняли первое место, немного не дотянув до абсолютной победы. При явке на избирательные участки 20 168 граждан за большевиков проголосовали 9 245 человек (30 июля было 5 534 сторонников), что составило 45,84% участвовавших в голосовании и обеспечило большевикам 39 мест из 85 в городской думе; а у умеренных социалистов вместо 48 мандатов осталось 22. Результаты голосования 5 ноября 1917 г., в сравнении с результатами выборов 30 июля, можно увидеть в приведенной таблице выше.

Причины успеха большевиков на местных выборах можно увидеть в следующем: 1) произошла общая радикализация настроений населения ближе к осени, и сторонников большевиков поэтому стало больше; 2) в начале ноября 1917 г. государственная власть в стране находилась уже в руках большевиков, а к победителям часто тяготеют колеблющиеся; 3) явка избирателей снизилась: была около 50% (30 июля), а стала 38,5% (5 ноября). То есть противники большевиков частично находились в депрессии и не пошли голосовать, считая это уже бесполезным мероприятием; сторонники же большевиков, воодушевленные взятием государственной власти в стране, наоборот, пришли в массовом порядке.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2019.
2. Зауральский край. — 1917. — 23 апреля. — № 88. — С. 3.
3. ГАПК. Ф. 167. Оп. 1. Д. 38.
4. ГАСО. Ф. 644. Оп.1. Д. 294. Л. 51 об.
5. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 76. Л. 95.
6. Большая советская энциклопедия : [В 30 т.]. Т. 4 : Брасос-Веш / Глав. ред. А.М. Прохоров. — 3-е изд. — М., 1971. — С. 568.
7. Думы Урала. — 1917. — 2 августа. — № 55. — С. 4.
8. Муртузалиева Л.Ф. Выборы в Екатеринбургскую городскую думу 30 июля 1917 г. / Л.Ф. Муртузалиева // Россия. Романовы. Урал. Вып. IV. 1917–1919 : Из истории русской смуты. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. — С. 11.
9. Зауральский край. — 1917. — 12 ноября. — № 177. — С. 3.

10. Антонов А.Д. Вторая Уральская областная конференция РСДРП(б) / А.Д. Антонов // 1917 год на Урале : Сборник статей. — Пермь : Кн. изд-во, 1957. — С. 152.

11. ГАПК. Ф. 167. Оп. 2. Д. 23.

12. Кононенко А.А. Социалисты-революционеры в политической борьбе на Урале в 1917–1918 гг. : специальность 05.25.02 : дис. ... канд. ист. наук / А.А. Кононенко. — Тюмень, 1993. — С. 73, 14.

Yu.M. Yarkov

Ekaterinburg City Duma Elections (1917)

Abstract. The article examines the regulatory framework of elections; the “electoral card” that gave the right to vote; the form, methods of manufacture, permitted options for filling in the ballot; voting procedure; voting results on July 30, 1917; reasons for the cancellation of election results from July 30, 1917; the results of repeated elections to the Ekaterinburg City Duma on November 5, 1917.

Keywords: Provisional Government, elections, Ekaterinburg City Duma, voting procedure.

Yarkov Yury Mikhailovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Documentation, Law, History and Russian Language at the Institute of Humanitarian and Socio-Economic Education, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia);

e-mail: ele-yarko@yandex.ru.

СЕКЦИЯ II ИСТОРИЯ УРАЛА XX–XXI ВЕКОВ

УДК 94(47).084 + 908

М.В. БЕКЛЕНИЩЕВА¹

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАНИЯ ПО-СОВЕТСКИ: ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В ВУЗАХ СВЕРДЛОВСКА

Аннотация. В Свердловске обучение иностранных студентов начинается с 1946 года. В вузах города в 1946–1991 гг. обучались более 2 тыс. иностранцев из стран Восточной Европы и Азии. Подготовку кадров для зарубежных стран осуществляли 6 вузов Свердловска. Исследование основано на различных группах источников: материалы архивов, периодическая печать, воспоминания, фотодокументы.

Ключевые слова: иностранные студенты, экспорт образования, социокультурная адаптация.

В 1940–1950-е гг. по мере расширения международных контактов Советского Союза начинают заключаться специальные соглашения по вопросам обучения иностранных граждан в вузах страны. Характерной чертой межправительственных соглашений являлось то, что основную часть расходов (транспортных, хозяйственных, коммунально-бытовых, на обучение, выплату стипендий) брал на себя СССР. «Подобный шаг представляется особенно значительным на фоне тех гигантских разрушений и потерь, которые Советский Союз получил в результате Великой Отечественной войны» [1]. Таким образом советская модель экспорта образования предполагала решение важнейшей политической задачи — «возвратить домой друзьями СССР»,

¹ Бекленищева Мария Владимировна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), лаборант-исследователь Международного центра демографических исследований; e-mail: bektmv88@yandex.ru.

что должно было способствовать распространению идей коммунизма за рубежом.

Наличие иностранных студентов и поддержание международных контактов рассматривалось как знак особого доверия и являлось значимым критерием для позиционирования вуза в советской системе высшего образования [2]. Иностранные студенты впервые приехали в Свердловск в 1946 году. Во второй половине 1940-х гг. в городе проходили обучение около 200 иностранцев, большую часть из которых составляли корейцы [3, с. 223]. В целом до 1960 года в вузах Свердловска проходили обучение более тысячи человек — представители Албании, Болгарии, Венгрии, Китая, Северной Кореи, Монголии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Обучение иностранных студентов в советских вузах напрямую было взаимосвязано с внешнеполитической обстановкой. Так, например, в 1947 г. в вузах Свердловска начали учиться югославские студенты, но на фоне ухудшения отношений СССР с Югославией все представители этой страны были отчислены. В Уральском политехническом институте (УПИ) в личных делах фигурировала формулировка «как не возвратившиеся к занятиям с начала учебного года с IX 1948 г.».

Другим ярким примером являются отношения Советского Союза с Китаем. С 1953 до 1960 г. в вузах Свердловска прошли обучение 316 китайцев, т.е. почти треть от всех иностранных студентов в 1946–1960 гг. [4, с. 28]. После политического раскола представители КНР не только покинули СССР, но и вынуждены были несколько десятилетий скрывать факт учебы в Советском Союзе. Многие уничтожали свои дипломы. В конце 1980-х годов в вузы Свердловска стали приходить запросы с просьбами о восстановлении документов об образовании. Так, выпускник Свердловского горного института (СГИ) С. обращается в 1988 г. в вуз: «За долгие годы геологической службы и жизни в различных районах страны мне не удалось сберечь всех собственных имуществ, вследствие чего моя дипломная книжка об окончании ВУЗ–СГИ была утеряна».

Абсолютное большинство иностранных учащихся столкнулось с трудностями социокультурного и психологического характера, а их адаптация стала серьезным политическим и педагогическим вызовом, требовавшим оперативного принятия решений [5, с. 8]. Сложность представляла не только интеграция студентов в новую социокультур-



Чжан Юй-Цзюнь в Свердловске в 1990 году

ную среду, но и зачастую низкий уровень владения русским языком и общей подготовки по школьным предметам.

Важную роль в адаптации иностранных студентов играло окружение: их соотечественники — члены землячеств, а также преподаватели, однокурсники и соседи по общежитию — советские граждане.

Иностранцы проходили обучение совместно с советскими студентами. Дружба, завязавшаяся в студенческие годы, могла поддерживаться после окончания вуза многие годы и даже десятилетия. Так, например, на курсе инженеров-геофизиков, окончивших СГИ в 1957 г., обучались болгарка Иванова и китайка Чжан Юй-Цзюнь. Чжан Юй-Цзюнь поддерживала дружбу по переписке со своим однокурсником В.С. Титриновым и даже побывала в Свердловске в 1990 году¹.

После 1961 г. и до распада СССР вузы Свердловска продолжили подготовку иностранных студентов, однако теперь это были преимущественно монголы. Как и в предыдущий период, флагманом в обучении иностранцев выступил УПИ. Здесь с 1961 по 1987 г. прошли под-

¹ Автор выражает благодарность М.В. Стихиной — дочери В.С. Титринова за предоставленные материалы.

готовку 620 монгольских студентов [6]. Всего в вузах Среднего Урала до 1991 года обучалось более 1000 иностранных студентов.

К началу нового этапа постарались по максимуму учесть недочеты в обучении иностранцев. Все монгольские студенты, за исключением поступавших в Уральскую государственную консерваторию (УГК), перед прибытием в Свердловск проходили обучение на подготовительном факультете Иркутского государственного университета, а в вузах появились кафедры русского языка как иностранного. Вместе с тем проблема языкового барьера все же сохранялась. Как отметили участники опроса, взаимодействовавшие в годы учебы с иностранными студентами, по-русски хорошо говорили те, кто дружил с советскими однокурсниками [7, с. 45].

В 2023 г. был проведен опрос среди монголов, обучавшихся в вузах Свердловска в 1980-е годы. В опросе приняли участие 5 человек. Оценивая уровень владения русским языком на момент поступления в вуз, один респондент указал, что хорошо понимал русскую речь и успевал записывать лекции, 2 человека отметили средний уровень владения языком: в целом могли понять русскую речь, записать основные положения лекции, объясниться на русском языке и 2 человека признались, что владели языком слабо — понимали отдельные фразы, не получалось записывать лекции, минимально могли объясниться на русском языке. На вопрос «Как изменился ваш уровень владения русским языком за период учебы?» 4 респондента ответили «улучшился значительно», 1 — «улучшился несущественно».

Выпускница УПИ 1991 г., жившая в общежитии и общавшаяся с монголами, вспоминает, что однажды к ее подругам подошла монголка и спросила, как правильно написать — «трём» или «трям». Так как советские студентки вопрос не поняли, они попросили монголку произнести фразу полностью. Фраза звучала следующим образом: «Как правильно написать: уравнение с трём или трям неизвестными?», после чего девушкам стало ясно, что монголам очень трудно [8].

Значительную роль в становлении иностранных специалистов играли преподаватели. В начале 1980-х годов появляются деканаты по работе с иностранными студентами. Деканы утверждались на коллегии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. Как отметила Людмила Павловна Миронова — декан по работе с иностранными студентами Уральского государственного университета (УрГУ) с 1983 г. «Деканов утверждала коллегия министерства. Пер-

сонально каждого. Они в нас уже видели что-то вроде дипломатических работников. Деканат был по количеству студентов. У нас было 100–120 человек — у нас был только декан. В УПИ было 300 человек — там были декан и проректор по международным связям, в горном институте тоже был декан» [9]. Таким образом в 1980-е годы в свердловских вузах появляются постоянно действующие структуры, занимающиеся иностранным контингентом. Этим структурам придавалось большое значение как в идеологическом плане, так и в образовательном.

Деканы по работе с иностранными студентами занимались решением всех вопросов — от бытовых до образовательных. По воспоминаниям Л.П. Мироновой, «...у нас было 2 заезда вьетнамских студентов. Они приезжали только на год для лучшего изучения русского языка. Государство выделяло деньги — 300 рублей в год, и мы могли им купить одежду, потому что они приехали без всего. Но это была очень маленькая сумма. Поэтому я договорилась, и Детский дом на Уралмаше дал им курточки, а мы им купили еще пальто... Конечно, у нас была работа не только учебная, но и внеаудиторная со студентами. Они у нас принимали участие и в строительных отрядах. Жили очень дружно. Преподаватели ходили постоянно в общежитие и очень много внимания уделяли работе с иностранными студентами» [9]¹.

Тесное общение способствовало возникновению дружеских отношений между преподавателями и студентами. Однажды Людмила Павловна решила поздравить монгольских студенток с 8 марта и купить мороженое. Студенток было более 20 человек. Пришлось отстоять очередь и поволноваться — хватит ли мороженого на всех. «Передо мной продавец говорит — мороженое закончилось, но я сейчас принесу. Когда она сказала — «закончилось», я думаю — ну надо же! И вот она мне принесла это мороженое. Я штук 25 купила и их всех угостила. И они такие счастливые были!» [9].

Вместе с тем и Л.П. Миронова, и декан по работе с иностранными студентами Уральской государственной консерватории с 1985 года Ирина Габдулловна Стояновская отмечают, что в вопросах взаимодействия советских и монгольских студентов были и проблемы. «Конечно, не все было благополучно. Были случаи, когда нарушался порядок в общежитии: и санитарный порядок, и дружеское расположение друг к другу. Были случаи, когда ребята злоупотребляли алкоголем, но они оправдывались тем, что к ним приходили гости из дру-

¹ Автор выражает благодарность Л.П. Мироновой за предоставленные материалы.



Л.П. Миронова с монгольскими студентами

гих институтов. Жили они чаще всего по 4 человека. Была тенденция селить в общежитие в комнаты и монгольских, и советских студентов, чтобы они ощущали русский язык и общение с нашими советскими студентами. Гости монгольских студентов засиживались допоздна и потом были уже нарекания на нарушение порядка в общежитии. Что было, то было. Скрывать этого не будем, другое дело, что это требовало большого внимания с нашей стороны. И со стороны ректората, и со стороны деканата, и со стороны преподавателей по специальности... Раз в месяц мы проводили в общежитии в красном уголке, который сами оборудовали, собрания, на которых обязательно присутствовал третий секретарь посольства Монголии, присутствовали иногда заведующие кафедрами, в зависимости от того, какой вопрос мы ставили. Чаще всего это были учебные, творческие дела. Как правило, доставалось тем, кто недостаточно внимателен был, недостаточно прилежен был в занятиях, поэтому на этих собраниях, естественно, шел довольно строгий разговор. Ставились определенные цели и задачи, когда надо было разрешить все сложности учебного процесса. Но самое главное,



Собрание в красном уголке общежития

на наши собрания мы приглашали еще и известных деятелей культуры» [10].

Л.П. Миронова и И.Г. Стояновская особо подчеркивают, что общение со студентами было очень теплым. Обе дамы посещали Монголию, где их выпускники преподносили им цветы, которые являются там большой редкостью. Кроме того, И.Г. Стояновская отмечает: «Важно, что в этой поездке, когда нас приглашали в гости наши выпускники, на столе были бокалы, привезенные с Урала, оливье, который научились ребята делать здесь, и ряд других кушаний, которые им понравились здесь у нас на Урале» [10]¹.

О том, что у иностранных выпускников Свердловских вузов сохранились приятные воспоминания о годах учебы свидетельствуют их визиты в alma mater спустя десятилетия. К примеру, выпускница философского факультета УрГУ 1989 г. Тсендсурен Бодигерел в декабре 2023 г. побывала в университете и встретила с Л.П. Мироновой [11].

¹ Автор выражает благодарность И.Г. Стояновской за предоставленные материалы.

Знакомство с источниками личного происхождения позволяет сделать вывод о том, что экспорт образования по-советски характеризовался возникновением личных добрых отношений между зарубежными студентами и советскими студентами и преподавателями. Неформальное общение способствовало выстраиванию прочных связей, которые поддерживались иностранными выпускниками после окончания вуза. Таким образом, задача «возвратить домой друзьями СССР» была выполнена на высоком уровне, и, несмотря на распад Советского Союза, связи поддерживаются по прошествии многих лет.

Библиографический список

1. **Звягольский А.Ю.** Государственное сотрудничество с зарубежными странами и совершенствование правового статуса иностранных студентов в СССР (1945–1953 гг.) / А.Ю. Звягольский // *Общество и право*. — 2010. — № 1 (28). — С. 13–19.
2. **Нагорная О.С.** Восточногерманские студенты в СССР 1950–1960-х годов: транснациональные пространства и социалистические «сети» / О.С. Нагорная // *Исторический журнал: научные исследования*. — 2013. — № 5 (17). — С. 531–540.
3. **Каплюков В.В.** Документы ЦДООСО об обучении в вузах Свердловска иностранных студентов в конце 40-х – 50-е гг. XX века / В.В. Каплюков // *Вопросы истории Венгрии и российско-венгерских отношений: сборник научных статей*. — Екатеринбург: УрГЮУ, 2018. — С. 223–233.
4. **Бекленищева М.В.** Китайские студенты в вузах Свердловска в 1950-е годы / М.В. Бекленищева // *Китайская цивилизация в диалоге культур: материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 17 февраля 2023 г.) / отв. ред. М.П. Баева*. — Вып. 4. — М.: Знание-М, 2023. — С. 26–30.
5. «Возвратить домой друзьями СССР...»: обучение иностранцев в Советском Союзе, 1956–1965: сборник / Отв. сост. Т.Ю. Красовицкая. — М.: МФД, 2013. — 704 с.
6. *Цифры и факты // За индустриальные кадры*. — 1987. — 28 мая.
7. **Бекленищева М.В.** Иностранные студенты в советских вузах в 1940–1980-е гг.: проблемы адаптации и взаимодействия (на материалах Свердловской области) / М.В. Бекленищева // *Человеческий капитал*. — 2021. — № 4 (148). — С. 42–57.
8. *Интервью с С.Т.* — 16.12.2022. — 10 мин 02 сек // *Личный архив М.В. Бекленищевой*. — Устная речь: аудио.

9. *Интервью с Мироновой Л.П.* — 27.04.2021. — 30 мин 51 сек // *Личный архив М.В. Бекленищевой*. — Устная речь: аудио.

10. *Интервью со Стояновской И.Г.* — 11.04.2022. — 41 мин 43 сек // *Личный архив М.В. Бекленищевой*. — Устная речь: аудио.

11. *Выпускница философского факультета посетила департамент 35 лет спустя! / Департамент Философии УрФУ: страница группы соц. сети ВКонтакте*. — 12.12.2023. — URL: https://vk.com/wall-96866129_1928?ysclid=lt2kshksq1881541583 (дата обращения: 26.02.2024).

M.V. Beklenishcheva

Export of Soviet-Style Education: Foreign Students in Sverdlovsk Universities

Abstract. In Sverdlovsk, the education of foreign students begins in 1946. In 1946–1991, more than 2 thousand foreigners from Eastern Europe and Asia studied at the universities of the city. Personnel training for foreign countries was carried out by 6 more universities in Sverdlovsk. The research is based on various groups of sources: archive materials, periodicals, memoirs, photographic documents.

Keywords: international students, export of education, socio-cultural adaptation.

Beklenishcheva, Mariia V., Research Assistant at the International Center for Demographic Research, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: bekmv88@yandex.ru.

К ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «КРЕСТЬЯНСКОЙ ГАЗЕТЫ» 1923–1930 ГОДОВ

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструкции истории организации и работы уральского отделения «Крестьянской газеты». На основе музейных и архивных документов анализируются основные этапы функционирования издания в регионе, выделяются трудности и проблемы, с которыми сталкивались первые сотрудники редакции, дается общая картина условий реализации цели издания и его миссии.

Ключевые слова: Крестьянская газета, периодическая печать 1920–1930-е гг., Урал, П.П. Бажов, селькоры.

На сегодняшний день история уральского отделения «Крестьянской газеты» не получила достаточного освещения в научной литературе и является неисследованной. Во многом это связано с малым количеством сохранившихся источников и их труднодоступностью. В фондах «Объединенного музея писателей Урала» сохранилась делопроизводственная документация редакции и входящая корреспонденция (крестьянские письма). На основе этих материалов, а также архивных источников, предпринимается первая попытка реконструкции истории создания и функционирования областного отделения «Крестьянской газеты».

Появление в советской России специализированной крестьянской прессы было связано с решениями XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 г. Быстрее всех к выполнению постановления приступил Уральский регион, где по решению Екатеринбургского губкома было организовано издание особой крестьянской газеты, первый выпуск которой состоялся 22 мая 1923 г. [1, с. 11].

Отметим, что до «Крестьянской газеты» на Урале уже выходили издания, целевой аудиторией которых было крестьянство². Спрос

¹ Белоусова Марина Алексеевна, МАУК «Объединенный музей писателей Урала» (Екатеринбург, Россия), научный сотрудник; e-mail: tatianaagtapanda@mail.ru.

² В 1921 г. губернским посевкомом выпускались еженедельные газеты «Яровое Поле» и «Уральская Новь». Кроме этого, во многих населенных пунктах региона выходили собственные издания, например, в Чердыни выпускалась газета «Красный Пахарь», в Ирбите — «Землероб», в Камышлове — «Красный Путь», в Каменском

на специализированную периодику в регионе был достаточно высоким, поскольку в 1920-х гг. Урал в большей мере был аграрным, нежели промышленным, а доля сельского населения составляла свыше 5 млн человек, о чем свидетельствуют данные Всесоюзной переписи [2, с. 59].

Несмотря на имеющийся опыт и востребованность, организация издания столкнулась с большими трудностями, первой из которых была обширная территория региона. Образованная в ноябре 1923 г. Уральская область возложила на газету масштабные задачи: ей предстояло охватить обширную территорию с миллионным населением, пестрым национальным составом, различными хозяйственными укладами, нуждами и потребностями. Районирование существенно осложнило работу прессы и потребовало перестройки всей системы печати, реформа которой была затруднена послевоенным кризисом.

Помимо этого большое влияние на распространение прессы имело слабое развитие почтовой и транспортной сети. Так, на момент выхода газеты в области функционировало 456 почтовых отделений и 641 вспомогательный пункт [1, с. 10], что с учетом общей численности населения было недостаточно и добавляло трудностей в установлении связи на местах. Поэтому в первое время «Крестьянская газета» мало походила на областное издание, «от нее мало пахло степями Троицкого округа, лесным хозяйством Верхне-Камского, маслоделием Курганского, пшеницей Шадринского округа, многочисленными промыслами полупромышленных округов» [1, с. 16]. Именно поэтому налаживание сообщения с округами и связи с читателями были первостепенными задачами редакции, которые, несмотря на сложности, удалось разрешить. Уже в 1924 г. до 60% материала в газете было представлено информацией с мест [1, с. 16].

Еще одним обстоятельством, осложнявшим работу газеты, был ее читатель, его интересы и потребности. Выпуская первый номер газеты, редакция придала ему острую политическую направленность, поскольку, следуя внешней конъюнктуре, считала, что именно политика должна волновать деревенского жителя. И несмотря на то, что первый выпуск имел успех (чему, безусловно, способствовал громкий заголовок «Будет ли война?»), дальнейшая работа по линии политики показала, что запрос целевой аудитории был несколько иным. Поэтому во избежание судьбы своих предшественников, газета взяла курс

заводе — «Коммуна». Однако жизненный цикл этих изданий был коротким, часто не превышал и одной посевной кампании.

на изучение своего читателя. Большое значение в этом деле имела входящая корреспонденция — крестьянские письма, благодаря которым политический крен был исправлен и последующие выпуски на 2/3 состояли из сельскохозяйственной информации.

Учитывая первый опыт, свою цель редакция формулировала следующим образом: «Сделаем 50 тысяч номеров, протолкнем газету в каждую деревню, втянем крестьянство через газету в новое общественное строительство и вооружим наибольшее число деревенских хозяев агрономическими знаниями» [3, с. 24]. Анализируя работу редакции, можно отметить, что свои задачи она видела верно, поскольку к концу первого года работы имела до 15 тыс. подписчиков и тираж в 27 тыс. экземпляров [1, с. 14]. В последующие годы два этих показателя увеличивались, газета обрастала связями и обзаводилась собственной армией селькоров. Все это привело к тому, что в 1925 г. вопрос о судьбе «Крестьянской газеты» был поставлен на заседании Областного комитета партии, итогом которого стало решение об увеличении издания с 4 до 8 страниц, расширении штата редакции, а также выпуске бесплатных приложений к газете, которыми стали «Нашему другу» и «Справочник крестьянина». Таким образом, в 1925 г. начался новый этап развития издания, которое с мая того же года стало носить название «Уральской областной крестьянской газеты».

Во многом этот успех был заслугой сотрудников издания, чьи инициативность, профессионализм и находчивость позволили вывести газету «на новые рельсы», что в тот непростой период казалось делом невыполнимым. В первые месяцы работы редакция областной крестьянской газеты состояла из двух человек: Александра Ивановича Шубина (1884–1937 гг.) и Алексея Ильича Поликашина (1900–1940 гг.). Позднее к ним присоединился Павел Петрович Бажов (1879–1950 гг.), который в октябре 1923 г. получил назначение на должность ответственного секретаря редакции. Еще через год, в сентябре 1924 г., в газету был зачислен Петр Лаврентьевич Велин (1895–1969 гг.), который был назначен литературным сотрудником газеты. Впоследствии А.И. Поликашин так писал о первом времени работы редакции: «И вот эта двойка – четверка, без всяких наличных средств, не имея даже бюллетеней, радио-телеграмм или пресс-бюро (пользовалась информацией рабочей газеты), не получая даже в обмен московских газет, забитая в полутемную комнату старого дома¹, пыталась завоевать кре-

¹ Первое время редакция газеты располагалась по адресу ул. Вайнера, 12.

стьянского читателя. А сил не хватало. Поддержки от губернских организаций на деле не было. Представителя редакции не вызывали даже для участия на заседаниях важнейших губернских органов. Конечно, такое было время» [1, с. 15].

Преодолев «хроническое недомогание» первых лет, «Крестьянская газета» перешла на следующий этап своего развития, главной задачей которого была непосредственная работа с входящей корреспонденцией — вопросами, жалобами и прошениями своих читателей. Организующий принцип звучал как «Ни одного письма без ответа или использования» [1, с. 29].

Чем популярнее становилась газета, тем больше становился поток писем в редакцию. Для сравнения: в 1923 г. поступило 1700 писем, в 1924 г. — 4152 письма, через год — уже 56 165 писем, а в 1927 г. крестьянами было написано 68 941 письмо [3, с. 103]. На протяжении исследуемого периода объем входящей корреспонденции не снижался и оставался на уровне около 7 тысяч писем в месяц [4, с. 26].

Уже в середине 1924 г. в редакции ощущалась необходимость в выработке системы учета, обработки и хранения писем, создании специального отдела. Реализация этого произошла только в 1925 г. — вместе с расширением газеты произошла и реорганизация редакции, появился отдел крестьянских писем, который возглавил П.П. Бажов. Им была разработана классификационная система, по которой все письма делились на 4 категории по тематике содержания: переходящая корреспонденция (ПК), письма-запросы (ПЗ), деревенская работа (ДР) и деревенские неурядки (ДН). Данная классификация стала основой работы с письмами, упростила их учет и стала основным шифром документа [5, с. 1].

Как уже отмечалось ранее, работа с письмами была приоритетной для редакции. Основная ее часть проводилась в отделе крестьянских писем. Но перед тем, как попасть на стол к заведующему отделом, входящая корреспонденция проходила первичную обработку у делопроизводителя. Письма поступали в редакцию ежедневно, часто с опозданиями, что было связано с перебоями в работе почты, а также с тем, что крестьяне при отправке писем не указывали точного адреса [6, с. 1]. Попав в газету, корреспонденция просматривалась и распределялась по трем группам: письма селькоров и крестьян, секретная и официальная переписка, заказные письма. После чего на конвертах проставлялись специальные пометы («3» — заказ-

ное, «О» — официальное, «ХМ» — характерный материал), редакционный штамп с датой получения, и только после этого письма направлялись в отдел. Отметим, что уже на этом этапе все письма вскрывались, заказные регистрировались по форме: имя корреспондента, дата и место отправки, адресат, а письма, помеченные «ХМ», копировались. Одна из копий отправлялась в отдел, вторая в соответствующие органы и учреждения, а оригинал оставался у делопроизводителя [6, с. 2]. Подобная работа осуществлялась до 15 часов, оставшиеся и поступившие позднее письма регистрировались следующим днем. Непосредственными исполнителями данной работы были делопроизводитель и машинистка [7, с. 3].

Затем письма попадали в отдел к П.П. Бажову, в котором помимо него трудились еще три сотрудника. Наиболее сложная и ответственная работа была возложена на заведующего отделом. В его обязанности входила вторичная обработка писем (просмотр, систематизация и учет), отбор материала для публикаций, составление рекомендаций по дальнейшему использованию писем и распределение их по отделам. В ходе этой работы в правом верхнем углу письма появлялся индекс или классификационный шифр, характеризующий его содержание. Затем на миллиметровой бумаге составлялся сводный лист, куда заносились данные с шифром (сколько писем поступило по данной тематике). На основе этих сводных листов формировались отчеты, одним из которых было политическое письмо, составлявшееся ежемесячно и направлявшееся в контролирующие органы: Обком ВКП(б), Облисполком, ОблЗУ, ОблРКИ [8, с. 4]. К политическому прилагались наиболее важные и характерные крестьянские письма, отбор которых также был обязанностью П.П. Бажова.

С учетом рекомендаций заведующего отделом письма направлялись к подчиненным П.П. Бажова, которые продолжали работу с ними. Поскольку объем входящей корреспонденции был большим, обязанности между работниками были разделены. Так, один сотрудник занимался подготовкой писем к печати (правил, составлял сводки, подбирал материал, заказывал иллюстрации и т. д.), а также производил «выбраковку» повторяющегося материала и вел учет использованных писем в газете. Следующий сотрудник занимался письмами, которые направлялись в различные ведомства, требовали расследования и ответа в печати. И еще один работник выполнял обязанности курьера [7, с. 2].

Важную роль в работе с письмами играл и селькоровский отдел, в который направлялись письма, запросы и анкеты корреспондентов. Особенно внимательно в отделе следили за правдивостью поступающей информации. Если после проверки данные оказывались ложными, то этот факт фиксировался и отражался в личном деле селькора [7, с. 9].

С большим объемом писем сталкивался и подотдел расследований, куда направлялись наиболее острые и актуальные материалы, а также копии и оригиналы писем, требующих участия органов и ведомственных учреждений [7, с. 8].

В результате работы отделов, формировался материал, выбранный для публикации, он направлялся заместителю заведующего отделом крестьянских писем и ответственному редактору газеты. При этом осветить всю входящую корреспонденцию было непосильно, количество публикуемых материалов составляло около 10% общего объема входящих писем, что рождало недовольство со стороны крестьян и побуждало их писать еще больше писем, но уже с жалобами о невнимании и игнорировании со стороны редакции [7, с. 9]. Для того, чтобы большее количество корреспонденции оказалось на страницах газеты, сотрудниками делались сводки (тогда большое количество писем сжималось и объединялось под одним общим заголовком), а также обзоры по тем или иным вопросам в выдержках из писем с упоминанием авторов. Таким образом, число публикуемых материалов увеличивалось, а удовлетворение авторов писем возрастало [1, с. 43].

Одним из методов работы газеты со своим читателем была грамотная специализированная помощь в решении насущных вопросов. Так, в редакции была организована юридическая и агрономическая консультации, а в штат газеты были включены два постоянных сотрудника: агроном Н.И. Ларцев и юрист М.И. Коростелёв [1, с. 30]. Спрос на этих специалистов был огромным, только в первый год своей работы (1925 г.) устных и письменных консультаций по вопросам сельского хозяйства было дано 1238, по юридическим — 3674. В последующие годы востребованность этих специалистов только увеличивалась, чему способствовали их выезды на места, а по некоторым делам юрист от редакции выступал в качестве защитника в судах и земкомиссиях [1, с. 31].

Внимание к газете неуклонно росло, однако вопреки ожиданиям, крестьянин оказался читателем вдумчивым и требовательным, инте-

ресующимся не только своим хозяйством, но и, например, как поступить в ремесленную школу, где достать самоучитель иностранного языка, сколько стоит проехать до Рязани, чем предупредить беременность, где и почем покупают спорынью и прочее [5, с. 12]. Изначально эти вопросы обрабатывались в отделе крестьянских писем, но со временем их объем увеличивался, и редакция пришла к необходимости особого отдела, дающего «справки обо всем» [1, с. 31]. Так, в июле 1925 г. в газете появилось справочное бюро, куда направлялись все разнопредметные запросы, маркировавшиеся шифром «ПЗ-3». Ответственной за запросы справочному отделу была Е.И. Кремлёвская.

Большое значение в деле крестьянской печати имели селькоры, которые служили проводниками политики, агитировали и осуществляли пропаганду идей на местах. Воспитанию своих помощников газета уделяла особое внимание. Основными методами работы редакции с корреспондентами были личные встречи, обратная связь в письмах, публикация статей с рекомендациями о том, как и о чем писать. В дополнение к ним проводилось анкетирование, на основании которого редакцией составлялись списки «личного состава» селькоров. Это позволяло реальнее представлять своих корреспондентов, а значит и налаживать с ними более эффективную связь.

Важным показателем работы редакции с корреспондентами являлась малая текучесть кадров, основное ядро селькоров было сформировано в первые годы ее работы с 1923 по 1925 г. По гендерному составу большую часть пишущих в газету составляли мужчины. В 1927 г. количество женщин-корреспондентов составляло 270 человек, из общего числа селькоров в 3258 человек это составляло всего лишь 13% [1, с. 72].

Связь с селькорами поддерживалась не только общая, но и персональная. Один раз в 1,5–2 месяца постоянным корреспондентам отправлялось одно общее письмо, индивидуальные письма отправлялись чаще, по два-три раза в месяц. Последние были наиболее значимыми для пишущих читателей. Благодаря им корреспонденты знали, что, несмотря на то что их письмо не было напечатано, редакция его прочитала, оценила и по возможности будет использовать: «Из статьи вашей о трезвости сумел взять только несколько строчек. Перепроизводство у нас по этому вопросу» [9, с. 32]. Только в 1927 г. число персональных писем в месяц составило 650 [1, с. 76].

Многие активные селькоры дорастали до более серьезной журналистской работы, получали профессиональное образование и попада-

дали в редакции различных изданий. Яркими примерами подобных выдвиженцев служат селькоры и очеркисты Н. Олесов, ставший впоследствии ответственным секретарем редакции «Уральского рабочего»; П.А. Карьков, работавший в 1930-е гг. руководителем Свердловского отделения Гослестехиздата; М.И. Котугин, дослужившийся до должности помощника заведующего отделом крестьянских писем, а затем редактора газет «Под знаменем Ленина» и «Кировградский рабочий» [9, с. 54].

Еще одним действенным способом работы с селькорами были районные, окружные и областные съезды, организацию которых «Крестьянская газета» также начала с 1925 г. Через эти собрания прошла большая часть всех корреспондентов редакции. Знаменательным событием стал первый областной съезд (май 1925 г.), для участников которого был выпущен специальный сборник статей «Селькор», содержащий руководство к деятельности. Впечатление от подарка было сильное, а нехватка разного рода литературы настолько острая, что делегаты съезда вынесли решение об отмене денежных выплат корреспондентам — с условием отправки необходимых пособий и книг. Денежный фонд редакции был достаточно скромным (30–70 рублей в месяц), несмотря на это, в особых случаях селькорам за их работы выплачивались небольшие суммы. После постановления съезда все эти средства, за некоторыми исключениями, направлялись на приобретение литературы [1, с. 75]. Результаты подобной работы не замедлили себя показать — число участников кружков селькоров и «друзей газеты» увеличились в разы, а вместе с ними вырос и тираж. «Крестьянская газета» стала самым читаемым изданием в регионе.

Успех издания был продолжительным и сохранялся до конца 1920-х гг. Однако восстановительный период подходил к завершению, наступало новое десятилетие. В 1929 г. приказом Газетного издательства Уралоблисполкома № 48 от 13 мая отдел крестьянских писем был упразднен. В феврале 1930 г. газета была переименована в «Колхозный путь», а через полгода, в августе, П.П. Бажов был официально освобожден от работы в редакции и командирован в распоряжение обкома ВКП(б) [10, с. 74]. На протяжении семи лет «Крестьянская газета» была одним из флагманов периодической печати региона, сыграла заметную роль в установлении связи с самой многочисленной частью населения — крестьянством. Данная статья является кратким

обзором и призвана стать началом исследования истории уральского отделения «Крестьянской газеты».

Библиографический список

1. Поликашин А.И. Крестьянская газета : (Трехлетний уральский опыт) / А.И. Поликашин. — М., Л., 1927.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года = Recensement de la population de L'U.R.S.S. : в 56 т. Т. 4. Отдел 1. Вятский район ; Уральская область ; Башкирская АССР. — М., 1928.
3. ОМПУ. Ф. 2. Деятельность П. П. Бажова в «Уральской областной крестьянской газете». Незаписанное.
4. Бажов П.П. Краеведческие истоки: крестьянские письма в газете / П.П. Бажов // Уральское краеведение. Вып. 1. — Свердловск, 1927. — С. 23–28.
5. ОМПУ. Ф. 2. Папка без названия. № 1–3. Незаписанное.
6. ОМПУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.
7. ОМПУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56.
8. ОМПУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 77–78.
9. Павел Петрович Бажов : Письма : 1911–1950. / сост. Г.А. Григорьев, Л.С. Григорьева. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.
10. ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4.

M.A. Belousova

History of the Ural branch of the «Peasant Newspaper» 1923–1930.

Abstract. The article attempts to reconstruct the history of the organization and work of the Ural branch of the Peasant Newspaper. Based on museum and archival documents, the main stages of the publication's functioning in the region are analyzed, the difficulties and problems faced by the first editorial staff are highlighted, and a general picture of the conditions for realizing the publication's goal and its mission is given.

Keywords: Peasant newspaper, periodicals 1920s – 1930s, Ural, P. P. Bazhov, village correspondents.

Belousova Marina Alekseevna, United Museum of Writers of the Urals (Ekaterinburg, Russia), Researcher; e-mail: marinaarmanda@mail.ru.

УДК 908(470.54-25)

Л.А. ДОЛГИХ¹

ЗА ЧИСТОЕ ЖИЛИЩЕ И БЛАГОУСТРОЕННУЮ УЛИЦУ

Аннотация. В статье рассказывается об участии уличного комитета № 2 улицы Карла Либкнехта в восстановлении и сохранении жилого фонда города, в благоустройстве и озеленении Свердловска во второй половине 1930-х годов.

Ключевые слова: уличный комитет, улица Карла Либкнехта, благоустройство Свердловска.

В 1930-х годах в нашей стране широкий размах получило соревнование городов по восстановлению, сохранению жилого фонда и благоустройству. В борьбу за чистоту и порядок, за улучшение работы городского хозяйства были вовлечены уличные комитеты. Свердловск одним из первых в области приступил к созданию этих органов самоуправления [1, с. 25]. В Кунгурском музее-заповеднике хранится личный фонд известного уральского краеведа Аркадия Константиновича Воронихина, возглавлявшего наш музей в период с 1946 по 1957 годы [2, с. 155]. В составе фонда имеются материалы, рассказывающие о работе одного из уличных комитетов Сталинского района г. Свердловска. Документы по данной теме содержатся и в личном фонде А.К. Воронихина в Архиве Кунгурского муниципального округа (далее — Архив КМО).

4 марта 1935 г. состоялась 1-я Свердловская городская конференция уличных комитетов. Во время этого мероприятия был заслушан доклад заместителя председателя горсовета товарища А. Корнева о ходе организации уличкомов, подведены итоги первого этапа их деятельности. Докладчик особо отметил четкую и плодотворную работу комитета ул. Карла Либкнехта, возглавляемого товарищем Воронихиным [1, с. 25].

Уличный комитет № 2 улицы К. Либкнехта был создан в феврале 1935 г. В состав комитета вошли 11 человек. Председателем был избран А.К. Воронихин. Вскоре у комитета появился большой актив, состоявший из 20 взрослых и 50 ребятшек [3, л. 24]. Комитет объ-

¹ Долгих Людмила Анатольевна, МБУК Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Кунгур, Россия), зав. отделом природы; e-mail: miladolgikh@yandex.ru.

единил 29 домовладений: 9 домов частных лиц, 10 домов ЖАКТ (жилищно-арендные кооперативные товарищества) и 10 домовладений организаций, также вошли Деловой клуб, ТРАМ, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, Музей революции. Общее количество зданий: 45. Количество жильцов: 1102 человека. На территории участка комитета № 2 размещались столовая, кузница, шпалорезка, амбулатория, аптека, 11 садов и площадь Народной мести¹ [4, л. 1].

Первой задачей, стоявшей перед членами комитета, стало знакомство с жителями улицы и осмотр домовладений. Затем провели совещание с комендантами домов, дворниками. После этого перешли к решению практических задач: начали приводить в порядок дома, дворы [5, с. 21]. На домах установили новые стандартные адресные доски, во дворах — мусорные ящики и уличные фонари. Под руководством комитета № 2 ул. К. Либкнехта в 1935 г. были отремонтированы фасады зданий, заборы и ворота, окрашены крыши, осуществлен ремонт в квартирах [4, л. 1, 1 об.].

Комитет выявил ряд проблем, требующих решения по всему району. Чрезвычайно остро стоял вопрос с ассенизационным обозом. Он имелся у отдела благоустройства города и обслуживал только организации. Комитет № 2 улицы К. Либкнехта внес предложение о создании специальных ассобозов при каждом райсовете для нужд уличных комитетов [5, с. 21].

В выходной день, 6 апреля, был проведен субботник по очистке дворов, садов, огородов, улицы Карла Либкнехта от навоза, грязи и хлама. Члены комитета договорились с организациями, имеющими жилые дома на данном участке, о предоставлении гужевого транспорта. В результате в этот день работало 16 лошадей и было вывезено 260 возов сухого мусора, 172 бочки жидких нечистот [5, с. 21].

Еще один масштабный субботник был проведен на площади Народной мести силами учащихся Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы и актива уличного комитета. Площадь была выметена, вывезен 101 воз мусора, привезено 30 возов шлака, вскопано 12000 кв. м. Для посадки вырыты 1800 погонных метров канав глубиной 50 см, шириной 35 см, посажены 1000 акаций. Также были вскопаны все примыкающие к домовладениям газоны. Для охраны последних от езды на лошадях и автомобилях поставлено 89 каменных тумб вдоль дороги [4, л. 1].

¹ Бывшая Вознесенская площадь.

По плану благоустройства Свердловска намечалась реконструкция улицы Карла Либкнехта. Предполагалось срезать гору на метр, вымостить брусчаткой и озеленить. Отдел благоустройства города планировал мощение на участке от улицы Ленина до Первомайской. Уличный комитет № 2 предложил снять гору совсем, выровнять профиль и начать мощение от улицы Я. Свердлова. Другое предложение касалось приведения в порядок и озеленения Глуховской набережной [5, с. 21]. Актив уличного комитета и студенты Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы изъявили желание помочь в мощении улицы. На скольных работах они заработали 1200 рублей. Полученные средства были переданы в пользу МОПРа [4, л. 1 об.].

Большое внимание уличные комитеты Свердловска уделяли озеленению города. На 1-й городской конференции уличкомов отмечалось: «Особенно неблагополучно в городе с зелеными насаждениями. Из посаженных на улицах весной и осенью 1934 года 8500 деревьев к 1 января 1935 года погибло свыше 1500 штук» [1, с. 26]. Однако в связи с предстоящей реконструкцией озеленение газонов на К. Либкнехта было перенесено на 1936 год. Жители улицы принялись за превращение дворов в зеленые площадки. В 1935 году в садах на территории комитета № 2 было пересажено около 100 деревьев и кустарников, высажено более 1500 цветов. А в ЖАКТ № 233 был разбит новый сад [4, л. 1, 1 об.].

Большое внимание комитет уделял работе с несовершеннолетними, профилактике правонарушений подростков, борьбе с детской безнадзорностью. Члены комитета и актив выпускали уличную стенгазету «Культура — в быт», организовали кружок «Друг зеленых насаждений», уличные конференции для ребят, привлекали к работе с детьми домохозяек. Для родителей несовершеннолетних регулярно проводились собрания, во время которых знакомили с постановлениями правительства по борьбе с детской безнадзорностью, читали лекции по педагогике [4, л. 2]. Председатель уличкома А.К. Воронихин писал: «Чтобы отвлечь наших ребят от улицы, мы отдаем в их распоряжение один из имеющихся на нашей улице садов» [5, с. 21]. Там были организованы игровые и спортивные зоны. Денежные средства для приобретения необходимого инвентаря получали за счет сдачи утиля. Для этих целей в каждом доме был поставлен специальный ящик [5, с. 21]. В летний период уличным комитетом была организована детская площадка на 65 мест. Заведовавшая площадкой домохозяйка Мухина по командировке от уличного комитета окончила

курсы руководителей кукольных театров. За летний период с детьми было осуществлено несколько постановок, организовано 8 экскурсий. Площадка работала до конца августа [4, л. 1 об.].

Опытом борьбы за чистое жилище и благоустроенную улицу члены комитета делились «через печать и личной помощью»: участвовали в слетах уличных комитетов, публиковали статьи в журналах и газетах Свердловска, Кунгура. Уличный комитет, возглавляемый А.К. Воронихиным соревновался с комитетом №1 ул. К. Либкнехта и комитетом ул. Луначарского. По предложению Орготдела Облисполкома комитет № 2 улицы К. Либкнехта взял шефство над двумя уличными комитетами г. Кунгура Свердловской области [4, л. 2].

2 ноября 1935 г. Президиум Свердловского совета за лучшие показатели в работе и досрочное выполнение постановления Президиума Свердловского совета от 7 февраля 1935 года за № 70 о приведении города Свердловска в благоустроенный вид постановил премировать уличный комитет по ул. Карла Либкнехта, возглавляемый товарищем Воронихиным, к 18-й годовщине Октября 400 рублями. На полученные денежные средства был организован товарищеский вечер с пельменями, где присутствовал весь актив уличного комитета и приглашенные представители Свердловского горсовета [4, л. 2 об.]. Почетными грамотами Президиума Свердловского городского совета и Сталинского районного совета был награжден председатель комитета А.К. Воронихин.

Библиографический список

1. За чистое жилище, за благоустроенную улицу // Известия Свердловского областного исполнительного комитета советов РКК и КД. — 1935. — № 5. — С. 25–26.
2. Седьмые Татищевские чтения. В.Н. Татищев и культурное наследие Урала в исторической динамике : доклады и сообщения, Екатеринбург, 17–18 апреля 2008 г. / под ред. С.П. Постникова. — Екатеринбург, 2008. — С. 155–159.
3. Воронихин А.К. Мой опыт / А.К. Воронихин // Известия Свердловского областного исполнительного комитета советов РКК и КД. — 1935. — № 7–8. — С. 24.
4. Архив КМО. Ф. р-450. О. 1. Д. 151. Л. 1–2
5. Воронихин А.К. Слово председателя уличного комитета / А.К. Воронихин // Известия Свердловского областного исполнительного комитета советов РКК и КД. — 1935. — № 6. — С. 21.

L.A. Dolgikh

For a Clean House and Well-Maintained Street

Abstract. The article describes the participation of the Karl Liebknecht Street committee No. 2 in the restoration and preservation of the city's housing stock, in the improvement and landscaping of Sverdlovsk in the second half of the 1930s.

Keywords: street committee, Karl Liebknecht Street, improvement of Sverdlovsk.

Dolgikh Lyudmila Anatolyevna, Kungur Historical, Architectural and Art Museum-Reserve (Kungur, Russia), head of the department of nature; e-mail: miladolgikh@yandex.ru.

УДК 37.016:93/94

В.В. ЗАПАРИЙ¹

ЦЕНТР ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ УГИ² УРФУ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость создания координирующей структуры — научно-исследовательского и образовательного центра науки и техники на кафедре истории России Уральского федерального университета. Показано, что существует большая историческая традиция такого направления в рамках Уральского индустриального – Уральского политехнического институтов – Уральского государственного технического университета и Уральского федерального университета в этой работе. Анализируется работа в этом направлении.

Ключевые слова: история науки и техники, высшее образование, гуманитарные и негуманитарные направления в образовании, Урал, Россия, патриотизм.

История науки и техники как молодая и стремительно развивающаяся историческая дисциплина всегда привлекала внимание моло-

¹ Запарий Владимир Васильевич, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), профессор кафедры истории России; e-mail: zar@mail.ru.

² Уральский гуманитарный институт.

дежи и широкой общественности. Зародившаяся в середине прошлого века, она нашла свое воплощение и как направление исторической науки со своим номером специальности при защите диссертаций, и как учебная дисциплина, которая в техническом инженерном образовании просуществовала с 1949 до 1954 г. В нашем вузе, тогда в УПИ, даже была создана подобная кафедра, которую возглавлял ректор института А.С. Качко [1]. Однако после смерти Сталина в условиях борьбы с культом его личности свойственная сталинизму политика возвеличивания истории и достижений нашей страны была свернута, что сказалось на падении интереса к истории науки и техники. Кроме того, за столь небольшой период не удалось разработать ни нормальных учебных программ, ни самого курса. Для этого не было ни кадров, ни времени на их подготовку. Мы писали об этом [2].

Такая ситуация, когда история науки развивалась как наука, но не как система подготовки инженерных кадров, просуществовала до 1990-х гг., когда в ходе реформы высшей школы возникла острая необходимость в подобном курсе. И, идя навстречу «потребителям-заказчикам», на факультете гуманитарного образования УГТУ-УПИ была создана кафедра истории науки и техники, которая в лучшие годы насчитывала 22 ставки и вела преподавание на всех факультетах, кроме физико-технического, где курс читали местные профессора, и инженерно-экономического, где данный курс был заменен на историю экономики.

Были разработаны курсы истории науки и техники, которые читались с учетом данного инженерного направления, обеспечена методическая литература и создан уникальный и не имеющий до сих пор аналогов курс лекций, имевший 5 выпусков. Работа кафедры отличалась исключительной результативностью и получила высокую оценку как в университете, так и далеко за его пределами. Причем в большей степени его поддержали специалисты инженерных специальностей. Но об этом неоднократно писали в научной и методической литературе [3].

К сожалению, кафедра не вынесла очередной реформы высшего образования и перехода на бакалавриат, когда учебные дисциплины были сокращены на один год, то есть на 20%. Преподавание этого курса сохранилось только на небольшом числе факультетов, а затем институтов. Однако жизнь показала, что упразднение чтения курса на большинстве инженерных направлений было неверным решением.

Конечно, сейчас воссоздание кафедры истории науки и техники невозможно в связи с недостатком учебных часов, однако возможно возрождение этой очень нужной, как показала практика, работы в других формах, например, через создание и функционирование Центра истории науки и техники кафедры истории России.

В связи с указаниями Президента РФ, реформой Высшей школы со смещением акцентов на изучение истории России с патриотических позиций, предлагается сформировать на кафедре истории России департамента Исторический факультет УГИ Центр изучения и распространения знаний в области науки и техники России и Урала (далее — Центр истории науки и техники, ЦИНТ) на общественных началах в составе профессора В.В. Запария (руководитель), доцентов И.В. Зыкина, И.Е. Еробкина, Е.С. Лахтионовой, старших преподавателей А.В. Бармина, Б.И. Фарманова.

Нам представляется необходимым поручить ЦИНТ курировать и осуществлять подготовку соответствующих курсов по истории науки и техники и истории отрасли для аспирантов негуманитарных факультетов УрФУ как для чтения офлайн, так и онлайн, а также подготовку разделов по истории отрасли для инженерных направлений УрФУ в рамках нового курса по истории России.

Необходимо обеспечить проведение силами ЦИНТ программы популяризации достижений российской науки и техники, а также технического высшего специального образования, через сотрудничество с обществом «Знание», Российскими историческим и географическим обществами, другими вузами, а также средними специальными учебными заведениями и школами.

В целях популяризации знаний в области истории науки и техники, а также достижений российских ученых и инженеров, следует рекомендовать ЦИНТ ежегодно проводить конференции по профилю научных исследований с приглашением специалистов — ученых и практиков.

ЦИНТ сможет осуществлять поиск и участие в заявочной компании различных фондов (РНФ, Исторического общества, Потанинского фонда и других).

В задачи ЦИНТ будет входить связь с УГМК и Уральской медной компанией с целью поиска возможности обеспечения подготовки специалистов в области индустриального туризма, исследования и обучения специальных кадров из числа студентов УрФУ

по направлениям: история науки и техники, индустриальные музеи и выставки, история технических наук. Это может быть осуществлено через предоставление возможности стажироваться и обучаться на базе музеев техники и оружия этих компаний.

Необходимо ежегодно составлять план работы на текущий год и обновлять перспективный план на последующий период. Нами разработан план работы будущего Центра истории науки и техники кафедры истории России УГИ на 2023/24 учебный год.

Планируется:

а) осуществить подготовку обновленной программы для аспирантов инженерных направлений УрФУ по курсу «История и философия науки» на 2023/24 учебный год, в том числе разработку вопросов, обновление тем рефератов и практических занятий, что на сегодняшний день осуществлено;

б) обеспечить преподавание курса истории отрасли для аспирантов;

в) преподавать курс истории науки и техники бакалаврам инженерных специальностей;

г) предложить разделы по истории инженерных направлений для включения в курс истории России для инженерных направлений;

д) установить контакты с обществом «Знание»;

е) в сентябре 2023 г. провести секцию по истории науки и техники в составе Второго международного Уральского исторического форума «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» [4]¹;

ж) провести инициирование работы в налаживании контактов с руководством УГМК и РМК;

з) подготовить онлайн-курс по истории науки и техники;

и) подготовить первый вариант докторской диссертации Лахтиновой;

к) выпустить сборник статей профессора В.В. Запария по индустриальному наследию России и Урала.

В конце прошлого учебного года начата работа по формальному утверждению ЦИИТ. Согласие всех руководителей — заведующего кафедрой, декана, директора института и ректора — имеется. Будем

¹ В ходе работы данной секции участвовало 17 человек и 14 человек выступило. Предполагается последующая публикация материалов в одном-двух высокорейтинговых журналах России (участие 20–30 специалистов).

надеяться, что в течение октября-ноября текущего года формальные проблемы будут решены.

Библиографический список

1. Селиванов Н.П. Директор УПИ — Аркадий Семенович Качко / Н.П. Селиванов // *История науки и техники в системе современных знаний : материалы научной конференции, посвященной 10-летию кафедры истории науки и техники УГТУ-УПИ, Екатеринбург, 14 декабря 2009 г.* — Екатеринбург : изд-во УМЦ УПИ, 2009. — С. 207–215

2. Запарий В.В., Зайцева Е.В., Дорошенко В.А. Кафедра истории науки и техники УГТУ-УПИ (1999–2017) / В.В. Запарий, Е.В. Зайцева, В.А. Дорошенко // *История и современное мировоззрение = History and modern perspectives.* — 2022. — Т. 4. — № 4. — С. 67–73.

3. Запарий В.В., Бармин А.В., Дорошенко В.А. Кафедре истории науки и техники — пятнадцать лет / В.В. Запарий, А.В. Бармин, В.А. Дорошенко // *годы поисков и свершений: кафедра Истории науки и техники УГТУ-УПИ-УрФУ в 1999–2014 гг. : в рамках Пятой ежегодной научной конференции кафедры Истории науки и техники «История науки и техники в современной системе знаний», 8 февраля 2015 г.* — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2015. — С. 4–16.

4. Программа // II Международный уральский исторический форум «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» : УрФУ, Екатеринбург, 7–9 сентября 2023 г. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2023. — С. 13–15.

V.V. Zaparyi

The Center for the History of Science and Technology of the Department of Russian History UGI URFU

Abstract. The article substantiates the need to create a research and educational center for science and technology at the Department of Russian History of the Ural Federal University. It is shown that there is a large historical tradition of this direction within the framework of the Ural Industrial – Ural Polytechnic Institutes – Ural State Technical University and Ural Federal University in this work. Work in this direction is analyzed. It is concluded that it is necessary to create a coordinating structure to carry out this work in modern conditions.

Keywords: history of science and technology, higher education, humanitarian and non-humanitarian directions in education, the Urals, Russia, patriotism.

Zaparyi Vladimir Vasilievich, professor, doctor of historical sciences, professor of the Department of History of Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zap@mail.ru.

УДК 340

Н.Н. ЗИПУННИКОВА¹

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВУЗ НА УРАЛЕ: К 105-ЛЕТИЮ УРГЮУ ИМЕНИ В.Ф. ЯКОВЛЕВА

Аннотация. *Памятные даты — 105-летие ведущего юридического вуза страны и предстоящее 90-летие с момента его перевода из Восточной Сибири на Урал — в качестве поводов рассмотреть проблему транзита, культурного трансфера. Обозначены вопросы развития инфраструктуры учебного заведения в Свердловске и расширения его «географии», показано значение мест памяти юрико-университетской корпорации.*

Ключевые слова: *памятная дата, транзит и культурный трансфер, Урал и Свердловск, инфраструктура юридического вуза, места памяти, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева.*

Судьба вуза — судьба страны: о памятных датах в истории юрико-университетской корпорации. История известного в стране и за ее пределами юридического вуза, корни которой тесно переплетены с большой проблематикой сибирского университета в Российской империи, в полной мере отражает перипетии в развитии общества, власти, культуры, просвещения. Второй в Сибири университет — Иркутский (Иргосун) — был открыт одним из белых правительств осенью 1918 г., однако борения Иркутска и его жителей, наряду с другими городами, за право называться первым университетским городом Сибири восходят к XIX веку [1, с. 21; 2; 3, с. 55–79; 4]. Так или иначе, 105 лет тому назад начал работу, помимо историко-филологиче-

¹ *Зипунникова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, ФГБОУ ВО Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия); e-mail: museum@usla.ru.*

ского, и юридический факультет Иргосуна. В ходе последующей советизации университета шла активная апробация разных моделей высшего образования, а факультет для подготовки юристов развивался как гуманитарный с общественно-правовым отделением, факультет общественных наук, факультет права и местного хозяйства, факультет советского строительства. Большая реформа советского юридического образования 1931 г. повлекла за собой выделение из университетов, в том числе Иркутского, факультетов советского строительства и права и их реорганизацию в самостоятельные институты [5]. Так, на востоке большой страны был образован Сибирский (Иркутский) институт советского права, переведенный в 1934 г. в г. Свердловск. Начиная памятная дата 105-летия со дня основания юридического вуза как университетского юридического факультета сменяется еще одним юбилеем 2024 года: 90-летием творческого развития учебного заведения на Урале. Образовательно-научная корпорация реорганизовывалась в сложном и динамичном контексте советских десятилетий: то был Свердловский правовой (с 1935 г.), юридический (с 1936 г.) институт, Уральская государственная юридическая академия (с 1992 г.), Уральский государственный юридический университет (с 2014 г.). Вуз неоднократно получал именные номинации — А.Я. Вышинского, Р.А. Руденко, в 2022 г., получив почетное право называться именем своего выпускника, выдающегося правоведа и государственного деятеля В.Ф. Яковлева.

Проблематика транзита/трансфера и схолярные вопросы в преломлении к конкретному юридическому вузу. Транзит идей, интеллектуальный, культурный трансфер выступают значимой проблематикой в междисциплинарном полилоге специалистов. В качестве относительно новой сферы гуманитарного знания исследователи показывают «транзитологию», изучающую эволюцию общества от одного качественного состояния к другому [6, с. 95]. Также отмечается, что трансферизация знания выступает одним из глубочайших механизмов формирования культуры и отдельных направлений в ее составе [7, с. 54]. Особую значимость приобретает расшифровка механизмов трансферов, преемственности в так называемые переходные периоды. Потому глубокое многомерное познание первоначала конкретного юридического вуза представляет отнюдь не искусственный и не только локальный интерес. Организация Иргосуна и его юридического факультета поначалу осуществлялась по имперским лека-

лам, ярким свидетельством чему выступает Постановление Совета министров [Временного Сибирского правительства] от 26 апреля 1919 г. [8] и делопроизводственная университетская документация. В числе первых преподавателей-юристов оказались представители казанской научной школы, носители университетской культуры, формировавшейся в Российской империи. Выявление специфики своеобразного научно-культурного транзита/трансфера *Казань – Иркутск – Свердловск* видится перспективной задачей. Связывающими в ходе тектонических сдвигов эпохи в отечественной культуре были ученые, исследование интеллектуальных биографий которых осуществляется весьма успешно [9, с. 20–24, 31–32, 71–72, 114–118, 126–128, 158–164, 233–235, 249–251]. Так, небезыntenесны судьбы и научное творчество правоведов, связанных с данным маршрутом: М.М. Агаркова (1890–1947; *Казань – Иркутск*, с 1921 г. Саратов (потом Москва), И.А. Антропова (1888–1938; *Казань* (Пермь, Омск) – *Иркутск – Свердловск*), В.П. Доманжо (1881–1922; *Казань – Иркутск*), Г.Ю. Маннса (1884–1938; *Казань* (Уфа) – *Иркутск* (потом Саратов)), И.Д. Мартысевича (1905–1990; *Иркутск – Свердловск* (до 1940 г.), Ю.М. Позана (1899–1938; *Иркутск – Свердловск*), С.П. Покровского (1880–1939; *Казань – Иркутск* (до 1920 г.)), Б.Б. Черепихина (1894–1969; *Казань – Иркутск – Свердловск* (до 1952 г.)), К.С. Юдельсона (1904–1991; *Иркутск – Свердловск*).

В этой же связи перспективным видится продвижение в познании обширной схолярной проблематики, выявление механизмов формирования и развития научных школ. «Учителю учителей» Б.Б. Черепихину в 2024 г. исполняется 135 лет со дня рождения; как следует из его рукописной записки, отложившейся на хранении в фондах музея вузовской истории, им было подготовлено около двух десятков учеников, в том числе С.С. Алексеев (1924–2013), М.Я. Кириллова (1921–2019), О.А. Красавчиков (1923–1984).

Развитие вузовской инфраструктуры и городское пространство: Урал и Свердловск в подготовке профессиональных юридических кадров. Расширение вузовской географии. Если первым университетским помещением был особняк, ставший резиденцией генерал-губернатора Восточной Сибири (так называемый Белый дом в Иркутске), то принявшим переехавший в Свердловск институт советского права, выступивший базой подготовки юристов для Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока [10, с. 6], стал Дом органов

советской юстиции. Это важнейший элемент многофункционального комплекса зданий вокруг дореволюционного тюремного замка (пять из которых относятся к конструктивизму), характеризующего бытовое соприкосновение, смыкание жилого, судебного и пенитенциарного пространств («Городок юстиции» на ул. Малышева) [11, с. 69]. Автором комплекса был архитектор С.Е. Захаров (1901–1993), выступивший также соавтором крупных конструктивистских объектов в центре города — гостиницы «Большой Урал» и комплекса Уралобкома и Уралоблисполкома. Дом юстиции, шестизэтажное асимметричное здание, в образе которого проявились основные черты конструктивизма (комбинация криволинейных очертаний и жестких геометрических форм, противостояние горизонталей и вертикалей, контрастное сочетание глухих и остекленных поверхностей фасадов и др.) характеризуется как основная доминанта объемно-планировочной композиции «Городка юстиции» [12, с. 70, 76]. Именно в этом вузовском «доме» до начала 1990-х гг. развивался, функционировал Свердловский юридический институт.

На рубеже 1960–1970-х гг. была отстроена часть вузовского кампуса на ул. Комсомольской, в середине 1980-х гг. — общежитие на ул. Июльской. На излете советской эпохи начала воплощаться идея перевода вуза на берег у воды (ул. Колмогорова), реализовавшаяся в итоге в виде строительства и запуска в эксплуатацию учебного корпуса № 2. В очередной переходный период перевести всю инфраструктуру (единный кампус) на новое место не удалось. В 2008 г. было запущено в эксплуатацию трудно строившееся здание общежития (ул. Колмогорова, 52). Последнее дополнение этой части университетского городка — физкультурно-оздоровительный комплекс.

Развитие инфраструктуры вуза осмысливается разнообразно, в том числе музейными средствами. Среди многочисленных выставок музея истории университета были организованы такие, как «Университет как Дом: развитие вузовской инфраструктуры (из Иркутска в Свердловск)», «Вуз в пространстве города: к 300-летию Екатеринбурга и 105-летию УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева» [21].

Пока недостаточно осмысленным, но важным сюжетом истории вуза является проблематика расширения его географии; речь идет об учебно-консультационных пунктах (УКП), филиалах и представительствах института-академии. Деятельность УКП (Омского и др.) слабо отражена в делопроизводственной документации. Уфимский

филиал СЮИ работал в 1960-е – начале 1970-х гг., Новосибирский — в 1960–1980-е гг., Ноябрьский филиал УрГЮА — в 1999–2008 гг. Представительства УрГЮА были открыты в разные годы в городах Белореженск, Бишкек, Богданович, Иркутск, Каменск-Уральский, Кировград, Краснодар, Курган, Нижневартовск, Нижний Тагил, Ноябрьск, Пермь, Ростов-на-Дону, Салехард, Североуральск, Серов, Сочи, Уфа, Челябинск.

Небезынтересен и тот факт, что в здании на ул. Малышева 2б располагался также филиал Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ): в двух вузах работали преимущественно одни и те же преподаватели.

Места памяти УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева. «Местами силы и памяти» юридического вуза, длительное время связанного с Уралом, выступают выше показанные его здания, мемориал перед главным учебным корпусом на ул. Комсомольской и входная в него группа памяти В.Ф. Яковлева, мемориальные доски, барельефы, но также — университетский архив, научная библиотека, музей истории. Архив университета — важнейший его культурный элемент — уже оказывался в центре научного описания, пусть и небольшого [13]. Роль научной библиотеки, история которой в полной мере переплетена с эволюцией университета, сложно переоценить, особенно в контексте переезда вместе с вузом из Иркутска в Свердловск замечательной книжной коллекции [14]. Функционирующий несколько лет и ставший частью университета, его экосистемы музей С.С. Алексеева «Восхождение к праву» приобретает особое значение в 2024 г. в связи со 100-летием важнейшего вузовского актора, выдающегося правоведа и государственного деятеля.

Музей истории университета, как думается, имеет значительный образовательно-научный, воспитательный, имиджевый потенциал. Как отмечается специалистами, интеллектуальный потенциал музея можно и нужно рассматривать и оценивать на уровнях: глобальном; социокультурного института, действующего в системе научных и образовательных учреждений страны; региональном или муниципальном; наконец, на личностном [15, с. 11]. Сложная, тонкая работа с памятью, в частности исторической, по воспитанию уважительного отношения к прошлому начинается, пишут исследователи, с малого: с изучения истории вуза, в котором получаешь образование, со знакомства с судьбами людей, которые отдавали на протяжении десяти-

летий частичку своей души родному университету, с осознания обучающимися сопричастности к истории учебного заведения [16, с. 16]. Музей вузовской истории обладает также особым потенциалом визуализации. И нельзя не согласиться с тезисом об актуальности вопроса о вариантах репрезентации университетской истории через различные устойчивые формы визуализации, поскольку именно они удерживают память от забвения и создают каркас истории как нарратива [17, с. 131].

При участии студентов, занимающихся в Кружке СНО по истории государства и права России с элементами музейного и архивного дела, в вузе реализуется проект «Места памяти УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева»: под научным и методическим руководством сотрудников музея истории начинающие исследователи изучают научную литературу, интервьюируют сотрудников университета, снимают видео.

К вопросу о расширении источниковедческого и историографического ракурсов познания эволюции юридического образования и науки (заключительная реплика). Памятная дата, юбилей выступают замечательным поводом еще раз обратиться к значимой проблематике развития историографии юридического вуза, а также разнообразия источников познания его истории. В последние годы увидели свет сложносочиненные работы, выполненные в русле антропологического, мемориального, визуального поворотов, что нельзя не приветствовать [18; 19; 20]. Вовлечение в орбиту научных исследований визуальных источников, в том числе из фондов музея истории университета, развитие культуры работы с визуальным значительно расширяют горизонты познания традиций юридического образования и науки. В меньшей степени это относится к так называемым эго-источникам, длительное время находившимся на периферии внимания исследователей, особенно правоведов. Субъективное восприятие эволюции упомянутых отраслей образования и науки, истории конкретного юридического вуза имеет значительную ценность, транслирует важные смыслы, приковывая внимание к университетскому, вузовскому человеку. Именно широкое историографическое и источниковое пространство познания юридического вуза многомерно и рельефно демонстрирует творческое развитие Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева на Урале, в Свердловске – Екатеринбурге...

Библиографический список

1. *Alma Mater: Иркутский Классический ... : [ист.-публицистические очерки, посвящ. 85-летию Иркутского гос. ун-та] / гл. ред., сост. А. Гимельштейн. — Иркутск, 2003. — 503 с.*
2. **Ремнев А.В.** Университетский вопрос в Сибири XIX столетия / А. Ремнев // *Ab Imperio*. — 2012. — № 1. — С. 121–150.
3. **Казарин В.Н., Лякутина Ю.П.** Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991) / В.Н. Казарин, Ю.П. Лякутина. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. — 483 с.
4. **Дамешек Л.М., Кружалина А.А.** «Где быть университету?» Борьба за первый в Сибири университет как фактор формирования сибирской идентичности / Л.М. Дамешек, А.А. Кружалина // *Вестник Омского ун-та. Серия «Ист. науки»*. — 2021. — Т. 8. — № 2. — С. 47–53.
5. О мероприятиях по подготовке и переподготовке кадров работников советского строительства : Постановление ВЦИК РСФСР от 20 апреля 1931 г. // *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР*. — 1931. — № 29. — Ст. 261.
6. **Байбакова Л.В., Некрасова Т.А., Роголев Ю.Н.** Границы и перспективы применения транзитологии в исторических исследованиях / Л.В. Байбакова, Т.А. Некрасова, Ю.Н. Роголев // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. — 2015. — № 3. — С. 93–118.
7. **Постовалова В.И.** Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках / В.И. Постовалова // *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: кол. моногр. / [В.В. Феценко, С.Ю. Бочавер, В.И. Постовалова и др.]; отв. ред. В.В. Феценко. — М.: Культурная революция, 2016. — С. 86–123.*
8. Государственный архив Иркутской области. Ф. р-71. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 106–107.
9. Доктора юридических наук, профессора-преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета : биобибл. словарь / сост. и отв. ред. В.Н. Казарин. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. — 252 с.
10. Свердловский юридический институт, 1931–1981 : 50 лет / [В.В. Баженов, Н.Н. Ансимов, Л.Ф. Богер, В.В. Горланов]. — М.: «Юридическая литература», 1981. — 175 с.
11. **Пискунова Л.П., Старостова Л.Э., Янков И.В., Сучков Н.Е.** Конструктивистские городки Свердловска 1920–1930-е гг. / Л.П. Пискунова, Л.Э. Старостова, И.В. Янков, Н.Е. Сучков. — М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. — 88 с.

12. **Смирнов Л.Н.** Авангардная архитектура Екатеринбурга и городов Урала в творчестве западносибирских зодчих / Л.Н. Смирнов. — 2-е изд. — Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ; СПб.: «Издательский дом «Первоград», 2021. — 190 с.
13. **Зипунникова Н.Н., Калинина А.В.** Роль вузовского архива в сохранении университетской памяти (историко-биографический очерк об архиве Уральского государственного юридического университета) / Н.Н. Зипунникова, А.В. Калинина // *Российский юридический журнал*. — 2021. — № 6. — С. 176–190.
14. Сибирское наследие в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева : каталог выставки / отв. ред. О.А. Овчинникова, сост. и авт. вступит. статьи О.В. Морева. — Екатеринбург, 2022. — 76 с. — (Из собрания Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева. — Вып. 2).
15. **Сундиева А.А.** Интеллектуальный потенциал исторических и краеведческих музеев / А.А. Сундиева // *Ресурсы исторических и краеведческих музеев и проблемы их эффективного использования в современном российском обществе: материалы заседания Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации (Красноярск, 6–8 декабря 2005 г.)*. — Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2005. — С. 10–18.
16. **Грибан И.В., Сердюков А.А., Лыта С.В.** Музей истории вуза как средство сохранения исторической памяти: из опыта Уральского государственного педагогического университета / И.В. Грибан, А.А. Сердюков, С.В. Лыта // *Педагогическое образование в России*. — 2018. — № 12. — С. 11–17.
17. **Посохов С.И.** О памяти и памятниках в университетской истории / С.И. Посохов // *История и историческая память: межвузовский сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной*. — Саратов; Ставрополь: Саратовский гос. ун-т; СКФУ, 2012. — Вып. 6. — С. 117–131.
18. История первого набора / выпуска факультета правовой службы в народном хозяйстве Свердловского юридического института (1976–1980–2021 годы): к 45-летию ФПСНХ СЮИ–ИПИП УрГЮУ / М.Ф. Казанцев. — Екатеринбург; Белгород: Константа-Принт, 2022. — 320 с.
19. Ученый, Ректор, Человек Михаил Иванович Кукушкин: Личность в истории СЮИ–УрГЮА–УрГЮУ / сост. В.М. Кукушкин. — Москва: Норма, 2022. — 224 с.

20. Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедре гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева — 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало. — М.: Статут, 2024. — 407 с.

21. Открыта выставка Музея истории СЮИ–УрГЮА–УрГЮУ «Вуз в пространстве города» / ФГБОУ ВО Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева : сайт. — URL: <https://www.usla.ru/news/otkryta-vystavka-muzeya-istorii-syui-urgyu-a-urgyu-u-vuz-v-prostranstve-goroda/> (дата обращения: 15.12.2023).

N.N. Zipunnikova

Law University in the Urals: to the 105th Anniversary of URGYU named after V.F. Yakovleva

Abstract. Memorable dates — the 105th anniversary of the country's leading law school and the upcoming 90th anniversary of its transfer from Eastern Siberia to the Urals — are considered as reasons to think about the problem of transit and cultural transfer. The issues of developing the infrastructure of an educational institution in Sverdlovsk and expanding its "geography" are outlined, and the importance of places of memory in legal and university corporation is shown.

Keywords: memorable date, transit and cultural transfer, Ural and Sverdlovsk, infrastructure of a law school, places of memory, Ural State Law University named after V.F. Yakovleva.

Zipunnikova Natalja Nikolaevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russia);

e-mail: museum@usla.ru.

УДК 908

Ю.С. ЗОРИХИНА¹

248-й ОТДЕЛЬНЫЙ ГВАРДЕЙСКИЙ МИНОМЕТНЫЙ ДИВИЗИОН В ИСТОРИИ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ПАМЯТЬ» ГОРОДА ВЕРХНЕЙ САЛДЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ (80-летию со дня формирования УДТК посвящается)

Аннотация. Дружба членов поискового отряда «Память» ОУ № 2 города Верхней Салды Свердловской области с ветеранами 248-го ОГМД, входящего в состав 10-й ГД УДТК, в истории школы была длительной и важной. Об этом соединении нет отдельного издания. Оставшийся подарок (самиздатовские книги) от Совета ветеранов соединения может стать увековечиванием памяти через публикацию. Архивные материалы, результаты экспедиций отряда, встречи с участниками войны в разных городах страны, письма могут послужить дополнением к известным материалам о соединении. Историческая память живет.

Ключевые слова: 248 ОГМД, историческая память, связь двух поколений, наследие (самиздатовские книги о соединении), события сегодняшних дней.

Есть в истории некоторых школ эпизоды, которые становятся не просто моментами жизни образовательного учреждения, но входят в историю края. Школа № 2, которая находится в Верхней Салде Свердловской области, именно такое учреждение. Она основана в 1982 г. Именно в этом году областной совет ветеранов УДТК (Свердловская область) под руководством В.Я. Фирсова обратился к населению области с просьбой помочь в увековечивании памяти об уникальном соединении периода Великой Отечественной войны при подготовке к 40-летию юбилею Уральского добровольческого танкового

¹ Зорихина Юлия Сергеевна, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2 с углубленным изучением физики, математики, русского языка и литературы» города Верхняя Салда Свердловской области, руководитель поискового отряда «Память»; e-mail: sorulj@mail.ru.



Офицеры 248-го ОГМД [4]

корпуса. Учащиеся 7А класса откликнулись. Они создали поисковый отряд «Память», который активно включился в эту работу.

Предметом данного исследования в истории поискового отряда стал 248-й отдельный гвардейский минометный дивизион, входивший в Уральский добровольческий танковый корпус. Отряд работал по сбору материала о всех соединениях, но с ветеранами данного соединения был особенно дружен. Конечно, на первом этапе поисковики не знали о том, что в состав корпуса входили не только танковые бригады. В этом им помогла разобраться работница музея завода ВСМПО В.Ф. Русакова. Она часто ездила в архив Министерства обороны, расположенный в Подольске, и оттуда привезла перечень частей корпуса. В нем числился и минометный дивизион. Отдельных книг о нем не было. Да и сейчас на просторах Интернета конкретных сведений о формировании, участии в боях, персоналиях практически нет. Указан период вхождения в ДА с 2.04.1942 по 5.02.1943 г. как 510-го отдельного гвардейского минометного дивизиона в составе 26-й гвардейской минометной бригады [1]. Уже как 248-й дивизион появляется в списке

отдельных гвардейских минометных дивизионов 30-го Уральского корпуса [2].

248-й отдельный гвардейский минометный дивизион начальник штаба капитан Еськин Андрей Иванович (1945) Полное наименование (1945) — 248-й Отдельный гвардейский минометный ордена Красной Звезды дивизион	
1-е формирование — капитан Седов Борис Михайлович (1943, затем — командир 510 / 26 ГМБр)	2-е формирование — майор Иевлев Иван Федорович (1943, в 1945 — командир 3 / 308 ГМП), капитан / майор Коваленко Иван Петрович (с 1.1945)
1-е формирование — 02.04.1942–05.02.1943; 10.03.1943 — переименован в 510 огмд / 26 ГМБр	2-е формирование — 20.07.1943–11.05.1945; В составе: 30 ТК 4 ТА, 10 ГТК 4 ТА 1 УкрФ (с 1944)

Подчинение [3]:

01.06.1943	248 гв. минометный дивизион / 30 танковый корпус / Уральский военный округ
01.07.1943	248 гв. минометный дивизион / 30 танковый корпус / Московский военный округ
01.09.1943	248 гв. минометный дивизион / 30 танковый корпус / 4 танковая армия / Брянский фронт
01.10.1943	248 гв. минометный дивизион / 30 танковый корпус / 4 танковая армия / Резерв Ставки
01.11.1943– 01.05.1945	248 гв. минометный дивизион / 10 гв. танковый корпус / 4 гв. танковая армия / 1 Украинский фронт

На мемориальном сайте, сделанном по наказу ветеранов 10-го гвардейского танкового Уральско-Львовского добровольческого корпуса при поддержке Фонда президентских грантов «Мы победили в 45-м», представлена фотография лишь офицеров дивизиона [4].

Архивная группа ассоциации патриотических отрядов Свердловской области «Возвращение» неоднократно работала в центральном архиве Министерства обороны. Руководитель — выпускница отряда Е.Н. Кокшина. В составе группы были салдинцы, которые вели поиск сведений о дивизионе. На тот момент они выяснили список земляков, воевавших в этом соединении (Арбузов Александр Григорьевич, Волков

Николай Михайлович, Володихин Иван Дмитриевич, Кузин Василий Петрович, Лапин Алексей Павлович, Манылов Анатолий Андреевич, Поздеев Алексей Андреевич, Сушко Алексей Степанович, Филиппов Николай Федорович).

Ни один салдинец во время войны не погиб. Работа по поиску людей из состава УДТК осложнялась тем, что среди них было много эвакуированных в наш город. Это были уроженцы центральных областей СССР.

Уточнив список, всех бойцов проверили на награждения [5].

По собранным данным была сделана книга памяти. Автор, Бельков Андрей, стал первым Лауреатом премии губернатора в нашем муниципальном округе. Копия книги памяти была взята в ГААОСО. Архив на тот момент только формировался.

Ученик Бакланов Кирилл стал автором брошюры «Заявления салдинских добровольцев завода № 95, зачисленных в УДТК в 1943 году». Необходимость такого исследования возникла после выхода в свет книги «Прошу не отказать» [6]. В ней не было опубликовано ни одного заявления салдинцев. В брошюре К. Бакланова вошли и заявления бойцов дивизиона Кузина В.П. и Филиппова Н.Ф.

Кузин В.П., 1915 г. р.

Заявление

Прошу зачислить меня в танковый корпус добровольцем. Пусть т. Сталин надеется на меня. Я не подкачаю. Буду громить немцев без пощады. Был на Финском фронте. 1939–1940 г.г.

03.03.1943 г.

Филиппов Н.Ф., 1912 г. р.

Заявление

Прошу парторганизацию завода о посылке меня добровольцем в ряды РККА — Уральский добровольческий танковый корпус. В настоящее время я желаю оказать помощь героической Красной Армии в быстрейшем разгроме фашизма.

02.03.1943 г. [7]

Члены поискового отряда разработали походы по местам боевого корпуса. Они совершили экспедиции от Орла до границ СССР. Использовали при подготовке записи боевого журнала. В маршрут старались внести населенные пункты, упомянутые в нем. «28 июля боевые установки сосредоточились на огневой позиции северо-вос-

точнее деревни Малая Чернь. В 17.00 дали залп побатарейно по двум целям. Потерь нет» [8]. «1 августа 1943 года. Дивизион сосредоточился северо-западнее деревни Ветловка. В бою отличились связисты: гв. старший сержант Звягинцев Евгений Борисович, гв. сержант Сляднев Алексей Иванович, гв. младший сержант Камов Хабиб Минисламович, гв. рядовой Корнев Владимир Митрофанович под огнем противника исправили 160 порывов. За время боев получили ранение 4 бойца, один скончался, Потемин Иван Васильевич орудийный номер 2-ой батареи, один тяжело ранен, двое — легко» [8].

В период выездов памятовцы встречались с ветеранами. Филиппов Н.Ф. проживал в Москве. Он передал документы на хранение в школьный музей.

Памятовцев пригласили на слет красных следопытов 4-ой танковой армии, в которую входил УДТК. Слет проходил в Москве. В 80-е годы на слете присутствовали отряды из всех уголков Советского Союза. Со многими из них мы подружились, впоследствии ездили в гости друг к другу. Иногда мы принимали следопытов из 9 территорий одновременно на базе школы. Но самое главное, мы познакомились с ветеранами.

Работой ветеранов 248-го дивизиона руководил Кузнецов Иван Калинович, проживающий в Москве. Сохранилась переписка с ним. Поскольку отряд выезжал в экспедиции через Москву, встречи с ним были частыми. 9 мая 1988 года Иван Калинович группу из отряда в составе трех человек пригласил в парк «Сокольники», где встречались ветераны дивизиона. Дети встали в строй вместо умерших бойцов дивизиона. По традиции минометчиков, они присутствовали на праздничном обеде у ветерана Андреева Льва Васильевича. Памятовцы вместе с ветеранами 248-го дивизиона были приглашены в ресторан «Прага». Ведь именно в Праге в суровые годы войны закончился боевой путь УДТК.

Ветераны прониклись уважением к детям. Брызгалов И.Д., проживающий в городе Марганец, выслал им свои воспоминания о войне. Общая тетрадь зачитана буквально до дыр. Такое в книгах не найдешь. «Мы освободили село на Орловщине. Название только — «село». Одни обугленные трубы печей. Только бой закончился, как к нам подбежала женщина и стала спрашивать: «Моего сыночка не видели? Воюет он, ничего о нем не знаю». Один боец, чумазый после боя, стоял и размазывал по грязному лицу слезы. Это был ее сын. Командир нарушил

законы военного времени и оставил группу бойцов, чтобы они матери соорудили жилье» [9]

Иван Калинович, председатель совета ветеранов 248-го отдельного гвардейского дивизиона, в одну из встреч передал отряду материалы, которые собирал много лет. Сам работал в Центральном архиве Министерства обороны.

Первая самиздатовская книга посвящена истории формирования дивизиона, корпуса, 4-й танковой армии. Также внесены архивные данные по схеме: название операции, время действия, количество залпов, уничтожение вражеских солдат, орудий, минометов, пулеметов, автомашин, бронетранспортеров, наши потери; о награжденных — название наград и количество награжденных.

Каменец-Подольская операция

15.03.1944 г. – 18.04.1944 г.

За время операции произведено залпов:

одноустановочных — 21 / израсходовано мин — 600

двухустановочных — 9 / обрушено на врага 25 тонн металла

Произведенными залпами уничтожено:

Солдат и офицеров противника — 455 / автомашин — 13

танков — 4

бронетрансп. — 1

Наши потери за операцию:

убито — 2 человека

ранено — 1 человек

За проведенную операцию награждено орденами и медалями СССР:

«Отечественной войны 1 степени» 1 / «За отвагу» — 19

«Отечественной войны 2 степени» 2 / «За боевые заслуги» — 19

«Красной Звезды» — 15

«Славы 3 степени» — 6 [8, л. 102].

Автор представил список личного состава дивизиона с учетом занимаемых должностей, званий, года рождения, воинской части [10, л. 51–78]. Дан список погибших с указанием даты гибели и места захоронения [10, л. 79–112]. Информация проверена по сайту «Обобщенный банк данных “Мемориал”» Министерства обороны. Часть сведений не совпадает, например, на сайте:

Фамилия	Ивашура
Имя	Михаил
Отчество	Федорович

Дата рождения/Возраст ___.___.1916

Место рождения Украинская ССР, Сталинская обл., Авдеевский р-н, с. Григорьевка

Дата и место призыва 20.07.1941 Куйбышевский РВК, Украинская ССР, г. Сталино, Куйбышевский р-н

Воинское звание ст. сержант

Причина выбытия пропал без вести

Дата выбытия 12.04.1943

Название источника донесения ЦАМО

Номер фонда источника информации 58

Номер описи источника информации 18004

Номер дела источника информации 882 [11].

В работе И.К. Кузнецова об этом человеке сказано:

«Ивашура Михаил Федорович 1916 г.р., украинец, начальник зарядной станции, член ВКП(Б), призван Нижнетагильским РВК Свердловской области. Погиб 5.09.1945 г. при мотоциклетной катастрофе. Похоронен: Венгрия, г. Шопрон, северная окраина, русское кладбище. Адрес родственников: Нижний Тагил, Свердловская область, улица Быкова, 59. Жена [10, л. 74]».

Также у Ивана Калиновича представлен список воинов, начиная от командиров, заканчивая рядовыми. Указаны воинские специальности, звания. «Волков Николай Михайлович, гв. мл. сержант, водитель боевой установки (машины)» [10, л. 66]

Иван Калинович собрал данные о ветеранах. Первое — фотографии личного состава 248-го ОГМД. Период служения в полку. Второе — фотографии встреч ветеранов. Третье — списки, адреса и краткие сведения о ветеранах, их фотографии военного времени и послевоенного.

Они хранятся в отдельной папке.

«Андреев Лев Васильевич, 1924 г.р., русский, член КПСС с 1944 года. В дивизионе с 3 мая 1943 года. Гвардии сержант, командир отделения радистов. Профессор Московского архитектурного института.

Награжден орденами: «Красного Знамени», «Отечественной войны» 1 и 2 степени, «Красной звезды» (2 штуки), «Славы» 3 степени и медалями: «За Победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», юбилейными.

Домашний адрес: 107014 Москва, улица Короленко, дом 2/23, корпус 5, квартира 20. Домашний телефон: 268-3211» [12].

Жена Галина Михайловна.

Сыновья — Павел, Дмитрий, Юрий».

Данная информация позволила членам отряда «Память» вступить в переписку с ветеранами. Писем приходило много. В тот момент никто не думал, что они будут историей, примером дружбы двух поколений. А она была настоящей, искренней, взаимобогащающей.

Письмо Андреева Л.В. от 9.01.1990 г.

«Уважаемая Юлия Сергеевна!

Прежде всего с Новым годом Вас, Вашу семью, Ваших следопытов! Всего вам самого лучшего в новом году, новых успехов и открытий.

На Ваше письмо не смог сразу ответить: то много дел, то болезни. Извините.

Очень впечатляет Ваше путешествие. Столько посетить, столько увидеть, столько отыскать — это уже захватывающее должно быть для ребят и должно оставить след.

К сожалению, в вопросах захоронений я ничем не могу вам помочь. Я этим не занимался. Донесения, помещенные в нашем альбоме. Это сведения из журнала боевых действий дивизиона. Там велась повседневная запись всех боевых действий и потерь в том числе.

Думал, подключу И.К. Кузнецова, но он пришел к нам в дивизион только в Польше, на Висле (вернее на плацдарме за Вислой), т.е. Орел, Брянск, Каменец Подольский, Львов, Самбор — это все было без него. Вот с Арбузовым он служил в одной батарее с лета 1944 года, хорошо его знал.

Есть у меня ветеран — Килессо Борис Тимофеевич (141002 Мытищи-2, Московская область, абонементный ящик № 12). Вы его знаете. Он был делопроизводителем штаба дивизиона. Журнал велся его рукой. И он многое помнит. Может быть, он мог бы вам в чем-то помочь. Напишите ему, и я могу Ваше письмо с вопросами ему передать. Он на пенсии, много занимается фотографией. Время у него есть.

Наш круг продолжает сужаться. Ушли из жизни еще 2 наших хороших друга — Зинов Леонид Петрович из Златоуста и Калягин Александр Иванович из Воронежа. Обоих свалил инфаркт.

Кузнецов И.К. и его брат П.К. (комбат 2) нынче часто болеют.

Вам и Вашим мальчикам привет от моей супруги Галины Михайловны.

Всего Вам доброго!

В мае 1990 года ожидается наша большая встреча в Москве в связи 45-летним юбилеем Победы» [13].

Ветераны уходили из жизни. Оставалась связь с их детьми. Они принимали нас как самых дорогих друзей их отцов. Кузнецова Татьяна Ивановна, дочь председателя Совета ветеранов, помогла в проведении экспедиции, посвященной Герою Советского Союза В.С. Смирнову. Она встретила уральцев на вокзале, поселила в своей квартире, показала архив отца, провела экскурсию по Москве, рассказала о ветеранах, школе, в которой работает.

Воины 248-го отдельного Гвардейского минометного дивизиона оставили большой след в истории отряда «Память». Это не только передача исторической памяти последующему поколению, это завет любить Родину, защищать ее в трудную минуту, уметь дружить и сохранять эти качества до последних дней своей жизни. Члены поискового отряда «Память» выросли такими. Они продемонстрировали эти качества во время раскопок неучтенных захоронений на Вахтах памяти, в момент жизненных испытаний, службе в армии, а их дети на местах сражений СВО. Генетическая память жива.

В 2022/23 учебном году дети осуществили проект, посвященный 80-летию юбилею Сталинградского сражения, ибо это была стартовая площадка идеи о корпусе; прошли до военкомата военного времени, расположенного в 10 километрах от нашего населенного пункта: именно этой дорогой от отчего дома уходили добровольцы на фронт; побывали в Екатеринбурге в Центре имени УДТК, познакомились с членами совета ветеранов. Запомнятся учащимся рассказы о корпусе [14], встречи с интересными людьми, что хранят память о добровольцах. С сентября средняя общеобразовательная школа № 2 города Верхняя Салда осуществляет новый проект, посвященный 248-му ОГМД.

Библиографический список

1. 248 гвардейский отдельный минометный дивизион / Память Народа 1941–1945: сайт / Министерство обороны Российской Федерации. — URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/id65379/?static_hash=615ae69c24588500fd75d6e8f2b6045bv1 (дата обращения: 11.12.2023).

2. Список отдельных гвардейских минометных дивизионов РККА / Википедия : свободная энциклопедия : [сайт]. — 12.09.2022. — URL:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_отдельных_гвардейских_миномётных_дивизионов_РККА (дата обращения: 11.12.2023).

3. Указатель частей и соединений РККА 1941–1945 : сайт. — 01.12.2021. — URL: <https://rkka.wiki/index.php/> (дата обращения: 23.12.2023).

4. Мы победили в сорок пятом : сайт / А.В. Турчанинов; ООО «Ветераны военной контрразведки»; СООО «Добровольцы Урала». — 2014–2024. — URL: <https://xn--90agncarqj3j.xn--p1ai/> (дата обращения: 23.12.2023).

5. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.» / Подвиг народа 1941–1945: сайт. — 15.04.2020. — URL: <https://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 12.12.2023).

6. «...Прошу не отказать»: [сб. док.] / [сост. Г.И. Степанова]; ЦДООСО. — Екатеринбург: БКИ, 2005. — 223 (1) с.

7. ЦДООСО. Ф. 2372. О.1. Д. 96. Л. 81, 82.

8. И. Кузнецов. 248 ОГМД : в 2 кн. Книга 1 / И.К. Кузнецов. — Самиздат: [б/з]. — С. 44, 68, 102.

9. Фонд музея МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2 с углубленным изучением физики, математики, русского языка и литературы» города Верхняя Салда Свердловской области». Тетрадь воспоминаний ветерана 248 дивизиона Брызгалова И.Д. Л. 98.

10. И. Кузнецов. 248 ОГМД : в 2 кн. Книга 2 / И.К. Кузнецов. — Самиздат: [б/з]. — С. 51–78, 79–102, 131)

11. Ивашура Михаил Федорович : сводная информация о человеке / Обобщенный банк данных «Мемориал» : сайт / Министерство обороны Российской Федерации. — URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=559417191> (дата обращения: 23.12.2023).

12. Фонд музея МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2 с углубленным изучением физики, математики, русского языка и литературы» города Верхняя Салда Свердловской области». Папка «И.К. Кузнецов». Л. 26–28.

13. Фонд музея МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 2 с углубленным изучением физики, математики, русского языка и литературы» города Верхняя Салда Свердловской области».

14. Школа №2, город Верхняя Салда : страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. — URL: <https://vk.com/schooooooillll> (дата обращения: 12.02.2023).

Ju. S. Zorikhina

The 248th OGMD in the history of the search party «Memory» of the Verkhnyaya Salda city, Sverdlovsk region (dedicated to the 80th anniversary of the UDTC formation)

Abstract. *The friendship of the members of the school No. 2 of Verkhnyaya Salda city (Sverdlovsk region) search party «Memory» with veterans of the 248 OGMD, which is a part of 10 UDTC, has been long and important in the history of the school. There is no separate publication about this connection. The remaining gift (samizdat books) from the Veterans Council of the union can become a perpetuation of memory through publication. Archival materials, the results of the detachment's expeditions, meetings with participants in the war in different cities of the country, letters can serve as an addition to the known materials about the unit. Historical memory lives on.*

Keywords: 48 OGMD, historical memory, the connection of two generations, heritage (samizdat books about the military formation), events of today.

Zorikhina Julia Sergeevna, Secondary school No. 2 with advanced study of physics, mathematics, Russian language and literature» of the Verkhnyaya Salda city, Sverdlovsk region, head of the search party «Memory»; e-mail: sorulj@mail.ru.

УДК 94(470.54-25)“1925/1929”+347.731.2

А.П. КИЛИН¹

«В КВАРТАЛЕ ЛЕНИНА, ВАЙНЕРА, МАЛЫШЕВА, ТРОЦКОГО»: СВЕРДЛОВСКИЕ ЯРМАРКИ В ГОДЫ НЭПА

Аннотация. На различных этапах истории преобладают специфические функции Екатеринбурга: стратегическая, производственная или сервисная. В 1923–1934 гг. город был столицей Уральской области, не только административным, но и экономическим ядром региона. Товарно-денежные отношения периода нэпа возродили традиционные формы торгово-посреднической деятельности, в том числе и ярмарочную торговлю. В 1925–1929 гг. было проведено пять Свердловских ярмарок, которые в условиях раннесоветского общества можно рассматривать как ретроинновации.

Ключевые слова: Свердловск, нэп, ярмарка, многоукладность, внешнеэкономическая деятельность, внутренняя торговля.

Восемь жизней Екатеринбурга. Развитие города Екатеринбурга – Свердловска происходило циклично, и на различных этапах истории преобладали специфические функции: стратегическая (фронтирная), производственная (промышленная, индустриальная), сервисная (торговля, образование, культура). Меняется идентичность города (как человека) [1], он проживает несколько жизней.

Смену ролей можно представить в следующем виде:

1723–1780: город-завод, город-крепость;

1781–1861: горный город;

1862–1917: торгово-промышленный центр;

1918–1928: пространство политических битв и многоукладной экономики, становление столицы Уральской области;

1929–1940: очаг индустриализации;

1941–1945: военно-промышленный центр, тыл армии и трудовой фронт;

¹ Килин Алексей Павлович, доктор исторических наук, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления; e-mail: alexey.kilin@urfu.ru.

1946–1990: индустриальный центр, очаг НТР и форпост освоения Сибири;

1991–2023: город-сервис, логистический центр, мегаполис.

Период конца XIX – начала XX в. и 1920-е гг. сближает факт доминирования сервисной, торговой функции.

Город — это конгломерат различных объектов, точка локализации максимального количества акторов, стремящихся реализовать собственные интересы. Это обеспечивает динамику в развитии, и одновременно создает постоянное напряжение, порой доходящее до состояния накаливания, и как следствие, формирует образ «красного города» [3].

В центре нашего внимания «четвертая жизнь» Екатеринбурга в годы нэпа. Период новой экономической политики, далекий от унификации, открывал возможности для развития потенциала не только субъектов предпринимательской деятельности, но и регионов, которые существенно отличались по факторам своего развития и стратегическим целям [4, с. 36–56].

Товарно-денежные отношения при социализме. Ярмарочная торговля в годы нэпа как форма реализации частного коммерческого интереса, неразрывно связана с представлениями о роли товарно-денежных отношений при социализме. Закономерно, что дискуссия о необходимости и возможности возрождении ярмарочной торговли в годы нэпа была остра. В раннесоветском обществе товарно-денежные отношения претерпевали радикальные трансформации в течение непродолжительного времени, однако эти изменения касались в основном политической и идеологических сфер. Реальная экономика всегда более консервативна, а экономическое поведение индивидов инерционно, оно отличается высокой степенью адаптивности с ориентацией на традиционные и уже подтвердившие свою эффективность методы и приемы; ярмарки входили в их число.

Эволюция взглядов на товарно-денежные отношений наглядно проявляется на примере того, как оценивалась роль денег и какими видели функции торговли при социализме. Романтический и радикальный период сменился восстановительным, а затем наступил реконструктивный период, когда пришлось использовать, казалось бы, выброшенные на свалку истории «архаичные» рыночные инструменты.

Период отрицания товарно-денежных отношений — это годы «военного коммунизма». По мнению ряда исследователей, в том числе А. Ноува, В.И. Ленин не имел четкого представления о том, как должна

работать социалистическая промышленность, и лишь в 1917 г., после возвращения из эмиграции, оформляются его взгляды на производственную деятельность и планирование при новом строе [5, р. 33].

Гражданская война, с одной стороны, позволила продолжить начатый в годы Первой мировой войны процесс огосударствления экономики и осуществить милитаризацию всех сфер жизни общества, с другой — радикализм преобразований в русле «коммунистической» модели должен был послужить образцом и спровоцировать рабочее движение на Западе последовать примеру русской революции. Период «военного коммунизма» в этой связи можно охарактеризовать как «неизбежное в образе желаемого».

Российский экономист и очевидец событий Б.Д. Бруцкус писал: «Период военного коммунизма доказал от противного преимущества рыночной экономики, период нэпа дал прямое тому доказательство» [6, с. 118].

Новая экономическая политика — рыночная по форме, социалистическая по содержанию (или наоборот) — стала периодом признания товарно-денежных отношений. Первоначальная логика линейного развития предполагала, что революционный радикализм, реализованный в годы «военного коммунизма», должен был перерасти в форсированную модернизацию первых пятилеток. Однако этого не произошло, напротив, случился нэп.

«Проживание» в достаточно короткий срок всех рыночных драм и сюжетов должно было не только решить прагматическую задачу — восстановить хозяйство страны, но и позволить провести ряд экспериментов: апробировать возможность эволюционного развития и естественного вызревания экономических предпосылок для построения в России нового общества; определить соотношение рыночных и плановых начал; зафиксировать пределы, позволяющие игнорировать объективные экономические законы в процессе достижения политических целей; оценить возможности внеэкономического принуждения.

Многоукладность экономики региона. Многообразие форм собственности и легализация частной собственности предопределили использование механизмов ярмарочной торговли.

Нэп как модель экономики переходного периода была основана на многоукладности. Хозяйственный уклад определяется формой собственности, способом экономического оборота и характером существ-

вующих в обществе социальных взаимодействий [7, с. 18–19]. Как сам уклад, так и набор укладов на определенной территории могут быть уникальными, соответственно рассмотрение многоукладного хозяйства города Екатеринбурга–Свердловска в 1920-е гг. представляет исследовательский интерес и позволяет обосновать качественный и количественный состав участников свердловских ярмарок.

Специфику «регионального варианта» нэпа предопределила совокупность факторов:

- *географическое положение*, которое предопределяет природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение;
- *ресурсный потенциал*, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы;
- *отраслевая структура экономики региона*: отрасли специализации; уровень комплексного развития, потенциал диверсификации; степень развития многоукладности, т. е. наличие различных укладов и характер связей между ними — рыночные, плановые начала; зачастую степень «рыночности»; степень экономической автономии, в т. ч. связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона; интенсивность товарообменных операций;
- *социально-демографическая ситуация*: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этнический и конфессиональный состав;
- *политические факторы*: степень зрелости и уровень консолидации региональных элит (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в т. ч. региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской власти, уровень лояльности центру, характер взаимоотношений элит центра и периферии, интенсивность этих связей, наличие и влияние региональных органов управления;
- *уровень консолидации региона* в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований — либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга;
- *экономическое районирование*: его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям [4, с. 63–64].

Свердловские ярмарки 1925–1929 гг. В годы нэпа реанимировали традиционные формы торгово-посреднической деятельности,

Распределение участников Свердловских ярмарок по районам¹

Районы	Годы		
	1925	1927	1928
Свердловск	118	121	82
Уралобласть	35	30	24
Башреспублика	5	2	6
Северо-Западный	4	5	3
Северо-Восточный	2	1	2
Западный	3	-	-
Центрально-Промышленный	30	38	49
Верхне-Волжский	-	2	2
Средне-Волжский	14	8	11
Нижне-Волжский	1	2	-
Вятско-Ветлужский	9	5	8
Казахстан	15	20	12
Центрально-Черноземный	-	2	1
Украина	-	7	13
Юго-Восточный	-	-	2
Закавказье	-	1	2
Туркменистан	5	1	6
Сибирь	12	5	17
Дальне-Восточный	3	3	6
Юго-Западный	2	-	-
Южно-Горнопромышленный	2	-	1
Крым	-	-	-
Западный Китай	-	20	47
Монголия	-	1	1
Турция	-	-	1
Персия	-	-	1
ИТОГО:	260	274	297

в том числе и ярмарки. Стремительное возрождение товарно-денежных отношений было predetermined естественностью и органичностью этих отношений для большинства граждан, было символом восстановления мира и прекращения войны. Ярмарка в экономическом

¹ Составлено по [8].

плане воспринималась как зримое воплощение многообразия в торговле, демонстрировала доступность материальных благ, а в психологическом — создавала ощущение праздника.

Свердловск являлся в эти годы административным центром Уральской области (1923–1934 гг.) и претендовал на роль не только административного, но и экономического центра. По этой причине именно он стал местом проведения ярмарки республиканского значения.

Всего было проведено пять ярмарок: первая (20.02–20.03.1925); вторая (20.11–20.12.1925); третья (20.02–20.03.1927); четвертая (20.02–20.03.1928) и пятая (20.02–20.03.1929).

Анализ ярмарочной торговли основан как на опубликованных, так и архивных источниках. Значительный материал содержится в опубликованных в журнале «Хозяйства Урала» статьях [8], в отчетах [9; 10] и путеводителях по ярмарке [11; 12]. В фондах Государственного архива Свердловской области хранятся документы Объединенного рыночного комитета торговцев г. Свердловска [13], а в фотофонде коллекция Л.М. Сурина с фотографиями ярмарки 1928 г. [14].

Символично, что место проведения ярмарки было традиционным, в районе Мытного двора, но после революции топонимика города радикально трансформировалась. Можно говорить, что традиционные формы торговли разворачивались на фоне «революционных декораций», в окружении имен революционеров, которые, как мы полагаем, не были сторонниками рыночных начал. В «Спутнике по ярмарке» говорилось: «Торговля на Свердловской ярмарке будет вестись от 8 часов утра до 7 часов вечера, причем ярмарочной территорией считается занятая кварталами площадь, огибаемая улицами Ленина, Вайнера, Малышева и Троцкого и правая сторона ул. Вайнера от ул. Ленина до ул. Малышева» [11, с.11].

Имеющиеся материалы позволяют рассмотреть процессы, связанные с проведением ярмарок в динамике (состав и численность участников, ассортимент, размер товарооборота).

Свердловская ярмарка не могла по своим масштабам и кругу участников конкурировать с Ирбитской ярмаркой в период ее наивысшего расцвета [15]. При этом традиция привлечения на ярмарку представителей зарубежных фирм из Восточного Китая сохранилась. Таким образом, Екатеринбург–Свердловск вновь обозначил свое положение как посредника в торговле со странами Востока. Наглядным примером могут служить данные, приведен-

ные в таблице «Распределение участников Свердловских ярмарок по районам».

Основные выводы, которые можно сделать по итогам анализа ярмарочной торговли, сводятся к следующему:

Свердловская ярмарка относилась к категории ярмарок республиканского значения с доминированием региональных участников; фиксируется тенденция расширения круга участников за счет «ино-областных» торговых организаций.

- Ярмарка продемонстрировала стремление к расширению внешнеэкономической деятельности, прежде всего в восточном направлении, что декларировалось как стратегическая цель.

- Ярмарка носила контрактно-завозной характер с тенденцией к доминированию контрактов (в т. ч. биржевых).

- Среди участников абсолютно доминировали государственные организации, а кооперация, АО, частники и иностранные фирмы находились в явном меньшинстве.

- Товарный ассортимент был традиционен для региона: преобладали металлы и металлоизделия, бакалейно-колониальные товары, кожтовары, сырье, текстиль, строительные материалы, зерновой хлеб, москательные-химические товары.

- Отмечается расширение ассортимента и объема продаж кустарно-ремесленных изделий как ответная реакция на острый товарный дефицит.

- Спрос потребителей на ярмарке не был удовлетворен в условиях товарного голода, в т. ч. по товарам традиционного регионального экспорта — кровельному и сортовому железу.

- Среди недостатков в организации ярмарки следует отметить несвоевременное предоставление льгот по решению СНК СССР (таможенные пошлины, акцизные сборы, транспортные тарифы).

- Очевидны дефекты анализа рыночной конъюнктуры, особенно во внешней торговле.

- Наряду с рыночными механизмами присутствовали методы прямого администрирования. Фиксировались факты принуждения к заключению сделки со стороны надзорных органов в случае длительных переговоров контрагентов. Имело место принудительное ценообразование в отношении импортеров, выравнивание цен на импортное сырье в соответствии с ценами на внутреннем рынке.

- Повсеместно отмечается ограниченность кредита.

- Проявляется двойственность подходов со стороны властей: с одной стороны, ориентация на распределение во внутренней торговле, с другой — использование рыночных начал в отношении экспортно-импортных операций.

Можно сделать вывод, что ярмарочная торговля в 1920-е гг. носила кратковременный и демонстративный характер, она может служить примером внедрения ретроинноваций [2; с. 76–79].

В связи с процессом свертывания нэпа, огосударствлением необобществленных секторов экономики и насаждением «моноукладной» экономики (отметим, что эта цель никогда не была достигнута), ярмарочная торговля утрачивает свое значение, а частная торговля криминализируется и уходит в тень. Советская торговля в большей степени ассоциируется с распределением, несмотря на то что на смену эгалитарным принципам приходят принципы элитаризма вслед за потребностью стимулировать население активнее включаться в планы индустриализации.

Ярмарочная торговля как форма прямого взаимодействия производителей и потребителей в СССР становится вновь актуальной лишь в процессе поиска «новых» или «традиционных» форм хозяйствования, сочетающих в себе плановые и рыночные начала в конце 1950-х гг.

Библиографический список

1. **Килин А.П.** *От инженера-металлурга к торговцу и банкиру: нарративный анализ образа Екатеринбурга / А.П. Килин // Открытый город: подходы, критерии, практики : монография / [Ф. Валлнер, Д.Б. Вукович, Н.А. Вукович и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Т.Ю. Быстровой. — Екатеринбург : УрФУ, 2017. — С. 166–172.*
2. **Килин А.П.** *Частная торговля в многоукладной экономике Уральского региона (1921–1936 гг.) : специальность 56.10.00 : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Алексей Павлович Килин; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. — Екатеринбург, 2021. — 521 с.*
3. **Килин А.П.** *«Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции / А.П. Килин // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 17. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 177–194.*
4. **Килин А.П.** *Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: монография / А.П. Килин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 606 с.*

5. **Nove A.** *An economic history of the USSR, 1917–1991* / Alec Nove. — 3rd ed. — London, England ; New York, N. Y., USA : Penguin Books, 1992. — 473 p.

6. **Бруцкус Б.Д.** *Результаты экономического планирования в России* / Б.Д. Бруцкус // Советская Россия и социализм : [Сб. ст.] / Б.Д. Бруцкус. — СПб. : Звезда, 1995. — 232 с.

7. *Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы* : [сборник] / отв. ред. Т.Е. Кузнецова. — Москва : Ин-т экономики, 2009. — 286 с.

8. **Я. К.** *Четвертая Свердловская ярмарка / Ярмарочный комитет // Хозяйство Урала.* — 1928. — № 5–6. — С. 174.

9. *Отчет Первой Свердловской ярмарки 1925 г.* — Свердловск : [б. и.], 1925. — 102 с.

10. *Отчет Свердловского ярмарочного комитета Наркомвнуторгу РСФСР и Уральскому областному исполнительному комитету / Вторая Свердловская ярмарка 20-го ноября – 20-го дек. 1925 г.* — Свердловск : Свердловский ярмарком, [1926]. — 72 с.

11. *Спутник по Свердловской ярмарке и городу Свердловску.* — Свердловск: Издательство «Транспечати», 1925. — 43 с.

12. *Свердловская ярмарка 1928 г. и путеводитель по г. Свердловску.* — Свердловск : газетное изд-во Уралоблисполкома, 1928. — 88 с.

13. ГАСО. Ф. Р-1429 *Объединенный рыночный комитет торговцев г. Свердловска (1927–1929 гг.)*

14. Коллекция Л.М. Сурина / ГАСО. Ф. Ф-1. Оп. 32, 33.

15. **Дмитриев А.В.** *Ирбитская ярмарка (1801–1917)* / А.В. Дмитриев. — Екатеринбург : БКИ., 2004. — 192 с. — (Очерки истории Урала).

A.P. Kilin

“In the Quarter of Lenin, Weiner, Malyshev, Trotsky”: Sverdlovsk Fairs in the NEP Years

Abstract. *At various stages of the conditions of early Soviet society can be considered as retro-innovations.*

Keywords: *Sverdlovsk, NEP, fair, mixed economic order, foreign economic activity, domestic trade*

Kilin Alexey Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of records management, archival science and history of public administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: alexey.kilin@urfu.ru.

УДК 658.512.2

В.А. КУРОЧКИН¹

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. Автор в статье рассматривает проблемы становления уральской школы промышленного дизайна. На современном этапе в магистратуре по специальным транспортным системам решаются социальные проблем, делается акцент на инновации, креативность, «умные» технологии, экологический подход с альтернативными источниками энергии, а также применение новых материалов и технологий.

Ключевые слова: транспортная система, кафедра индустриального дизайна, уральская школа промышленного дизайна, магистратура.

Данная тема рассматривается в рамках научно-исследовательской работы на 2023–2025 гг. по кафедре индустриального дизайна и УрГАХУ «Теория и практика модернизации транспортных систем (в рамках национального проекта РФ)».

Кафедре индустриального дизайна УрГАХУ им. Н.С. Алферова, которая первоначально называлась кафедрой промышленного искусства на базе Свердловского архитектурного университета (далее САИ), в 2023 г. исполнилось 55 лет. Она исторически стала основой уральской школы по обучению профессиональных промышленных дизайнеров.

Особенность данной школы обусловлена ее географическим положением, нахождением в центре одного из значимых экономических промышленных регионов СССР, ныне РФ.

Подготовка студентов кафедры была направлена на художественное конструирование промышленного оборудования и средств транспорта, что подразумевало серьезную инженерную базу для будущих художников-конструкторов. Значительный объем технических дисциплин в учебном процессе определял отличительную специфику уральской школы промышленного дизайна [2].

¹ Курочкин Валерий Алексеевич, кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой индустриального дизайна, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова; e-mail: designkiv@gmail.com.

В этом же направлении специализировался в свое время и Уральский филиал ВНИИТЭ. Первоначальный педагогический костяк кафедры связан своими корнями с региональным центром подготовки технической интеллигенции — Уральским политехническим институтом [5, с. 14].

Первоначальная специализация кафедры на промышленном оборудовании и средствах транспорта, ее генетическая связь со сферой технического образования и первоначальный состав преподавателей определили сильный аспект уральской школы — пристальное отношение к инженерно-технической подготовке дизайнеров [5, с. 15].

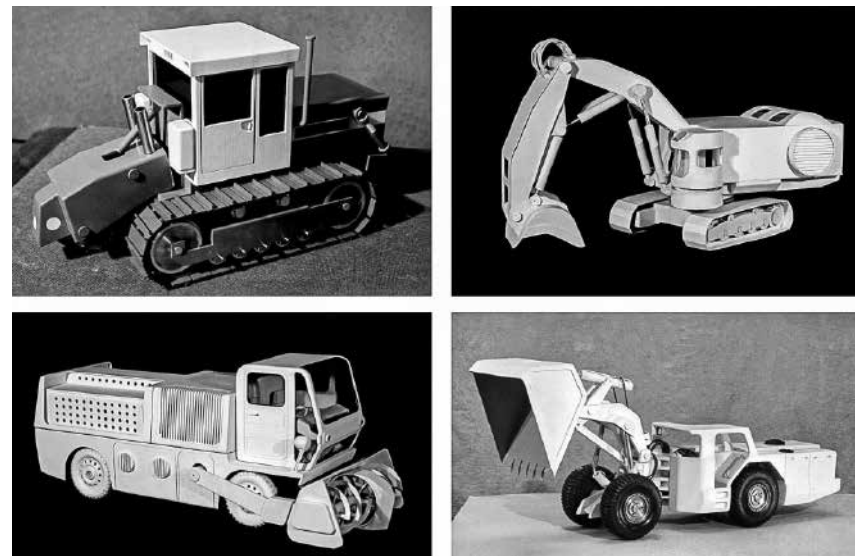
Для студенческого дизайн-проектирования всегда была характерна глобальная ориентация на тематику изделий машиностроения, а также на подготовку специалистов для предприятий Уральского региона [5, с. 16]. Другое направление развития практики было связано с заказами на модернизацию продукции уральских предприятий. Здесь в течение 60-х годов сложился определенный круг объектов дизайнерского проектирования — изделий тяжелого машиностроения, средств транспорта, горных машин, станков и т. п.

С изменением социально-экономической ситуации в стране, появлением конкретных потребностей в дизайнерских услугах кафедра совершенствует методику преподавания проектирования в зависимости от существующих требований заказчиков. С этой целью кафедра поддерживает тесные связи с российскими и уральскими предприятиями и фирмами, а также с зарубежными партнерами.

Отличительной особенностью современного периода было создание магистратуры на кафедре индустриального дизайна с тремя студиями: товаров, транспорта и дизайна для экстремальных условий Севера. В дальнейшем студия транспорта от проектирования автомобилей перешла к дизайну специальных транспортных систем под руководством профессора В.А. Курочкина и доцента В.Г. Быстрова [4].

Обучение в студии — «это прежде всего решение социальных проблем, инновации, креативность, «умные» технологии, экологический подход с альтернативными источниками энергии, 3D-проектирование и прототипирование, применение новых материалов и технологий» [1].

Актуальность тематики определяется современными вызовами, характеризующимися прогрессирующим ростом количества социальных, экономических, экологических, техногенных угроз. Рост заболе-



Дипломные дизайн-проекты студентов кафедры промышленного искусства САИ: трактор, грузовик, уборочная машина, экскаватор. 1970-е годы

ваемости населения от различных эпидемий и пандемий, загрязнение мусором и радиоактивными отходами, пожары и катастрофы, военная и политическая нестабильность требуют наличия специальной техники, оборудования и транспортных средств.

В последнее время в студии дизайна специальных транспортных систем закрепилась тематика транспорта двойного назначения. Студенты разрабатывают пожарный поезд и двухсекционную машину для тушения лесных пожаров, скорую помощь для МЧС, электроснегобайк и т. п.

В магистратуре проектируют скоростной трамвай на основе инновационных технологий, прорабатывают концепции создания вакуумного мини-метро, на которые регистрируются патенты на изобретения и промышленные образцы. Быстрый, бесшумный и экологичный общественный транспорт может значительно помочь решить многие социальные и функциональные проблемы города, а также способствовать созданию комфортной и безопасной урбанистической среды.



Кошаташян А.Р. ВКР магистра кафедры индустриального дизайна УрГАХУ по теме «Вакуумный пневмотранспорт. Мини-метро». Руководитель профессор Курочкин В.А., доцент Федотов Б.Ф. 2014

Но для положительного и результативного решения транспортных городских систем требуется стабильное и реальное сотрудничество производственных предприятий с учебно-научными центрами и профильными дизайнерскими вузами. Не стоит пренебрегать потенциалом студентов и преподавателей кафедры индустриального дизайна УрГАХУ, выпускники которой пользуются повышенным спросом у зарубежных производителей транспортных средств, таких как Volkswagen, Renault, Citroen, новых китайских фирм и других.

Таким образом, предложенный комплексный подход поможет:

- улучшить экономическую политику отечественного автомобилестроения;
- максимально улучшить экологическое состояние городов;
- значительно снизить аварийность и смертность на дорогах;
- обеспечить оптимальный комфорт во время передвижения в общественном транспорте;
- экономить природные ресурсы и улучшить макроклимат урбанистической среды;
- оптимизировать затраты времени на передвижения в городе;

- нивелировать социальные конфликты и стрессовые ситуации, возникающие в местах массовых скоплений горожан;
- улучшить качество жизни жителей города.

Активное привлечение учебных, проектно-научных и производственных структур Уральского региона в решение перечисленных глобальных проблем даст возможность внедрять безопасные и комфортные транспортные системы в современную урбанистическую среду [4, с. 76].

Библиографический список

1. **Горонков Е.С.** *Зарождение и становление дизайнерского образования на Урале* / Е.С. Горонков. — Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ, «Архитектон», 2010. — 104 с.
2. *Кафедра индустриального дизайна / Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова : сайт.* — 2002–2022. — URL: <https://www.usaaa.ru/faculties/fd/index/history> (дата обращения: 22.10.2020).
3. **Курочкин В.А.** *Интеграция учебного дизайн-проектирования с производством : монография* / В.А. Курочкин. — Екатеринбург: Изд-во УрГАХУ «Архитектон», 2020. — 112 с.
4. *Магистратура. Студия специальных транспортных систем / Кафедра промышленного дизайна / Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алферова : сайт.* — 2002–2022. — URL: <https://www.usaaa.ru/faculties/fd/index/studiya-avtodizaina> (дата обращения: 14.12.2022).
5. *Уральская школа дизайна: Опыт подгот. дизайнеров в Свердл. архит. ин-те : Метод. материалы* / [М. А. Бобковская и др.]. — Москва : ВНИИТЭ, 1989. — 115 с.

V.A. Kurochkin

The Design Education Continuity in the Urals. History and Modern Trends in Vehicle Design

Abstract. *The author examines the problems of the formation of the Ural school of industrial design in the article. At the present stage, the master's degree in special transport systems solves social problems, focuses on innovation, creativity, smart technologies, an ecological approach with alternative energy sources, as well as the use of new materials and technologies.*

Keywords: *transport system, department of industrial design, Ural School of Industrial Design, master's degree.*

Kurochkin Valery Alekseevich, *Candidate of Art History, Professor, Head of the Department of Industrial Design, Ural State University of Architecture and Art named after N.S. Alferov (Ekaterinburg, Russia);*
e-mail: *designkiv@gmail.com.*

УДК 908+94(47)

Н.В. МАТВЕЕВА¹

ИСТОРИЯ КАЧКАНАРСКОГО ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОГО КОМБИНАТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Я. ЕРЕМИНА

Аннотация. *В статье рассматриваются основные этапы строительства, пуска и функционирования одного из крупнейших предприятий страны — Качканарского горно-обогатительного комбината в контексте деятельности Н.Я. Еремина — советского и российского инженера, генерального директора КГОКа, связавшего с ним свою жизнь и судьбу.*

Ключевые слова: *Николай Яковлевич Еремин, Качканар, горно-обогатительный комбинат, промышленность, обогатительная фабрика, железная руда, концентрат, окатыши, агломерат.*

В строительстве, пуске и функционировании одного из крупнейших в стране Качканарского горно-обогатительного комбината принимали участие тысячи людей: от простого рабочего до директорского корпуса.

Николай Яковлевич Еремин — это целая эпоха в жизни Качканарского ГОКа и всего Качканара. Он последний советский директор комбината и первый генеральный директор акционерного общества «КГОК «Ванадий». Под его руководством строились новые объекты, улучшались условия труда людей, велась реконструкция производства.

Николай Яковлевич родился 19 октября 1931 года в с. Барабаново Каменского района Уральской области. Как и всем детям войны,

¹ Матвеева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, АУ КГО «Дворец культуры», заведующий Качканарским историко-краеведческим музеем (Качканар, Россия); e-mail: *gor.muzeuy@mail.ru.*

Николаю пришлось рано узнать все тяготы военной и послевоенной жизни. Когда отец ушел на фронт, Николай стал подрабатывать в геологической партии, которая разместилась неподалеку. Десятилетку он оканчивал в Каменске-Уральском, а затем, успешно сдав экзамены, поступил в Свердловский горный институт им. В.В. Вахрушева. В студенческие годы не только успевал хорошо учиться, но и вел активную общественную работу. Был секретарем комсомольской организации, занимался спортом, играл в студенческом оркестре на контрабасе [1, с. 8].

После окончания института в 1954 г. Николай Яковлевич начал трудовую деятельность на Мундыбашской аглофабрике Кузнецкого металлургического комбината сначала мастером, в августе 1960 года стал начальником обогатительной фабрики. Летом 1960 г. Николай Яковлевич приехал посмотреть на строящийся КГОК. Оценил перспективу и решил с семьей вернуться на Урал. Это удалось в 1961 году. Начинать инженером отдела оборудования, затем в феврале 1962 г. был назначен начальником строящейся обогатительной фабрики [2, с. 17].

Возведение корпусов фабрики началось еще в 1960 г. Автором проекта был институт «Уралмеханобр» (г. Свердловск). Главным инженером проекта стал Г.И. Сладков. Как отмечали работавшие с ним сотрудники, это был «инженер-обогатитель от бога» [3, с. 13]. При разработке проекта обогатительной фабрики были учтены основные особенности руд Качканарского месторождения: низкое содержание железа, наличие ванадия, чистота по сере и фосфору, высокая основность, легкая обогатимость. Исходя из этого была разработана схема обогащения качканарской руды, включающая четыре стадии дробления, одну стадию сухой магнитной сепарации, две стадии измельчения и три стадии мокрой магнитной сепарации [4, с. 93].

Стоит отметить, что аналогов по сложности возведения такого мощного объекта в стране не было. Это сразу же ощутили на себе строители. Корпус цеха крупного дробления руды представлял собой сложное инженерное сооружение. Общая высота корпуса составляла 150 м, причем 70 м из них составлял подземный железобетонный стакан, завершавшийся наземной частью высотой 80 м. Для того чтобы начать возведение корпуса крупного дробления руды, нужно было в скальном грунте вырыть котлован глубиной 70 м от уровня земли [5, с. 111].

Возведение главных корпусов Качканарского ГОКа, включавших в себя корпус обогащения, корпус мелкого и среднего дробления руды, корпус крупного дробления руды, было поручено тресту «Тагилстрой», но он с этой задачей не справился. Выполнение ее было возложено на вновь созданное СУ-7 треста «Качканаррудстрой». По согласованию с руководством треста «Качканаррудстрой» был проведен техсовет, на котором главным инженером СУ-7 и руководителем строительства крупного дробления руды Б.М. Тихомировым (впоследствии управляющим трестом «Качканаррудстрой») были предложены новые методы возведения монолитного железобетонного подземного стакана крупного дробления. В результате мелкие щиты опалубки заменили крупноразмерными щитами, а сами опалубочные и арматурные каркасы крупного размера стали монтировать башенным краном. Бетонирование стен корпуса осуществлялось не тачками, как это делал трест «Тагилстрой», а бетононасосом с применением специальных бетоноукладочных бадей, которые строители ласково называли «чулками». Благодаря принятым мерам темпы строительства корпуса крупного дробления руды резко возросли, отставание от корпусов среднего и мелкого дробления и корпуса обогащения было ликвидировано [5, с. 112].

Первому начальнику обогатительной фабрики КГОКа приходилось решать и другие проблемы. Главное — создать стабильный сплоченный коллектив. Н.Я. Еремин начал приглашать специалистов, многие из которых по вечерам учились у него на курсах в вечерней школе. Первый кабинет начальника фабрики без окон находился на высоте минус 6,5 м. Вместе с главным технологом А.С. Калачевым, главным инженером Н.Л. Красноселовым, главным механиком В.И. Янковым предстояло в еще строящихся корпусах фабрики осуществить запуск оборудования и получить первый концентрат [4, с. 95].

Сомнения, можно ли получить его из качканарских руд в промышленных масштабах, оставались и у тех, кто принимал решение о строительстве комбината, и у тех, кто его строил. Поэтому, чтобы приблизить момент, который дал бы ответы на все вопросы, решили строить комбинат по очередям.

Первая очередь — семь секций обогатительной фабрики, одна технологическая цепочка дробильной фабрики, одна агломашина на аглофабрике. Вместе со строителями возводили корпуса созданные на фабриках трудовые коллективы [6, с. 69].

Задача была выполнена. 8 июня 1963 г. был получен первый концентрат. 30 сентября 1963 г. был подписан акт государственной комиссии о вводе в строй действующих предприятий первой четверти Качканарского горно-обогатительного комбината. Этот день стал днем его рождения. Но все тогда понимали — радоваться рано. Впереди запуск всей фабрики. Ее еще нужно достраивать, монтировать оборудование. Строители бросили на фабрику все силы, работали в три смены на сооружении временной стенки, а она была более сорока метров высотой и по всем пролетам, от А до Д [6, с. 70].

Монтажники «Стальконструкции» стеклили металлические переплеты (площадь же остекления корпусов измерялась не квадратными метрами, а гектарами), сантехники заканчивали монтаж отопительных систем. В корпусе горели костры, у которых грелись люди, обогревали оборудование. Самые первые часы работы оборудования под нагрузкой выявили серьезные недостатки в технологической схеме обогатительной фабрики. Это произошло, потому что аналогов такого масштабного строительства не было ни в стране, ни в мире, поэтому планы строительства менялись на ходу. Так, получив концентрат планировалось перевозить его на Высокогорскую и Лебяжинскую фабрики и там спекать агломерат. Но оказалось, что сделать это невозможно. При содержании в концентрате 9 % влаги он зимой просто замерзал. Так было принято решение строить аглофабрику, а затем и фабрику окатышей.

Трагедией на комбинате стали события 7 ноября 1964 года. Готовилась к пуску первая агломашина на аглофабрике. Обогатительной фабрике было поручено смонтировать и запустить конвейер, расположенный в галерее № 1, подающий концентрат в шихтовые бункера аглофабрики. Еремин прошел по галерее, поднялся наверх, открыл дверь в шихтовые бункера, и в этот момент он услышал за спиной сильный шум, а когда оглянулся, то сзади зияла пустота: галерея рухнула... Секунды спасли его от гибели. Но жертв избежать не удалось. Три человека погибли, двое были тяжело ранены. Причиной обрушения галереи стала ошибка, допущенная при проектировании металлоконструкций галереи [6, с. 71].

В это время на комбинате сложилась непростая обстановка. Продолжалось строительство новых объектов, срок ввода которых, как правило, был приурочен к каким-либо торжественным датам в истории государства и определялся вышестоящими органами власти.

Все это приводило к серьезным нарушениям в освоении мощностей, простую оборудования, высокой аварийности. В результате обогатительная фабрика простаивала из-за отсутствия руды. Руководством фабрики было принято решение проводить реконструкцию и перерабатывать всю поступающую на фабрику руду. Как вспоминал впоследствии Н.Я. Еремин: «Вот тогда-то и раскрылись сложность и многообразие качканарских руд по физическим свойствам, по содержанию элементов: железа, ванадия, титана и других. Возникла необходимость классификации руд по этим свойствам (прежде всего измельчаемости), раскрытия полезных минералов. От этого зависели производительность оборудования и качество конечной продукции. Для стабильного технологического процесса и наилучших показателей обогащения возникла необходимость тщательного усреднения руд, подаваемых на обогатительную фабрику. В связи с этим необходимо было подавать руду разных типов строго по графику — и по количеству, и по качеству» [6, с. 73]. Для решения этой задачи были значительно повышены требования во всех звеньях технологического процесса, начиная от буровзрывных работ, экскавации, строгого графика подачи составов с рудой, очередности разгрузки руды на дробильной фабрике, заканчивая увеличением парка оборудования: буровых станков, экскаваторов, думпкаров, локомотивов.

По сути, в ходе реконструкции было полностью переделано фильтровальное отделение. В построенном корпусе была создана новая фабрика с новой, более совершенной технологией, с новым, более совершенным оборудованием. Вторая очередь фабрики проектировалась и строилась уже с учетом опыта реконструкции и опыта освоения первой очереди. При этом были заложены большие резервы, позволяющие достичь объемов по переработке руды 50–52 миллиона тонн в год. Эти резервы, которые существуют и в настоящее время, определили дальнейшее развитие комбината.

Несмотря на сложности, обогатительная фабрика работала без срывов, перевыполняя план. В январе 1964 г. при плане 75 тыс. тонн концентрата было выпущено 78,9 тыс. тонн, что составило 105,3%. Выход концентрата и содержание железа в нем соответствовали плановым показателям. А между тем строительство продолжалось. В 1965 г. достраивается первая половина корпуса фабрики обогащения. В 1966 году была введена в эксплуатацию вторая очередь обогатительной фабрики и вторая агломашина на аглофабрике. В 1967–

1968 г. полным ходом идет строительство третьей четверти здания фабрики [4, с. 95].

В 1968 г. Н.Я. Еремин назначен главным инженером комбината и с этого времени дома практически не был. На карьерах знакомился с горными работами, досконально изучал аглофабрику. Непосредственно на аглофабрике, благодаря слаженному и самоотверженному труду всего коллектива, были проведены работы по улучшению технологии спекания агломерата, повышению уровня качества продукции, модернизации оборудования. Итог всего — в 1977 г. агломерату Качканарского ГОКа впервые в СССР был присвоен «Знак качества»!

В 1973 г. Николай Яковлевич Еремин защитил кандидатскую диссертацию на кафедре обогащения полезных ископаемых Магнитогорского горно-металлургического института им. Г.И. Носова, ему была присвоена ученая степень кандидата технических наук. Всю трудовую деятельность Николай Яковлевич являлся активным изобретателем и рационализатором. Он автор 3 изобретений, им подано и внедрено свыше 30 рацпредложений, опубликовано 23 научных труда [2, с. 17].

В феврале 1983 г. Еремина назначают директором комбината, на этом посту он проработал до 1995 г. К этому времени все проблемы производства были ему понятны и известны. Поэтому Николай Яковлевич стал больше времени уделять социальным вопросам. Буквально выколачивал в министерстве деньги на новое жилье. В результате в течение десяти последующих лет строилось по 15 тыс. квадратных метров жилой площади в год. Начал заниматься и совхозом. Было раскорчевано 2 тыс. га земли, численность стада была доведена до 2000 голов. Построены коттеджи и комплекс школа–клуб–управление. Введен в строй горнолыжный комплекс. Одним из самых главных своих дел Еремин считал строительство и оборудование медсанчасти комбината. Многие были против, но он знал, что прав, и медсанчасть до сегодняшнего времени заботится о здоровье тружеников комбината [7, с. 2].

На производстве успехи были также внушительны. В июле 1986 г. Качканарский ГОК за высокие трудовые достижения был награжден орденом Трудового Красного Знамени [2, с. 17].

При непосредственном участии Николая Яковлевича Еремина:

- проведена реконструкция обогатительной фабрики с заменой основного технологического оборудования на двадцати девяти секциях на более производительное;

- созданы для бедных качканарских руд и внедрены высокоэффективные сепараторы для сухого и мокрого магнитного обогащения титаномагнетита;

- усовершенствована технология обогащения с целью получения железо-ванадиевого концентрата с более высоким содержанием железа для получения окатышей с повышенными металлургическими свойствами с одновременным снижением содержания железа в хвостах с 7,4% по проекту — до 6,2%.

Самым значительным делом своей жизни Николай Яковлевич считал реконструкцию цеха окатышей. Он воплотил эту идею в жизнь, и сегодня всем ясно, что это было единственно правильное решение. Была осуществлена сложнейшая реконструкция 4 обжиговых машин фабрики окатышей в условиях действующего производства с увеличением производственной мощности в 2 раза.

Николай Яковлевич Еремин внес значительный личный вклад в увеличение производственных мощностей с 33 до 45 млн тонн сырой руды в год, в техническое оснащение современным высокопроизводительным оборудованием, внедряя новую технику и передовую технологию, что позволило КГОКу стать ведущим предприятием в отрасли, стабильно и устойчиво обеспечивая металлургов Урала и России высококачественными окатышами и агломератом [6, с. 78].

Еремин возглавлял комбинат в самое сложное время распада СССР, всероссийского развала экономики, сумел удержать на плаву огромное предприятие в период наступавшего политического и экономического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х гг. Его заслуга в том, что Качканарский ГОК не только выдержал все удары стихии дикого рынка, но и начал наращивать производство, подошел к 50-миллионному рубежу годовой переработки руды. И это не считая общественной работы, которую вел Николай Яковлевич, являясь бессменным депутатом городского Совета и членом исполкома горсовета, выполняя многочисленные указы избирателей.

С 1993 по 1997 г. он являлся Председателем Совета директоров ОАО «Качканарский ГОК «Ванадий». В 1995 г. Еремин оставил свой пост. Находясь на заслуженном отдыхе, он не уставал консультировать, писать статьи о перспективах развития Качканарского месторождения и комбината, которые видел в организации новой товарной продукции — металлизированных окатышей, производстве скандия и скандий содержащих сплавов [8, с. 3]. Почетный гражданин Качканара Николай

Яковлевич Еремин был прост в общении, умел крепко дружить, всегда был готов помочь людям советом и делом. О своей жизни говорил так: «Что для меня Качканар? Я все, вплоть до здоровья, отдал городу и комбинату. Это моя жизнь, сознательная, творческая с полной отдачей. Я бы не сказал, что она была спокойной и легкой. Но это моя жизнь» [2, с. 17].

За значительный личный вклад в выполнение плановых заданий, досрочный ввод промышленных объектов Качканарского ГОКа Николай Яковлевич Еремин неоднократно отмечался высокими правительственными наградами, среди которых ордена «Знак Почета», «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской Революции». Он полный кавалер знака «Шахтерская слава», ему присвоено звание «Заслуженный металлург РФ», награждался серебряной и золотой медалями ВДНХ. Но самое главное — это то, что его детище — Качканарский горно-обогатительный комбинат — преодолевает все стоящие на его пути преграды и по-прежнему является флагманом горнодобывающей промышленности.

В 2023 г. на ЕВРАЗ-КГОК учреждена премия имени Н.Я. Еремина, которой будут награждаться инженерно-технические работники предприятия, проявившие себя в инновациях и бизнес-системе ЕВРАЗа.

Появились и первые лауреаты, а значит, есть надежда, что наследие Николая Яковлевича будут помнить и развивать следующие поколения качканарцев.

Библиографический список

1. **Трушкова Н.** *Последнее папино «Слушайся маму» запомнила навек / Н. Трушкова // Качканарское время. — 2015. — № 47. — 15 апреля. — С. 8–9.*
2. **Еремин Н.Я.** *Качканар — это моя жизнь / Н. Еремин // Качканарский рабочий. — 2003. — № 47. — 20 марта. — С. 17.*
3. **Еремин Н.Я.** *Жизнь, связанная с комбинатом / Н. Еремин // Руда. — 2005. — №32(1899). — 12 августа. — С.13.*
4. **Матвеева Н.** *Обогатительная фабрика: становление и развитие / Н. Матвеева // Качканарские грани : литературно-краеведческий альманах. 2023. — № 13. — С. 93–100.*
5. **Тихомиров Б.** *Горжусь, что участвовал в строительстве комбината / Б. Тихомиров // Качканарские грани : литературно-краеведческий альманах. 2023. — № 13. — С. 110–112.*

6. **Еремин Н.Я.** *Моя судьба — Качканарский ГОК / Н. Еремин // Урал. — 2007. — № 5(578). — С. 68–79.*
7. **Еремин Н.Я.** *Качканарский ГОК: вчера, сегодня, завтра / Н. Еремин // Руда. — 1993. — № 38–39. — 1 октября. — С. 2.*
8. **Еремин Н.Я., Усков Е.** *Кладовые Качканара ждут своих Демидовых / Н. Еремин, Е. Усков // Качканарский рабочий. — 1999. — № 54. — 14 апреля. — С. 3.*

N.V. Matveeva

The Kachkanarsky Ore Mining and Processing Plant History through the Prism of N.Y.Eremin's Activity

Abstract. *The article considers the main stages of construction, launch and functioning of one of the largest enterprises of the country — Kachkanarsky ore mining and processing plant in the context of the activities of N.Y.Eremin, a Soviet and Russian engineer, general director of KGOK, who linked his life and destiny with it.*

Keywords: *Nikolai Yakovlevich Eremin, Kachkanar, ore mining and processing plant, industry, processing plant, iron ore, concentrate, pellets, sinter.*

Matveeva Natalya Vladimirovna, *Candidate of Historical Sciences, The Head of the Museum, Kachkanar Museum of Local History (Kachkanar, Russia); e-mail: gor.muzei@mail.ru.*

УДК 332.14

А.Ю. НИКОЛАЕВА¹

ПРОБЛЕМА ПЛАНОВОЗАВИСИМОГО РАЗВИТИЯ СОЦГОРОДОВ УРАЛА НА ПРИМЕРЕ КРАСНОВИШЕРСКА

Аннотация. *Исследование посвящено развитию соцгорода Красновишерска в период до крушения социалистической экономики и выявлению причин экономической стагнации городов данного типа. Методологической основой стала теория экономико-географа Н.Н. Баранского. В результате исследования было выявлено, что предприятия, расположенные в развиваемых регионах и нацеленные на создание и освоение масштабной инфраструктуры в будущем, не дожидались достаточного социалистического освоения Севера и становились нерентабельными в условиях рыночной экономики.*

Ключевые слова: *индустриализация, соцгород, экономика, градообразующее предприятие, Красновишерск.*

Как известно, советская индустриализация на Урале привела к развитию множества промышленных населенных пунктов социалистического планового хозяйства — соцгородов. Особенно активно они строились во время первой и второй пятилетки. Многие из них стали основными центрами развития малонаселенных территорий. Говоря о значении промышленности Урала для всего Союза и о перспективах развития района, Уралплан постановил: «Основа широких возможностей Урала — его центральное географическое положение в Союзе и исключительное богатство и разнообразие даже нынешних, крайне мало разведанных богатств — преимущественно горных и лесных» [1, с. 63].

Но построенные некогда для нужд индустриализации соцгорода ныне либо прекратили свое существование, либо потеряли свое прошлое назначение и лишились хозяйственной функции. Для понимания причин данного процесса нам необходимо рассматривать город, отталкиваясь от экономической функции, что он выполнял, так как очевидна связь деградации вместе с градообразующим предприятием

¹ *Николаева Анна Юрьевна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), бакалавр; e-mail: ibraginskij77@gmail.com.*

самого города. Рассмотрение истории данных городов с упором на их экономико-географическое развитие, особенно в кризисные этапы существования города, позволит нам выявить корни историко-экономических проблем хозяйства региона, с пониманием тенденций развития данной системы.

В данной статье мы использовали методологию советского экономико-географа Николая Николаевича Баранского [2, с. 19–62]. Соцгород — особый тип города, он зарождается в ходе индустриализации и является населенным пунктом при градообразующем предприятии в рамках плановой системы хозяйствования, с регулирующими из центра логистическими цепочками, с четким положением среди звеньев экономики — несамостоятельным в одиночку и эффективным в едином механизме. Соцгород направлен на аккумуляцию трудовых ресурсов, развитие хозяйственной инфраструктуры и зоны рекреации. Такие города являются центрами транспортных и торгово-промышленных узлов, потребительскими пунктами, административными и культурными центрами, объединяющими вокруг себя осваиваемые территории. Случай Красновишерска интересен, так как является очевидным примером угасания городской жизни после закрытия градообразующего производства, созданного в первые пятилетки.

По мнению плановиков в 1966 году, транспортное проникновение на Север позволило бы широко осваивать лесные ресурсы, направить Воркутинские угли напрямую в регион потребления (на уральские металлургические предприятия) и заменить ими Кизеловский уголь. Намечалось, что «широкое освоение полезных ископаемых северо-запада Урала и Коми АССР в связи со строительством указанной дороги создаст предпосылки быстрого развития производительных сил севера области и Коми АССР» [4, с. 17].

Предполагалось строить дорогу от Сосногорска к Троицко-Печорску, а затем, «в дальнейшем, для укрепления и рационализации экономических связей Коми АССР с Пермской, Свердловской областями, освоения новых лесных массивов, Верхнепечорских калийных и калийно-магниевого солей, изучения перспективных на нефть и газ районов, по-нашему мнению, строящуюся дорогу целесообразно продолжить до г. Соликамска» [3, с. 118].

В раннем Советском Союзе Красновишерск рассматривался как будущий опорный пункт для освоения и индустриализации севера

Западного Урала [1, с. 115]. Город строился с планируемой функцией экономического и административного центра для окружающих территорий. Как следует из ряда документов [7] и Уралплана 1927 года [1, с. 115], район всегда был заселен весьма слабо, особенно в северной его части. Энергетические ресурсы Вишеры первое время было экономически выгодно использовать в сравнительно крупных производствах, для которых требуются мощные установки. Гидротранспорт в процессе индустриализации должен был смениться механическим транспортом [1, с. 29]. Наиболее эффективным и удобным промышленным транспортным узлом является железная дорога, но в случае Красновишерска она так и не была проложена, потому важно заметить все более морально устаревающую с течением времени транспортную связь — водную либо грунтовую дорогу [9, с. 55]. Красновишерск не вполне удовлетворял идеальной совокупности факторов рационального экономико-географического положения промышленного города. Но, как и подавляющее большинство городов Советского Союза, он был устроен по принципу выполнения определенной производственной функции. Строительство Вишерского ЦБК являлось ярким примером политики Госплана по приближению производств к источникам сырья [5, с. 662].

Но уже на 1966 год отмечалась острая нехватка капиталовложений в целлюлозно-бумажную и деревообрабатывающую промышленность на севере области. При ежегодной потребности в капиталовложениях 36–37 млн руб. фактически выделяется 12–15 млн руб. [4, с. 63]. Это не позволяло закончить освоение дикого края и выйти на должную рентабельность. Также отмечались и проблемы модернизации производства, которая фактически не проводилась с постройки комбината и вела к большим затратам.

Требовалась модернизация и самого предприятия. Например, осуществление перевода варки целлюлозы на магниевое основание с регенерацией щелоков, что улучшало бы качество выпускаемой бумаги и увеличивало бы выработку. Для этого нужно было расширить и реконструировать бумагоделательную машину, ликвидировать аварийное состояние кислотного цеха, промышленно-канализационные системы и прочие участки, пришедшие в ветхое состояние. Но, как нам известно, реконструкция производства с 1965 года была по большей части ответственностью самих предприятий, поэтому обновления ВЦБК так и не увидел.

Впрочем, часть амбициозных планов со временем просто признавалась негодными. Например, строительство ГЭС было отвергнуто Главтехстройпроектом по объективным причинам, что следует из документации 1968 года [7, с. 4]. Проектируемая ГЭС уничтожила бы всю береговую лесоохранную зону, что повлекло бы за собой высокие издержки при эрозии почв. Но самой главной причиной отказа от данного проекта был минимальный экономический эффект, который давала бы станции мощностью 300 тыс. квт. Вместе с тем сыграла малая заселенность района.

Развитию севера Пермской области препятствовали: нехватка трудовых ресурсов на предприятии; отсутствие на протяжении многих лет реорганизации и модернизации завода; устаревание водного пути и не осуществившаяся постройка железной дороги. Последнее является наиболее важным, так как за годы 10-й пятилетки неудовлетворительная работа транспорта стала основным сдерживающим фактором развития Верхнекамского ТПК [10, с. 15]. В эту же пятилетку город справился с планом только на 76% [8, с. 6]. В 1980–1981 г. ощущалась острая нехватка выделенных капвложений, которая мешала наращиванию мощностей в лесных хозяйствах на севере области [9, с. 20]. Уральское отделение АН СССР в 1987 г. отмечало, что развитие Верхнекамского промышленно-транспортного комплекса в перспективе позволило бы устранить сформировавшиеся диспропорции и сыграть активную роль в ускорении социально-экономического развития области, но не было завершено [6, с. 8].

Историческое изменение экономических характеристик индустриального города происходило в непосредственной взаимосвязи с подобными изменениями на уровне экономики страны. Причина наивысшего роста производительности Вишерского ЦБК в 1960–1970-х гг., а также быстрого снижения темпов его развития в конце 1970–1980-х гг. напрямую связана с проведением в масштабах страны экономической «косыгинской» реформы 1965 г. Данная экономическая реформа повлияла на то, что по стране в годы осуществления 8-й пятилетки (1966–1970) произошел рекордный экономический рост, а в 1970–1980-е гг. темпы роста стремительно пошли на убыль. Ключевым фактором стала оценка рентабельности, которая лишала прямого дотирования неэффективных на данном этапе предприятий. Вклады в обновление основных фондов и инфраструктуру в зна-

чительной степени складывались из средств самого предприятия. Но относительно слабые предприятия, нацеленные не на быстрое получение выгоды, а на реализацию стратегического плана развития территории, стагнировали. Отсюда прослеживается зависимость соцгорода на развивающейся территории от поддержки плановой экономикой. Исследование позволяет выявить четкую связь экономико-географического положения отдаленного тупикового центра с его экономической несамостоятельностью. Красновишерская промышленность оказалась законсервированной в инфраструктурном развитии и в силу тяжелых географических условий нерентабельной в условиях крушения плановой поддержки и функционирования рыночной экономики.

Библиографический список

1. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия : (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР) / *разраб. Д.А. Антонов, В.Н. Андроников, А.В. Алексеева и др.* ; Урал. облисполком, Уралплан. — Свердловск: Уралплан, 1927. — 728 с.
2. **Баранский Н.Н.** Об экономико-географическом изучении городов / Н.Н. Баранский // *Вопросы географии.* — 1946. — № 2. — С.19–62.
3. ГАПК. Ф. р-1133: Пермский облиплан отдел союзно-республиканской промышленности и размещения производительных сил. Оп. 1. Д. 5148.
4. ГАПК. Ф. р-1133: Пермский облиплан отдел союзно-республиканской промышленности и размещения производительных сил. Оп. 1. Д.5151
5. Уральская советская энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А, В, С – Вяхирь / *ред. совет: В.Н. Андроников, И.Г. Бирн, В.Ф. Головин [и др.]; отв. ред. Я.Р. Елькович.* — Свердловск; Москва : Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. — 854 с.
6. ГАПК. Ф. р-1133: Уральское отделение АН СССР. Оп. 1. Д. 6109.
7. ГАПК. Ф. р-1133: Отдел союзной республиканской промышленности и размещения производительных сил. Оп. 1. Д. 4695.
8. ГАПК. Ф. р-1133: Отдел экономического анализа. Оп. 1. Д. 6305.
9. ГАПК. Ф. р-1133: Отдел союзной республиканской промышленности и размещения производительных сил. Оп. 1. Д. 5148.
10. ГАПК. Ф. р-2233: Пермский облиплан отдел союзно-республиканской промышленности и размещения производительных сил. Оп. 1. Д. 5398.

A.Y.Nikolaeva

The Problem of the Ural Social Cities Plan-Dependent Development on the Krasnovishersk Example

Abstract. *The study is devoted to the development of the socialist city of Krasnovishersk in the period before the collapse of the socialist economy and to identifying the reasons for the economic stagnation of cities of this type. The methodological basis was the theory of economic geographer N. N. Baransky. As a result of the study, it was revealed that enterprises located in developing regions and aimed at creating and developing large-scale infrastructure in the future did not wait for sufficient socialist development of the north and became unprofitable in a market economy.*

Keywords: *industrialization, socialist city, monotown, city-forming enterprise, Krasnovishersk.*

Nikolaeva Anna Yuryevna, bachelor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: ibraginskij77@gmail.com.

УДК 378.4(09)

В.В. ФИЛАТОВ¹

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ГОРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ МАГНИТОГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.И. НОСОВА (1934–2023 годы)

Аннотация. *В статье анализируются научные школы горных специальностей одного из ведущих вузов страны — Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. Исследование показало, что ученые университета внесли значительный вклад в рационализацию, повышение эффективности производства. В МГТУ созданы все условия для творческого поиска, решения насущных задач горной отрасли.*

¹ Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия), доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института исторической антропологии и филологии; e-mail: v.philatov@mail.ru.

Ключевые слова: *Магнитогорский государственный технический университет, научные школы, горные специальности, ученые.*

Начало созданию первых научных школ было положено в 1934 г., когда на основе филиалов Уральского политехнического института возник Магнитогорский горно-металлургический институт (МГМИ). В 1930-е гг., в период становления нового вуза, стали проводиться первые научные исследования, направленные в первую очередь на рационализацию производства Магнитогорского металлургического комбината, эффективных способов добычи руды горы Магнитной [1, с. 62]. Справочник АН СССР «Научно-исследовательские учреждения» (1936 г.) информировал, что на кафедре горного искусства МГМИ проводились исследования по бурению скважин тяжелыми буровыми станками на открытых горных работах уральских рудников. Опыт Магнитки по разработке полезных ископаемых признали полезным для других рудников страны [2]. В те годы о полноценной научной работе говорить было еще рано. Отсутствовали хорошая лабораторная база, достаточное финансирование, высококвалифицированные преподавательские кадры, только что стали создаваться специальные кафедры. Но определенный задел по формированию научных школ был сделан.

Начавшаяся Великая Отечественная война коренным образом изменила тематику и организацию научных исследований. Как отмечал профессор В.В. Запарий, «вместе с эвакуированными преподавателями научные работники института активно включились в научно-исследовательскую работу на ММК» [3, с. 54]. Преподавательские кадры института пополнили ведущие ученые страны, прибывшие из Москвы, Ленинграда, Днепропетровска и других городов. В конце 1941 г. в Магнитогорске стал действовать Комитет ученых для помощи фронту. В одну из восьми секций входили ученые-горняки, решавшие проблемы поиска новых месторождений и рациональных приемов добычи полезных ископаемых. Горно-геологическая секция выявила в районе Магнитогорска ресурсы природного сырья, которые можно было использовать как на комбинате, так и для предприятий местной промышленности [4, с. 88]. Научная деятельность преподавателей МГМИ вместе с производственниками в течение Великой Отечественной войны позволила добиться прироста производства руды на ММК на 1/5 [5, с. 31].

В годы войны сложились научные школы, которые в дальнейшем определили исследования преподавателей горного факультета МГМИ. На кафедре разработки полезных ископаемых стала формироваться научная школа профессора Владимира Михайловича Огиевского. Коллектив ученых занимался проблемой использования природных полезных ископаемых с целью строительства и расширения рудной базы ММК на Зингазино-Комаровском железорудном месторождении [6; 7]. Вместе со своими учениками ему удалось значительно расширить рудную базу не только Магнитогорского, но и Белорецкого металлургических комбинатов, Гумбейского вольфрамового месторождения [8]. Выполненные научные изыскания по разработке новых технологий добычи полезных ископаемых получили высокую оценку Министерства промышленности средств связи СССР [9]. В последующем профессор В.М. Огиевский возглавил научную школу по профилактике рудничных пожаров [10]. Результаты его исследований переводились на иностранные языки.

В 1940–1950-е гг. ученые горного факультета МГМИ под руководством профессора Петра Андриановича Слесарева занимались исследованиями по рационализации ударно-канатного эксплуатационного бурения на Магнитогорском руднике и других горных предприятиях металлургического комбината. Проведенная работа позволила существенно уменьшить стоимость бурения при одновременном увеличении его скорости. Исследователи его научной школы сумели первыми в стране провести научно-исследовательские работы по управлению взрывом колонковых зарядов [11, с. 51]. На Магнитогорском руднике ММК с помощью ученых этой школы удалось подготовить рекомендации по термической обработке долот ударно-канатного бурения из легированной и обыкновенной углеродистой стали и методы бурения весьма крепких пород и пластичных глин, что значительно повысило производительность труда [12].

Другим важным направлением научной деятельности в МГМИ стало исследование устойчивости откосов горных массивов. Еще в годы Отечественной войны кандидат технических наук Сергей Иванович Попов работал над темой «Причины деформации отвальных уступов открытых горных работ» и опубликовал по результатам исследования статью в «Горном журнале» в 1945 г. В будущем со своими учениками он создал научную школу по данной проблематике. Профессор С.И. Попов познакомил научную общественность

с достижениями в этой области в 150 научных работах и двух монографиях [13].

Проведенные этой научной школой исследования привели к разработке новых методов устойчивости и способов укрепления откосов горнотехнических сооружений, систематизации деформаций карьерных откосов и их классификации, совершенствованию технологии открытых горных работ. Итогом научных изысканий стало их внедрение на многих предприятиях горной отрасли страны: Сибайском, Учалинском, Соколовско-Сарбайском горно-обогатительных комбинатах, горно-обогатительном производстве ММК. Значительный экономический эффект имело внедрение темы «Обеспечение устойчивости бортов и уступов карьера Южного рудника». Экономический эффект составил 1 млн руб. в год [14].

Творческий коллектив под руководством С.И. Попова решал и другие проблемы. В 1960 г. выполнение темы «Исследование вопросов транспорта, вскрытия и систем открытой разработки глубоких горизонтов рудных карьеров» способствовало разработке условий применения различных схем вскрытия и транспорта. На Баженовских асбестовых месторождений применение результатов данного исследования дало экономический эффект более 40 млн руб. [15]. Реализация рекомендаций по теме «Повышение производительности гидравлических установок в условиях Миасского приискового управления» позволила усовершенствовать оптимальные диаметры насадок и напор из условия максимальной работы струй по разрушению грунта и повысить износоустойчивость внутренней поверхности насадок, что увеличило работоспособность гидромониторных струй на 25–30% [16].

Под руководством профессора Павла Эдуардовича Зуркова получило развитие новое направление научной мысли. П.Э. Зурков проявил себя не только как руководитель научной школы, но и как замечательный организатор учебной деятельности в МГМИ. Ему удалось организовать коллектив единомышленников на решение актуальных проблем разработки рудных месторождений открытым способом, что способствовало подъему производительности горных предприятий. В более чем 130 его публикациях представлены уникальные инженерные решения, предложения по рационализации производства [17]. Соколовское месторождение бокситов, Северо-Уральские бокситовые рудники, Южно-Уральские месторождения бокситов, золоторудный

комбинат Большой Березовск, второй калийный рудник в Соликамске и другие горные предприятия воспользовались разработками этой научной школы.

Возглавляемая им научная школа, плодотворно проводила исследования по буровзрывным работам, открытым, подземным и комбинированным способам разработки, открытым разработкам железных руд сложного состава, отвалообразования на карьерах. По инициативе этой научной школы была создана первая в Советском Союзе проблемная лаборатория по сейсмике и звукометрическим методам исследования взрывов. Это позволило разработать новые подходы по управлению воздействия массовых взрывов на здания и инженерные сооружения. Коллектив научной школы установил взаимовыгодные отношения с трестом «Уралруда», Бельским, Высокогорским рудоуправлением, Магнитогорским горным управлением, Уральским филиалом АН СССР, Институтом горного дела Украинской Академии наук, Московским, Ленинградским и Свердловским горными институтами [18]. В конце 1950-х гг. по заказу Челябинского совнархоза проводились крупные исследования «Повышение эффективности взрывных работ в крепких и весьма крепких породах и рудах» [19].

Большой опыт на производстве позволил Елизавете Ивановне Каминской-Дульской открыть новую научную школу по изучению геологии железорудных месторождений Урала, вопросам минералогии и петрографии [20]. Неоценим ее вклад в геологическое изучение железорудной базы ММК. Ученые научной школы Е. И. Каминской проводили съемочные и разведочные работы на месторождениях горы Магнитной и горы Малый Куйбас. Геологические исследования выявили новые, ранее неизвестные закономерности в геологическом строении данных месторождений. В результате научных изысканий были уточнены минералогический состав и условия образования руд. Помимо исследования железорудных месторождений, научная школа под ее руководством занималась петрографическими разработками. Так, удалось выявить особенности минерального состава и структуры агломератов, которые влияли на металлургические свойства — восстановимость и прочность. Существенный вклад научная школа внесла в получение офлюсованного агломерата из окисленных руд. Это способствовало созданию новой технологии по производству офлюсованного агломерата на ММК. Развитие научных школ МГМИ в 1950-е гг.

в определенной степени способствовало резкому росту на ММК выпуска руды с 7676 тыс. до 12986 тыс. т [21, с. 128].

В МГМИ сформировалась научная школа, возглавляемая профессором Александром Исааковичем Бороховичем. Он являлся признанным специалистом в области горных машин и комплексов, включая горную электромеханику, абразивный износ гидрооборудования. За время плодотворной научной деятельности А.И. Борохович по результатам своих исследований опубликовал около 600 научных трудов, в том числе 7 монографий. Фундаментальные и прикладные исследования нашли свое воплощение в решении проблем абразивного износа насосов для обогатительных фабрик, стальных лент на подъемных машинах, экскаваторах, лифтовых подъемниках грузовых и пассажирских, дробилки для измельчения горячего спека. Его деятельность как ученого можно оценить в сотне изобретений и патентов [22].

Заметный след в научных достижениях МГМИ оставил Владимир Николаевич Шохин. Его научная школа занималась проблемами теории и технологии гравитационных процессов обогащения полезных ископаемых и разработки прогрессивных технологий комплексного использования сырья основных и техногенных месторождений. Результаты научной деятельности В.Н. Шохина отражены в 300 научных трудах [23].

Большую значимость для горного производства имели разработанные им теоретические основы гидродинамики перемещения и кинетики расслоения минералов в суспензионных сепараторах, а также самонастраивающихся систем обогатительных операций в гидроциклонах, что позволяло успешно обогащать мелкозернистый материал. Рекомендации по результатам исследований реализовывались в практической работе обогатительных фабрик, перерабатывавших окисленные железные руды. О достижениях В. Н. Шохина говорят 47 авторских свидетельств на изобретения и 5 патентов [24, с. 216–218].

Профессор, доктор технических наук Вячеслав Николаевич Калмыков исследует темы разработки месторождений комбинированными способами и разработки месторождений ценных руд системами с закладкой. Его работы способствовали расширению сырьевой базы Магнитогорского металлургического комбината [25, с. 76–77].

Для нынешних научных направлений горняков университета большое значение имеет научная школа Владимира Алексеевича Галкина, который является представителем научной школы профессора

С.И. Попова. Сфера научных интересов В.А. Галкина определяется вопросами физико-технической геотехнологии, организации горного производства и обеспечения промышленной безопасности. Новые подходы в теории и технологии, разработки месторождений, организации производства, охраны труда и промышленной безопасности, предложенные В.А. Галкиным и его учениками, востребованы наукой и производством. Ему принадлежит около ста научных трудов, в том числе и монографии [26]. Успешные защиты докторских и кандидатских диссертаций под его научным руководством свидетельствуют о значимости данной научной школы.

В настоящее время научные идеи школы С.И. Попова и В.А. Галкина находят отражение в исследованиях их ученика, доктора наук, профессора Сергея Евгеньевича Гавришева. Он плодотворно работает над проблемами проектирования технологических схем формирования рабочей зоны рабочих карьеров, управления ресурсоемкостью процессов открытой геотехнологии [27, с. 26–27; 28]. С.Е. Гавришев оказал влияние на научную деятельность нынешнего директора Института горного дела и транспорта, профессора, доктора технических наук Ивана Алексеевича Пыталева, занимающегося обоснованием параметров открытой геотехнологии комплексного освоения крутопадающих месторождений для устойчивого развития горнотехнических систем [29]. В свою очередь учеником И.А. Пыталева является доктор технических наук Артур Маратович Мажитов, разрабатывающий проблему обоснования параметров подземной геотехнологии при доработке рудных месторождений с целенаправленным преобразованием свойств и состояния горных пород [30]. К научной школе В.А. Галкина относятся и исследования доктора технических наук Константина Владимировича Бурмистрова, посвященные геотехнологическим решениям по формированию системы вскрытия глубоких горизонтов карьеров [31].

В университете Институт горного дела и транспорта занимает ведущие позиции в научной деятельности. 12 докторов наук и более 40 кандидатов наук составляют основу научных школ этого института. Кадровый потенциал позволяет сосредоточиться на актуальных проблемах теории и практики горного дела.

Достижения современных научных школ университета наглядно демонстрируют, что опыт, накопленный за 90 лет существования вуза, стал важным этапом в развитии теории и практики горных специ-

альностей. Связь ученых университета и горных предприятий вышла на качественно новый уровень. Востребованность для производства изысканий научных школ МГТУ им. Г.И. Носова свидетельствует об актуальности и важности проводимой преподавателями научной работы.

Библиографический список

1. Колокольцев В.М., Филатов В.В. *Магнитка. Сталь и люди* / В.М. Колокольцев, В.В. Филатов // *Черные металлы*. — 2016. — № 12. — С. 60–67.
2. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.
3. Запарий В.В. *Вузовское образование через призму десятилетий: опыт изучения истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова* / В.В. Запарий // *История и современное мировоззрение*. — 2022. — Т. 4. — № 1. — С. 51–57.
4. Филатов В.В. *История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1940-е годы: моногр.* / В.В. Филатов. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. — 394 с.
5. *Магнитогорск: Крат. энцикл.* / [Редкол.: Б.А. Никифоров (гл. ред.) и др.]. — Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2002. — 559 с.
6. *Магнитогорский рабочий*. — 1942. — 3 марта.
7. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 69. Л. 6.
8. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 71. Л. 6.
9. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 115. Л. 35, 36.
10. Огиевский В.М. *Распознавание признаков начинающихся пожаров в медноколчеданных рудниках: (Термотермич. методы)* / В.М. Огиевский. — Свердловск; Москва: ГОНТИ, 1939. — 72 с. — (Труды Урало-Казахстанской промышленной академии НКЦМ. — Вып. 1).
11. *XV лет МГМИ: Сборник статей* / Под ред. д-ра техн. наук проф. В.М. Огиевского. — Магнитогорск: тип. Магнитогор. металлург. комбината: тип. газ. «Магнитогор. рабочий», 1947. — 56 с.
12. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 73. Л. 49, 53.
13. *Научные основы проектирования карьеров* / Под общ. ред. чл.-кор. АН СССР В.В. Ржевского [и др.]. — М.: Недра, 1971. — 598 с.
14. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 824. Л. 7–13.
15. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 486. Л. 16.
16. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 635. Л. 43.

17. **Зурков П.Э.** Разработка рудных месторождений открытым способом / П.Э. Зурков. — М.; Свердловск : Металлургиздат, 1953. — 527 с.
18. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–3.
19. МКУ ГАМ. Ф. 60. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.
20. **Каминская Е.И.** О возможности участия ороговикованных диабазов и гибридных диоритов в образовании магнетитовых руд на горе Малый Куйбас / Е.И. Каминская // Геология руд месторождений. — 1960. — № 3. — С. 71–76.
21. **Галигузов И.Ф., Чурилин М.Е.** Флагман отечественной индустрии : история Магнитогор. металлург. комбината им. В.И. Ленина / И.Ф. Галигузов, М.Е. Чурилин. — М.: Мысль, 1978. — 251 с.
22. **Борохович А.И., Бариев Н.В., Дьяченко С.Н.** Грузоподъемные установки с ленточным тяговым органом / А.И. Борохович, Н.В. Бариев, С.Н. Дьяченко. — М.: Машиностроение, 1980. — 191 с.
23. **Шохин В.Н., Шувалова Н.К., Треущенко Н.Н., Родина Н.И.** Флотационно-химическое обогащение фосфатных руд / [В.Н. Шохин, Н.К. Шувалова, Н.Н. Треущенко, Н.И. Родина]. — М.: Недра, 1991. — 205 с.
24. **Филатов В.В.** История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1950-е годы : моногр. : в 3 кн. Кн. 1. / В.В. Филатов. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. — 285 с.
25. **Филатов В.В.** История Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова: 1960-е годы : моногр. : в 4 кн. Кн. 1. / В.В. Филатов. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. — 352 с.
26. **Артемьев В.Б., Галкин В.А., Кравчук И.Л.** Безопасность производства (организационный аспект) : [практическое пособие] / В.Б. Артемьев, В.А. Галкин, И.Л. Кравчук. — М.: Горная книга, 2015. — 159 с.
27. На передовых рубежах научно-технического прогресса. Доктора наук и профессора МГТУ имени Г.И. Носова / сост.: Т.В. Ивкина, Г.С. Богданов. — Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. — 163 с.
28. **Гавришев С.Е.** Организационно-технологические методы повышения надежности и эффективности работы карьеров: моногр. / С.Е. Гавришев. — Магнитогорск: МГТУ, 2002. — 231 с.
29. **Пыталев И.А.** Обоснование параметров открытой геотехнологии комплексного освоения крутопадающих месторождений для устойчивого развития горнотехнических систем : автореферат дис. ... д-ра техн. наук : 25.00.22 : 25.00.21 / Пыталев Иван Алексеевич; [Место защиты:

ФГБОУ ВО Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г.И. Носова]. — Магнитогорск, 2019. — 36 с.

30. **Мажитов А.М.** Обоснование параметров подземной геотехнологии при доработке рудных месторождений с целенаправленным преобразованием свойств и состояния массива горных пород : диссертация ... д-ра техн. наук : 25.00.22 / Мажитов Артур Маратович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»]. — Магнитогорск, 2022. — 310 с.

31. **Бурмистров К.В.** Геотехнологические решения по формированию системы вскрытия глубоких горизонтов карьеров / К.В. Бурмистров. — Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2023. — 297 с.

V.V. Filatov

The Mining Specialties Scientific Schools of the Magnitogorsk State Technical University Named after G.I. Nosov (1934–2023)

Abstract. The article analyzes the scientific schools of mining specialties of one of the leading universities in the country, Magnitogorsk State Technical University. G.I. Nosova. The study showed that university scientists made a significant contribution to streamlining and increasing production efficiency. MSTU has created all the conditions for creative research and solutions to pressing problems in the mining industry.

Keywords: Magnitogorsk State Technical University, scientific schools, mining specialties, scientists.

Filatov Vladimir Viktorovich, Doctor of History, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of Historical Anthropology and Philology, Nosov Magnitogorsk state technical University (Magnitogorsk, Russia); e-mail: v.philatov@mail.ru.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГЛАВЛИТА НА УРАЛЕ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются проблемы оценки идеологической эффективности местных органов цензуры и участия Главлита в формировании и реализации социокультурной политики на Урале в 1920-е гг.

Ключевые слова: цензура, Главлит, идеология, периодическая печать, цензурное ведомство, политика НЭПа.

«Цензура — это система контроля за производством, распределением, хранением и потреблением социальной информации, действующей в соответствии с потребностями и интересами организующей и направляющей инстанции, наделенной властью» [1, с. 172]. Учреждение цензуры, формально в настоящее время не существующей, но процветающей в еще недалеком прошлом, является инструментом государственной власти, которая оправдывает ее наличие защитой общества от нежелательной вредной информации, разлагающей моральные устои. Благодаря этому инструменту власть вносит в общество государственную идеологию, социальные и культурные нормы [2, с. 40]. Следует отметить, что самоидентификация человека и система его ценностей при определенных условиях могут смещаться и преобразовываться, поэтому нельзя говорить об исключительно негативных последствиях цензуры для индивида, бывают случаи, когда принятые меры соответствуют запросам самого общества. В целом цензуру можно рассматривать как выполняющий роль табуирования способ институционализации человеческой культуры [3, с. 126], являющийся тем самым одним из механизмов самоорганизации общества. Порождение правил и санкций, управления и подчинения — закономерные элементы общественной жизни, цензура может существовать в любом типе общества, но вопрос о ее формах, правовом статусе и роли в формировании мировоззрения остается открытым [4, с. 32].

¹ Чернышева Мелисса Сергеевна, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студентка 3 курса; e-mail: jadaf3212299@mail.ru.

Относительно эффективности работы цензурных ведомств на Урале в 1920-е гг. существует две точки зрения. Первая состоит в том, что к концу десятилетия проверки местных органов, ответственных за выявление соответствия культурных мероприятий и печатной продукции предписаниям и циркулярам, обрели тотальный и директивный характер, что была утрачена та самостоятельность цензоров, которая существовала в постреволюционное время. Другая точка зрения принадлежит тем авторам, кто, апеллируя к большому количеству циркуляров с требованиями своевременного исполнения обязанностей по отправке ежемесячных отчетов, с повторяющейся информацией инструкций по работе, склонен считать, что эффективность Уралобллита в 1920-е гг. была низкой, что только к концу десятилетия работа ведомства начала обретать системный характер.

Цензура в начале 20-х гг. XX в. была слабой и противоречивой из-за низкой профессиональной подготовки, плохого финансирования и отсутствия нормативно-правовой базы. Однако когда в условиях новой экономической политики активизировались буржуазные идеологические тенденции, потребовались меры для их ограничения, поскольку они могли вызвать внутренний раздор общества и, как следствие, свертывание планов большевистского правительства по строительству нового общества [5, с. 97]. Созданный 6 июня 1922 г. Главлит являлся подведомственным органом Наркомпроса РСФСР. Он существовал параллельно с партийной цензурой и с ведомством карательной цензуры — ОГПУ–НКВД, а также и с самоцензурой, тем самым являясь частью одной большой системы контроля и, соответственно, системы государственного управления. На протяжении 1920–1930 гг. уральские партийные комитеты ВКП(б) и органы Главлита вели параллельную работу. Партийные комитеты выступали главными акторами в цензурной жизни; Главлиты редко могли влиять на ситуацию, будучи бюрократической ступенью с минимальными возможностями. В условиях экономической и политической нестабильности и подведомственности органам народного образования местные органы Главлита — гублиты — финансировались по минимуму, что в конечном итоге сказывалось на их работе.

В процессе создания Главлит формально был наделен большими полномочиями: владение всей бумагой в регионах, регистрация и выдача разрешений на открытие и деятельность издательств и типографий, просмотр иностранных произведений [6, с. 15], борьба

с подпольными издательствами, просмотр и редакция текстов, выдача театрам разрешений на постановку любых драматических, музыкальных и кинематографических произведений. Это неполный список функций гублитов. При этом на местные органы возлагался слишком большой объем работы, который должен был выполняться точно в сроки с соблюдением всех правил. Инструкции по работе местных органов Главлита публиковались в журналах и бюллетенях Наркомпроса, а также рассылались циркулярно. Основными направлениями деятельности местных органов Гублита были издательская деятельность и контроль зрелищных мероприятий (театр, эстрада, кино).

Цензура в сфере издательства была главным и наиболее четко работающим направлением работы местных органов Гублита. С июня 1922 г. в соответствии с декретом СНК № 685 «О частных издательствах» на местные органы цензуры были возложены функции политического контроля над всем издательским процессом в регионе: без их визы типографии не могли выпускать печатную продукцию, должны были соблюдаться правила оформления произведений; контролировался сам текст, тираж и расход печатных материалов. Выпускались перечни изданий, разрешенных к свободному распространению, полностью запрещенных, запрещенных для публики, разрешенных с изъятиями [7, с. 9]. Многие темы были под полным запретом — издания с мистическим характером, бульварные произведения, недобросовестная реклама, сведения о лицах, вышедших из Ассоциации художников революционной России, об эпидемиях, лекарственных препаратах, военных предприятиях и снаряжном производстве, об ожидающемся урожае и вообще о хлебофуражном балансе страны, о договорах с Италией и США [8, л. 58] и т.д. От местных цензоров Главлит требовал предоставления ежемесячных отчетов о состоянии издательского дела, в них должна была содержаться информация о проделанной работе, список действующих и новых типографий, информация обо всех ответственных редакторах и о членах редакционных коллегий [9, л. 12].

Можно выделить следующие недочеты в деятельности Окрлита в конце 1920-х гг.: продолжали выходить издания, не имеющие разрешительной визы и удостоверения; издавались авторы, запрещенные в других городах на территории Уральской области; лишь малая часть произведений проходила предварительный просмотр перед

публикацией; регулярно происходило несвоевременное предоставление отчетов. Все эти недочеты требовали не просто приложения усилия кадрового состава Уралобллита и дополнительного финансирования, но и оперативной связи центра с регионами по предоставлению директив и указов, дополнительных инструкций, в том числе для сокращения времени общей работы над текстами и выявления их несоответствия ранее предоставленной документации. В фонде ОГАЧО Р-407 в отчете Уралобллиту указываются причины несвоевременного выполнения инструкций — неосведомленность, нехватка инструкций, небольшой кадровый состав, нехватка финансов. Многие работники совмещали работу цензором с основной. Сами работники, составлявшие отчеты, понимали свою некомпетентность и малоэффективность своей работы. Согласно отчету Златоустовского Окружного инспектора по делам печати и зрелищ с 1 августа по 1 октября 1926 г. была проведена работа в 10 различных издательствах, практически к каждому циркуляру и инструкции Гублитом и Обллитом отправлялось приложение, в котором повторялась одна и та же информация, например, о допущении в печать только с визой, напоминания об исполнении некоторых циркуляров исключительно в частных типографиях, а также напоминания о случаях помещения в печатных изданиях информации о появлении новых периодических изданий, которые не разрешены были ни на местном уровне, ни Главлитом. Эти приложения направлялись довольно часто, за 1926–1927 гг. — не менее 17 раз [10, л. 4].

Редакционно-издательская политика в регионах была обусловлена не только циркулярами Главлита, но также личностными и ценностными ориентирами цензоров на местах. В период политической турбулентности человеку, облеченному властью принимать решения в издательской деятельности, надо было систематически заниматься идеологическим самообразованием, повышать квалификацию и уровень образования, он должен был соответствовать своей должности, понимать суть своей работы и исполнять ее без погрешностей.

При всех недочетах местные органы цензуры в сфере издательства и типографий были достаточно эффективны. Аппарат цензуры практически за 10 лет своего существования усовершенствовался, постепенно утвердив идеи патернализма и идеологической ортодоксальности, стремясь обеспечить как законность действий системы, так и крепость моральных устоев общества.

Другая отрасль деятельности местных органов цензуры — контроль за зрелищными мероприятиями. Это сфера, которая явилась самым сложным подопечным Главлита. С одной стороны, зрелищно-массовая культура по своей специфике циркулирует по каналам массовой коммуникации, главное в ней — коллективность [11, с. 8]; с другой — через зрелищные мероприятия индивиду легче адаптироваться к реалиям, визуальная составляющая в симбиозе со звуковым сопровождением порождает полное включение человека в созданную среду.

При Главлите был создан Главрепертком, за ним были закреплены следующие функции: составление списков разрешенных и запрещенных произведений, разрешение к постановке драматических, музыкальных, кинематографических произведений, контроль за репертуаром всех зрелищных предприятий и издание инструкции о порядке контроля, принятие необходимых мер и право закрывать учреждения в случаях нарушения. Однако сам перечень функций Главреперткома при его создании четко сформулирован не был и формально вытекал из функций Главлита в сфере контроля за зрелищными мероприятиями. Это порождало различные толкования на местах, в связи с чем в губернские и уездные города должны были направляться уточнения функций в виде инструкций. Однако на практике они зачастую либо вообще не доставлялись, либо с такой временной задержкой, что становились неактуальными и не соответствовали ситуации, сложившейся в городе [12, с. 287].

Дезориентация, вызванная изменениями конъюнктуры после победы большевистской революции, привела к аморфному состоянию большей части руководства театров. В предреволюционное время чаще всего прибегали к обличительным формам повествования, а с приходом большевиков на вопрос — что показывать и о чем вести повествование — ответы могли быть разными. При этом государство и власть намеревались увеличивать долю того, что максимально соответствует коммунистической морали, стремясь к апологетике всей политики власти, воспевая ее, в то время как измотанный всеми потрясениями войны, революцией, голодом народ желал отвести душу хотя бы на некоторое свободное от работы время [13, с. 14].

Первым мероприятием Главреперткома стало составление подробной инструкции «Руководство по цензуре зрелищ», выпущенное в феврале 1923 г. В нем содержался перечень репертуаров, какие

могли быть допущены до зрителя, а какие нет. В отчете начальника Уралобллита А.Д. Ослановского за конец июня содержатся сведения о 153 постановках, которые были подвергнуты проверке в регионе за 1923 г. Итогом стал тотальный запрет 20 из них [14, л. 4], т. е. 13% из общего числа. К 1925 г. были конкретизированы критерии, по которым оценивались пьесы, а также проведен раздел на группы: «нэпманские» и «рабоче-крестьянские». В отчете за 1926 г. представлены списки пьес в алфавитном порядке, сначала — разрешенные пьесы, затем недопущенные, например «Николай II» Кокорина, «Первый император Петр I» И. Тенероко. Допущены были «Рабы церкви» Э. Золя, «Грех Евы» С. Белой [15, л. 18 об.].

Главной проблемой цензуры эстрадного искусства было то, что тексты пьес могли быть проверены цензорами, одобрены и отправлены с визами, но фактически актеры еще могли импровизировать, поскольку карательный инструментарий еще не был вполне сформирован. На местном уровне цензоры были зачастую бессильны и вынужденно скрывали промахи или утаивали в ежегодных отчетах факт неправомерности действий актеров. Такая тенденция прослеживается до начала 1930-х гг., эффективность рассматривалась сквозь статистику, а не по факту анализа реального исполнения. Предварительный характер контрольного процесса усложнял работу цензуры в сфере эстрады.

В киноиндустрии в начале 1920-х гг. действовали аналогичные правила и инструкции: поручалось предварительно проверять киноленты на наличие запрещенных материалов в них; при наличии следовала конфискация и составление подробных отчетов. По данным 1928 г., приведенным на 1-й Сатинской конференции кинозрителей, рост кинопродукции в сравнении с 1923 г. составлял 1233%, а увеличение популярности кинокартин связывалось с улучшением показываемого репертуара. Нужно учитывать то, что кинотеатров в регионе было немного, цензорам было легче регистрировать и вести учетные листы по каждому редактору кинопроизведений. Из минусов работы отмечалось, что содержание не всех кинолент соответствовало предписаниям, выпускалось малое количество научных кинофильмов и фильмов в сфере культуры, а также общая дороговизна оборудования [16, л. 35].

Уралобллит, следуя инструкциям Главлита и Главреперткома, стремился контролировать все формы творческой мысли в сфере

зрелищных мероприятий. Однако на практике контроль за репертуаром оказался одним из самых слабых мест в деятельности уральских цензоров. Часто работа по контролю над репертуаром сводилась к фиксации фактов нарушений и ведению статистики постановок пьес, концертов и показов кинофильмов в регионе. Многие цензоры не обладали необходимыми знаниями и навыками для распознавания уловок, к которым прибегали артисты, чтобы обойти существующие запреты. В результате чего многие сомнительные с точки зрения идеологии произведения проходили цензуру и попадали как на сцены, так и на экраны.

В 1920-е гг. небольшой аппарат работников Уралобллит только начал налаживать связь с местными органами цензуры. За это время Уралобллит разработал и распространил сотни циркуляров, инструкций и распоряжений. Но их своевременное и полное исполнение было недостаточным. На протяжении десятилетия при помощи контроля руководители Уралобллит пытались придать действиям областных и уездных органов — обллитов и улитов — системный характер, но не все предпринимаемые попытки увенчались успехом. Цензоры явно не справлялись с возложенными задачами, в связи с чем деятельность аппаратов гублитов была признана неэффективной. В Екатеринбургской губернии Уралобллит, получив напрямую выход на улиты, мог оперативно вызывать цензоров для дачи дополнительных инструкций, в то же время в Пермской, Челябинской и Тюменской губерниях приходилось первоначально иметь дело с губцензорами, а уже через них опосредованно и с улитами. За короткий период своего существования гублиты сыграли роль фильтра между уездной цензурой и Уралобллитом.

К концу 1920-х гг. на Урале были поставлены на учет губернские типографии и издательства, кинотеатры, введены общие правила для открытия новых. В сфере зрелищных мероприятий дела обстояли неважно из-за включения артистами импровизации в постановки и, как следствие, игнорирования постановлений и фальсификации отчетов со стороны цензоров. Данная сфера может считаться самой малоэффективной отраслью Главлита до середины 1930-х гг.

Для молодого учреждения то количество задач, которое было возложено на местные гублиты, были непосильно, а ввиду отдаленности региона от центральных контролирующих органов цензура на Урале в 1920-х гг. не приобрела тотального характера.

Библиографический список

1. **Левченко И.Е.** Парадоксы цензуры / И.Е. Левченко. // *Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. Вып. 2.* — СПб., 2005. — С.172.
2. **Гимпельсон Е.Г.** НЭП и советская политическая система. 20-е годы / Е.Г. Гимпельсон. — М.: Изд-во Наука, 2000. — С. 40.
3. **Артемов Е.Т., Воробьев С.В., Кириллов С.Д. и др.** Государство и народ в условиях социалистического эксперимента. Опыт ретроспективного анализа / Е.Т. Артемов, С.В. Воробьев, С.Д. Кириллов и др. — Екатеринбург.: УрО РАН, 2008. — С. 126.
4. **Дубин Б.В.** Переводчик, социолог, культуролог / Б.В. Дубин // *Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва* / [Редактор Т.В. Громова]. — М., 1995. — С. 32.
5. **Федотов М.А.** Гласность и безгласность. Заметки об истории отечественной цензуры: возможность сосуществования / М.А. Федотов // *Советское государство и право.* — 1989. — № 7. — С. 97.
6. **Солодин В.А.** Литературное наследие / В.А. Солодин // *Цензура в царской России и Советском Союзе: Материалы конф., 24–27 мая 1993 г., Москва* / [Редактор Т.В. Громова]. — М., 1995. — С. 15.
7. **Блажес В.В.** Русская литература Урала: историографический аспект. Литература Урала: история и современность / В.В. Блажес // *Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть: сб. науч. ст.* — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. — С. 9.
8. ОГАЧО. Р-407. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
9. ОГАЧО. Р-407. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
10. ОГАЧО. Р-407. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
11. **Золотухин Б.Е., Аникина Г.В., Шайхатдинов А.З.** Влияние массовой культуры на социокультурную среду / Б.Е. Золотухин, Г.В. Аникина, А.З. Шайхатдинов // *Философия, культурология, социология.* — 2014. — № 8. — С. 8.
12. **Дианов С.А.** Органы Главлита и цензура зрелищ на Урале в 1922–1940 гг. / С.А. Дианов // *Вестник Пермского ун-та. Серия История.* — 2011. — № 3. — С. 287.
13. **Булдаков В.П.** От приручения к диктату: власть и культура в 1920-е гг. / В.П. Булдаков // *Культура и власть в СССР 1920–1950-е годы: материалы IX международной научной конференции Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г.* — М., 2017. — С. 14.
14. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

15. ОГАЧО. Р-407. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об.

16. ОГАЧО. Р-407. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

M.S. Chernysheva

The Effectiveness of the Local Authorities Activities in The Urals in the the 20s of the XX century

Abstract. *The author raises the problems of evaluating the activities of censorship agencies in the Urals in the 20s due to the participation of the Central Committee in the formation and implementation of policies in the field of socio-cultural life, and the effectiveness of local censorship authorities in the ideological aspect.*

Keywords: *censorship, Glavlit, ideology, periodical press, censorship department, NEP policy.*

Chernysheva Melissa Sergeevna, 3rd student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: fadaf3212299@mail.ru.

УДК 93/94

Я.Ю. ЯРКОВ¹

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦДООСО² О ЖИЗНИ ИНОСТРАНЦЕВ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

Аннотация. *В статье анализируются архивные документы фондов ЦДООСО о жизни и производственной деятельности иностранных специалистов и рабочих на Урале в 20–30-х годах XX века. Делается вывод о наличии широкой источниковой базы по данной тематике.*

Ключевые слова: *Урал, иностранные специалисты, иностранные рабочие, ЦДООСО, архивные документы, индустриализация.*

¹ Ярков Ярослав Юрьевич, ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), студент IV курса;
e-mail: yarik5006@yandex.ru.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Директивы о широком использовании на предприятиях страны передовой заграничной техники и привлечения на работу в СССР квалифицированных иностранных рабочих и специалистов были определены XIV съездом ВКП(б), состоявшемся в декабре 1925 г. [1, с. 51].

Начальная дата (1928 г.) массового приезда на Урал иностранных специалистов совпадает с началом развертывания гигантского промышленного строительства. Кроме того, именно в этот период в капиталистических странах разразился мировой экономический кризис, который сопровождался массовой безработицей.

Уральский обком ВКП(б) 20 мая 1927 г. на заседании бюро принял решение «заслушать на ближайшем секретариате доклад председателя Уральского областного совнархоза В.Н. Андроникова [2, с. 23] о нехватке специалистов и возможности приглашения иностранцев» [3, л. 453].

Причины приезда иностранных рабочих и специалистов на Урал были различными. Мотивы приезда зависели от конкретного человека. Но если их обобщить, то можно выделить следующие: 1) мировой экономический кризис, который вынуждал людей искать работу; 2) заинтересованность советского руководства в услугах иностранцев и установки импортного оборудования; 3) обещание советского руководства лучших условий жизни и большая зарплата в валюте для иностранцев; 4) идеологическая причина¹; 5) представительство от лица фирмы, заключившей договор о технической помощи с советскими хозяйствами, соответственно фирма отправляла своих представителей в СССР.

Основные отрасли промышленности, где работали иностранцы: черная и цветная металлургия, машиностроение, угольная промышленность, строительство.

В Центре документации общественных организаций Свердловской области было выявлено значительное количество архивных документов о жизни иностранных рабочих и специалистов на Урале в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

В Фонде № 14 «Партийная группа президиума Свердловского областного совета профсоюзов» отложились документы иностранного бюро при Уралпрофсовете (УОСПС) о количественном и нацио-

¹ Эта причина касается тех иностранцев, которые разделяли социалистические взгляды и хотели реализовать идеи постройки рабочего государства.

нальном составе прибывших рабочих и специалистов, а также о жизни иностранцев на Урале.

Согласно данным докладной записки областного иностранного бюро при УОСПС в Уральской области на 01.01.1933 трудилось 1500 иностранных рабочих и специалистов, с членами семей количество иностранцев составляло 2204 человека. Среди них было 700 инженеров и техников. По национальности они делились следующим образом: 70% немцы и австрийцы, остальные — американцы, чехословаки, «кроаты»¹. Кроме того, отмечались небольшие группы сербов, французов, итальянцев, англичан [4, л. 100].

Отдельную группу иностранцев составляли «перебежчики». Так, в апреле 1932 г. на Пермкомбинатстрой их прибыло 930 чел. из Польши² и Финляндии. Местные организации допустили грубейшие искажения директив партии и правительства, эта группа рабочих была поставлена на работу вместе со спецпереселенцами, расселялись в недостроенных бараках, отдельные рабочие систематически обсчитывались при выдаче зарплаты, <...> рабочие простаивали по нескольку дней в очередях за хлебом [5, л. 111, 130, 222]. Эти факты преступно-небрежного отношения со стороны местных организаций к обслуживанию эмигрантов способствовали бегству их со стройки (24 человека), невыходам на работу, а также пьянке и картежной игре в бараках [5, л. 130]. В г. Первоуральске на строительстве трубного завода работали эмигранты-перебежчики в количестве 1000 человек (евреи, поляки, чехи и т.д.). Бытовые условия их жизни, так же как и г. Перми, оставляли желать лучшего. Занимаемые эмигрантами бараки «не имели должных условий для нормального в них жилья» [6, л. 152]. Эмигранты-перебежчики в количестве 750 человек прибыли также на строительство Магнитогорского комбината [7, л. 82].

Для иностранцев существовал особый магазин — Инснаб, отделение которого находилось в ближайшем поселке, где проживали иностранные рабочие. Инснаб имел в продаже большое количество (по меркам того времени) всех необходимых продуктов: мясо, масло, яйца, молоко, мука, хлеб, рыба, консервы, кондитерские изделия, а также одежду. В феврале 1933 г. фракция ВКП(б) Уралпрофсовета приняла постановление по докладу Инснаба о снабжении иностранных рабочих и специалистов, в котором отмечалось, что «снабжение

¹ Предположительно, хорваты, имевшие югославское гражданство

² Конкретно из Западной Белоруссии

иностранцев по установленным нормам Наркомснаба проводилось бесперебойно» [6, л. 9]. Вместе с тем качество и ассортимент промтоваров не совсем удовлетворяли иностранцев. Так, за 1932 г. остались невостребованными иностранцами товары на 2 млн руб., которые были успешно перепроданы Инснабом другим организациям [6, л. 9].

В июне 1932 г. в Пермь на строительство комбината «К» (Пермкомбинатстрой) из Москвы прибыл представитель Инбюро ВЦСПС Герман. В докладе о поездке он сообщал, что на строительстве Пермского комбината в июне 1932 г. работали люди 9 национальностей. Часть рабочих — немцы Поволжья. Заключенный с ними договор был выполнен лишь на 18–20%. Рабочие в бараках вынуждены спать на голых нарах. Среди русских рабочих ходили разговоры такого содержания: «Какого черта приехали немцы, когда мы сами голодаем» [5, л. 117].

На конец ноября 1932 г. был запланирован созыв областной конференции иностранных рабочих и специалистов, работающих на новостройках Урала. Конференция имела следующую повестку дня: 1) Строительство социализма в СССР и роль в нем иностранных рабочих и специалистов (доклад Инбюро ВЦСПС); 2) Выполнение первой пятилетки и перспективы второй пятилетки (доклад Уралплана); 3) О состоянии работы среди иностранных рабочих и специалистов на Урале (доклады Инбюро УОСПС, содоклады Магнитогорского, Березниковского, Тагильского горпрофсоветов) [8, л. 127].

В анкетах делегатов областной конференции иностранных рабочих только 7 человек из 54 указали, что их правильно используют на производстве. Подавляющее большинство опрошенных иноспециалистов заявили о том, что к их предложениям об улучшении производства на предприятиях не прислушиваются [4, л. 101].

В архивных документах отражены и положительные примеры использования иностранцев. В докладной записке отмечалось, что «большинство инорабочих и специалистов работает на производстве по-ударному, перевыполняет программы, отмечаются аккуратностью, точностью, хорошим качеством работы. Бригада иностранного рабочего Визе (инструментальный завод им. В.И. Ленина в г. Златоусте) систематически выполняла план на 120–160%. Бригада Визе дала 75 рационализаторских предложений, позволив сэкономить 15 тыс. рублей. Бригада построила свой дом отдыха, приступила к разведению кроликов, обрабатывала свой огород. Формовщик Кыштымского механического завода Грисс выполнял план на 120–150%, в то время

как в среднем рабочие цеха на 80%. Иностранная бригада на заводе в Сатке выполняла программу на 180%» [4, л. 101].

Основной массив документальных источников о жизни и производственной деятельности иностранных рабочих и специалистов отложился в фонде № 4 «Свердловский обком КПСС». Исследуя различные справки, докладные записки, сводки, межведомственную переписку, мы можем узнать об условиях работы иностранцев на предприятиях Урала. Так, в сентябре 1931 г. из Москвы в адрес Уралобкома ВКП(б) было направлено письмо за подписью председателя правления «Цветметзолото» А.П. Серебровского «о крайне неблагоприятном положении, создавшемся в отношении иностранных специалистов и их работы» [9, л. 126]. В письме утверждалось, что на некоторых предприятиях цветной металлургии, в том числе и на уральских, происходит травля иностранных специалистов. «Эта травля принимает самые разнообразные формы. Беззастенчивое зазнайство и бахвальство доходят до того, что рабочим-инструкторам, приехавшим из Америки и других стран и показывающим, в условиях напряженной работы, значительные достижения — говорят в лицо, что у них нечему учиться, что в них не нуждаются, что и без них сумеют справиться» [9, л. 126]. Пользуясь незнанием иностранцами русского языка, некоторые руководители извращали распоряжения иностранных специалистов «чтобы сделать их смешными в глазах советских рабочих и техперсонала» [9, л. 127]. Притеснение иностранцев проходило и на бытовом уровне, им не предоставляли жилье, «заставляли спать в коридорах, не снабжали продовольствием и создавали невыносимые условия» [9, л. 127]. В результате такой политики за первое полугодие 1931 г. с предприятий «Цветметзолота» уехало обратно за границу около 20–25% состава иностранных специалистов [9, л. 126]. Для искоренения подобных явлений предлагалось создать специальную комиссию и направить ее на Урал с целью расследования фактов травли.

В ответном письме, направленном в ВСНХ СССР, ЦК ВКП(б), ЦК Союза Цветметзолото, НК РКИ, ОГПУ, секретарь Уралобкома ВКП(б) И.Д. Кабаков подтверждал, что действительно фактов пренебрежительного отношения к иностранным специалистам за последние годы было «чрезвычайно много» [9, л. 124]. Однако И.Д. Кабаков отмечал, что к письму Цветметзолота не приложены конкретные материалы, по которым можно было бы провести проверку. Тем не менее секретарь Уралобкома ВКП(б) обещал направить для проверки «взаим-

моотношения местных организаций с иностранными специалистами... и устранения всех имеющихся ненормальностей» специальную комиссию обкома в Карабаш, Калату, Уралмедьстрой и Кыштым [9, л. 125].

Необходимо отметить, что переехавшие на Урал иностранцы не были брошены своими странами на произвол судьбы и даже обеспечивались необходимой консульской помощью. Так, в фонде Свердловского обкома ВКП(б) отложилось переведенное с немецкого языка письмо руководителя Консульского отделения немецкого посольства в Москве Пфайфера о визите его в г. Свердловск в начале декабря 1931 г. для встречи с немецкими специалистами, работающими на предприятиях Урала. Немецкий дипломат планировал остановиться в Центральной гостинице, где намеревался встречаться «каждый день от 10 до 12 и от 4 до 7 час. с немецкими господами, которые мне о всяких делах желают говорить» [9, л. 91]. Также помогать адаптироваться к условиям проживания в Советском Союзе иностранным рабочим и специалистам должны были профсоюзные организации. При ВЦСПС в первой половине 1930-х гг. было создано Иностранное бюро [10, с. 17]. На Урале при Уралпрофсовете в 1932 г. также было создано Иностранное бюро со штатом из четырех человек (председатель, ответственный инструктор, редактор журнала и ответственный секретарь) [5, л. 100].

Представляют несомненный интерес информационные материалы Полномочного представительства ОГПУ по Уралу о настроениях среди иностранных специалистов в Магнитогорске (март 1931 г.), отложившиеся также в фонде № 4 [11, л. 94–97]. Согласно данным ОГПУ, в среде американских инженеров участников строительства Магнитогорского комбината преобладали критические настроения. Так, американский инженер Эйлисс открыто высказывался, что «недостаток оборудования и строительных материалов, безусловно, сорвет пуск завода первой очереди в срок» [11, л. 94]. Он же говоря о характере труда в СССР, отмечал «...у вас инженеры и рабочие не имеют права без репрессий выехать со строительства, если бы они пожелали. Значит, труд принудительный» [11, л. 95]. Инженер Стэк также высказывал недоверие в осуществление окончания строительства и пуска завода в срок. На заседании заводоуправления 27 февраля 1931 г. он выступал со следующими словами: «Строительством преступно не используются строительные материалы и техническое оборудование. Системы контроля над рабочими не производится. Ежедневно из имеющихся рабочих 2–3 тысячи лодырничают по казармам» [11, л. 95]. Интересно,

что еще 2 месяца назад этот же инженер Стэк, занимавший тогда должность Главного строителя выступал с другими речами: «Здесь на строительстве нет американских и русских инженеров, здесь имеется одна семья, кровно заинтересованная в отдаче своих сил и знаний для осуществления пятилетнего плана строительства, которое мы выполним, закончив с честью» [11, л. 96]. Не веря в то, что удастся завершить строительство в срок, и боясь последствий, подали заявления об уходе со строительства несколько американских инженеров [11, л. 96].

В информации ОГПУ указывался и один пример положительного отношения к сложившейся ситуации. Американский инженер Девис, имея желание остаться для продолжения работы в СССР, высказывался: «В СССР великая идея действительного равенства, чего у нас в Америке, в передовой стране, к сожалению, не имеется. Россия коллективно богаче Америки» [11, л. 97].

В информационной сводке ПП ОГПУ от 25 января 1931 г. в разделе «Разное» сообщалось, что в Лысьвенском районе на Лысьвенском механическом заводе работает 7 иностранных специалистов, из которых трое являлись высококлассными специалистами, приехавшими из Германии по индивидуальным договорам. Все они высказывали желание расторгнуть договор и вернуться на родину. Причинами этого назывались: отсутствие газет, переводчиков, неаккуратная высылка валюты семьям специалистов [12, л. 6–7].

В фонде Уральского обкома ВКП(б) также встречаются данные о количестве иностранных рабочих и специалистов, их национальности и места работы. Так, в 1932 году на предприятиях Гиппромет, Уралруда, Хромпик, Трубстрой работало около 900–1000 инорбочих, 80% из которых были немцами, а остальные американцами, чехами и словаками и другими [13, л. 2]. На «Востокостали» в Надеждинском, Лысьвенском и Белорецком заводах работало около 200 иностранцев, большинство из которых были немцами [13, л. 4]. На момент конференции на «Цветметзолото» в Калате¹ работало 72 иностранца, а за весь 1932 год было приглашено 374 человека [13, л. 5–8]. На «Востокруде» в Высокогорском ВГОК (Нижний Тагил) и Бакале работало 11 человек и еще шло ожидание 13 высококачественных инженеров и рабочих, хотя было 138 заявок [13, л. 8].

Документы об иностранцах на Урале содержатся также в фонде № 424 «Уральская контрольная комиссия». Эти архивные документы

¹ С 1935 года — г. Кировоград

позволяют нам сделать вывод о том, что иностранцы на Урале работали не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Так, в фонде № 424 содержится сводка сектора информации Уральского обкома ВКП(б) о политическом настроении немцев-колонистов Троицкого и Челябинского округов (февраль – март 1930 г.). В сводке сообщалось о проведении конференции немцев-колонистов, проживающих в Каракульском районе Троицкого округа. Проводившие конференцию партийные работники сообщали, что «настроение среди немцев сейчас чрезвычайно напряженное» [14, л. 48]. На конференции обнаружилось стремление немцев выехать за пределы СССР. Как отмечали партийные работники, особенно это стремление усилилось в последнее время «в связи с процессом колхозного движения и раскулачиванием» [14, л. 48]. На конференции делегаты заявляли: «Нам не нужны немецкие сельсоветы, не нужна коллективизация, мы против коллективизации, мы против советской власти не идем, но желаем уехать» [14, л. 48]. После доклада о раскулачивании немецкие делегаты заявляли: «Мы все кулаки, никого не дадим раскулачивать, всех можете выселять» [14, л. 48]. Подобные же настроения преобладали среди немецких колонистов, проживавших в Яланско-Катайском, Чудиновском, Кочердыкском и Челябинском районах Челябинского округа. Так, немецкие жители пос. Плюмент приняли резолюцию «...не медля ни минуты, начинать ходатайствовать о выезде» [14, л. 48–48 об.].

Таким образом, проанализировав архивные документы трех фондов, находящихся на хранении в ЦДООСО, можно сделать вывод о наличии достаточно обширной источниковой базы для проведения исторических исследований, посвященных различным аспектам жизни и работы иностранных рабочих и специалистов на Урале в 20–30-е годы XX века.

Библиографический список

1. **Васина И.И.** *Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Урала в годы первой пятилетки (1928–1933 гг.)* / И.И. Васина // *История науки и техники в современной системе знаний : вторая ежегодная конференция кафедры истории науки и техники, 8 февраля 2012.* — Екатеринбург : [УМЦ УПИ], 2012. — С. 51–55.
2. **Бакунин А.В.** *Андроников Владимир Николаевич* / А.В. Бакунин // *Уральская историческая энциклопедия* / [Гл. ред. В.В. Алексеев]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 640 с.

3. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 12.
4. ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 102.
5. ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 97.
6. ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 106.
7. ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 110.
8. ЦДООСО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 98.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 214.

10. **Богданов А.В.** *Восприятие иностранцами рабочими и специалистами советской повседневности 1929–1933 гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) / А.В. Богданов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки».* — 2020. — Т. 20. — № 3. — С. 17–20.

11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 219.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 221.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 171.
14. ЦДООСО. Ф. 424. Оп. 1. Д. 787.

Ya.Yu. Yarkov

The CDOOSO Archival documents on the life of foreigners in the Urals in the late 1920s – early 1930s

Abstract. *The article analyzes the archival documents of the CDOOSO funds on the life and production activities of foreign specialists and workers in the Urals in the 20–30s of the twentieth century. It is concluded that there is a wide source base on this topic.*

Keywords: *Ural, foreign specialists, foreign workers, CDOOSO, archival documents, industrialization.*

Yarkov Yaroslav Yurievich, 4th year student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia);
e-mail: yarik5006@yandex.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук
 ГАПК — Государственный архив Пермского края
 ГАПО — Государственный архив Псковской области
 ГАСО — Государственный архив Свердловской области
 ГАУК — государственное автономное учреждение культуры
 ИИА — Институт истории и археологии
 КБЧ — Книга Большому чертежу
 КМО — Кунгурский муниципальный округ
 М. — Москва
 МАМО — Московский архив Министерства юстиции
 МАУК — муниципальное автономное учреждение культуры
 МБУК — муниципальное бюджетное учреждение культуры
 МГМИ — Магнитогорский горно-металлургический институт
 МКУ ГАМ — Муниципальное казенное учреждение «Городской архив» г. Магнитогорска
 ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
 НИИ — научно-исследовательский институт
 ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
 ОГМД — отдельный гвардейский минометный дивизион
 ОМПУ — Объединенный музей писателей Урала
 ПИИ — Прямые иностранные инвестиции
 РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГБ — Российская государственная библиотека
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РНБ — Российская национальная библиотека
 СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера
 СПб. — Санкт-Петербург
 УГИ — Уральский гуманитарный институт
 УГТУ — Уральский государственный технический университет
 УДТК — Уральский добровольческий танковый корпус
 УПИ — Уральский политехнический институт
 УрГАХУ — Уральский государственный архитектурно-художественный университет
 УрГУ — Уральский государственный университет
 УрГЮУ — Уральский государственный юридический университет
 УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук
 УРФУ — Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
 ФГАОУ ВО — Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ЦГИАМ — Центральный Исторический архив Москвы
 ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области

Научное издание

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ ТАТИЩЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Всероссийская научно-практическая конференция

(Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 года)

Материалы

Часть 1

Главный редактор издательства Е.Ф. Тамплон

Технический редактор Е.В. Кузьмина

Верстка И.С. Ленский

Корректор Л.И. Сушкова

Подписано в печать 01.07.2024. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага ВХИ. Гарнитура Minion.

Печать офсет. Усл. печ. л. 18,34. Уч.-изд. л. 15,19. Тираж 300. Заказ 739.

ООО «Издательство КВАДРАТ»

620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 21/3 - 83

тел.: (343)219-07-67, e-mail: aquapress@mail.ru

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: sales@uralprint.ru